
ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля 1923 года

№ 10 (2175)

8 МАРТА 1969

Фоторепортаж корреспондента газеты «Магаданская правда» И. ДРОНОВА

Климат у нас известно какой: восемь месяцев — зима, остальное — лето. Так что снегурочками магаданских женщин можно называть с полным основанием. Их у нас десятки тысяч, работящих, веселых, заботливых снегурочек, десятки тысяч — и сотни самых разных профессий. И чисто северные, как у девушек из звероводческого совхоза «Магаданский», где выращивают голубых песцов и норок (снимок 1), или как у оленевода Анны Гаврикан (снимок 2). И чисто южные, но уже продвинувшиеся далеко на север, как у тренера по плаванию Анны Везенцевой (снимок 3). Через руки магаданских снегурочек проходят многие килограммы золота, в открытии месторождений которого участвует и маркшейдер Галя Русалева (снимок 4). Но эти руки пластичны, как у девчат из балетного кружка Дворца культуры профсоюзов (снимок 5).

В самом северном порту нашей страны Певеке как-то у одного судна поломался винт. На устранение аварии требовалось 10—12 дней, но водолазы управились за двое суток. Чтобы рассказать об их работе, моя коллега, журналистка Валерия Васильева облачилась в водолазный скафандр и отправилась под воду делать репортаж (снимок 6).

МАГАДАНСКИЕ С

1

3

2

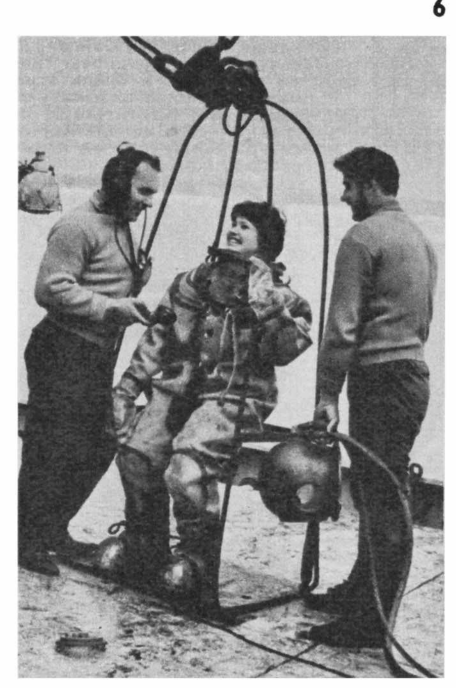
4

5

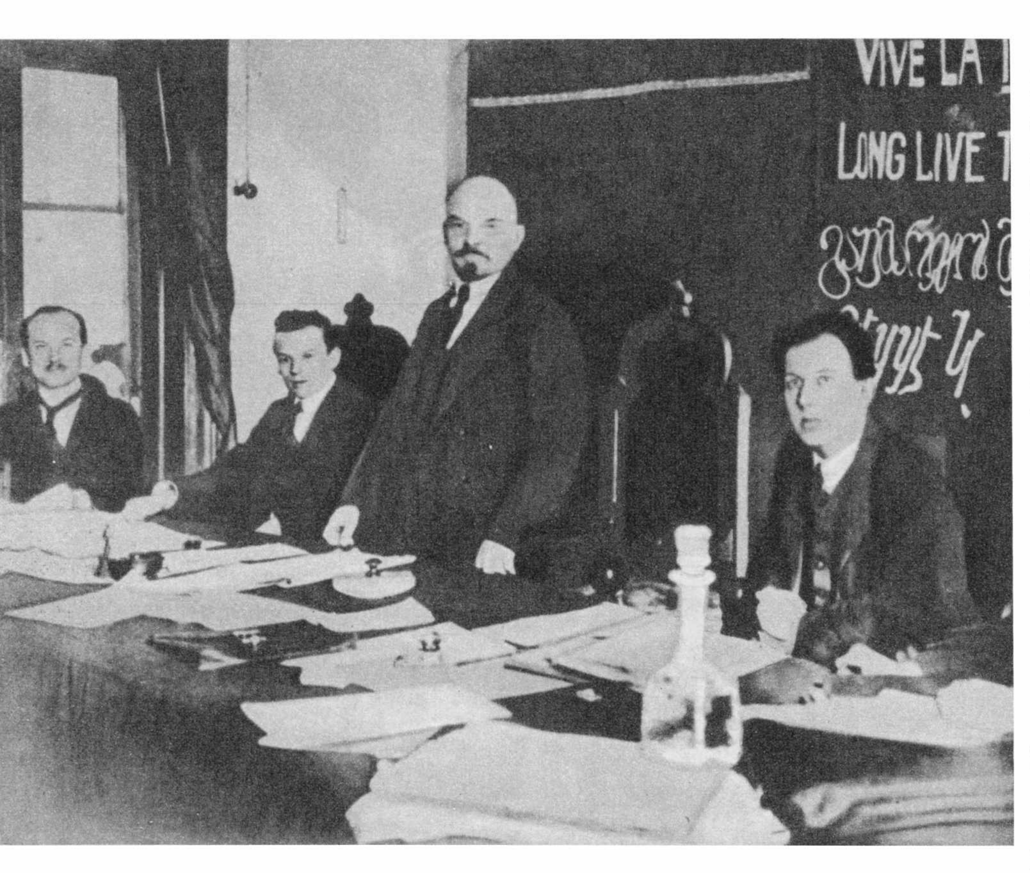

6

НЕГУРОЧКИ

ТРЕТИЙ, КОММУНИСТИЧ

В. И. Ленин в президиуме Первого конгресса Коммунистического Интернационала.

Утро. У входа в Музей В. И. Ленина, как всегда, многолюдно. Русская, английская, польская, немецкая речь... Двери музея открылись в одиннадцать часов, и первыми туда вошли ребятишки. Их было много. Они несли с собой горн, барабан, пионерское знамя в чехле.

В двенадцатом зале на втором этаже пока никого. В проеме между окон — экспозиция, посвященная Первому конгрессу Коммунистического Интернационала, состоявшемуся в Москве. 4 марта исполнилось ровно полвека большому историческому событию.

В окно заглядывает яркое московское солнце. Вторник. Будничный день столицы. Тогда, полвека назад, тоже был вторник...

Весна 1919 года. Республика Советов сражалась на фронтах гражданской войны, отбивалась от интервентов. На нас шли железные армады, нам пророчили гибель. Но Советская власть стояла крепко.

«Прочно только то в революции, что завоевано массами пролетариата. Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано».

Так писал Владимир Ильич в дни работы Первого конгресса Коммунистического Интернационала. Возникновение этой международной коммунистической организации история связала с именем В. И. Ленина.

Немногим делегатам удалось пробиться через фронты в советскую Москву. Делегатов было всего 52. Они пришли в Кремль. Было холодно. Некоторые сидели в пальто. 4 марта 1919 года в Москве, столице сражавшейся республики, посланцы коммунистов разных стран проголосовали за создание Коммунистического Интернационала.

Коммунистический Интернационал уже тогда, в момент его основания, имел весьма прочный фундамент. Пролетарское движение развивалось, его не могли удержать в рамках буржуазной «благопристойности» прославленные специалисты звонкой фразы. Великая Октябрьская социалистическая революция подняла на борьбу рабочий класс капиталистических стран, народы, скованные цепями колониального ига. Во многих странах возникали коммунистические партии, росло стремление к единству международного коммунистического движения. III Интернационал был призван стать Интернационалом открытого массового действия, Интернационалом революционного осуществления, Интернационалом дела — такова была задача международной коммунистической организации, высказанная в Манифесте Коммунистического Интернационала «К пролетариям всего мира».

В. И. Ленин открывал конгресс, делал доклад по основному вопро-

ЖЕНЩИНЫ ТРУ

НА ПЕРЕДОВОЙ

Южный Вьетнам. Женщины провожают бойцов Армии Освобождения в новый поход. На Сайгон, Дананг, Хюэ? Неизвестно. Но мы знаем, что южновьетнамские патриоты снова наносят беспощадные удары по американским интервентам. И среди этих патриотов — женщины Южного Вьетнама. Вьетнамок принято называть хрупкими, но они умеют носить оружие и пользоваться им. Крупнейшую политическую и боевую организацию населения страны — Национальный Фронт Освобождения возглавляет женщина — сестра Бинь, как ее называют во всем мире. Новых успехов в борьбе за свободу желает героическим дочерям Вьетнама весь советский народ.

БОИ ИТАЛИИ

Женщины Италии хотят мира, равенства, уважения своих прав, они хотят работать для себя, а не для обогащения хозяев. Об этом говорили участницы съезда Союза итальянских женщин.

На верхнем снимке вы видите одну из выступающих на съезде.

А на нижнем — то, чем отвечают итальянские власти на требования женщин Италии. Так расправлялась с молодыми католичками полиция Пармы.

ЕСКИЙ

су порядка дня — о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Это был сокрушительный удар по оппортунистической позиции деятелей II Интернационала, которые разговорами о «демократии вообще» уводили пролетариат от классовой борьбы.

Делегатов, собравшихся полвека назад в Кремле, было еще немного. И некоторые сомневались: не рано ли говорить об образовании Коммунистического Интернационала? Владимир Ильич сказал тогда: «А видели ли вы, когда маленький комочек снега начинает катиться с горы: растет, увеличивается, превращается в лавину и сметает все на своем пути. Так и наше коммунистическое движение превратится в лавину и сметет с лица земли весь капиталистический мир».

Коммунистический Интернационал открыл новый этап сплочения коммунистического движения на нашей планете. Сегодня более 40 миллионов человек хранят на груди билеты коммунистических партий. Громадная армия борцов. Это предвидел Владимир Ильич пятьдесят лет назад, доказывая необходимость создания Коммунистического Интернационала.

...Идут и идут люди в музей Ильича. Залитую солнцем Красную площадь прорезала нескончаемая, молчаливая очередь в Мавзолей, к Ленину! Страны и континенты идут поклониться ему.

О. ВАСИЛЬЕВ

С ДРУЖЕСКИМ ВИЗИТОМ

По приглашению Центрального Комитета КПСС 3 марта в Москву с дружеским визитом прибыли Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка, член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР Юзеф Циранкевич и член Политбюро ЦК ПОРП, секретарь ЦК ПОРП Болеслав Ящук.

На Внуковском аэродроме польских руководящих деятелей встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев.

Среди встречавших были член ЦК ПОРП, посол ПНР в СССР Ян Птасиньский и дипломатические сотрудники посольства.

На снимке: встреча на Внуковском аэродроме. На переднем плане (слева направо) товарищи А. Н. Косыгин, Владислав Гомулка, Л. И. Брежнев, Юзеф Циранкевич.

Фото В. Савостьянова (ТАСС)

ДНОЙ СУДЬБЫ

«СЛАБОРАЗВИТАЯ» АМЕРИКА

Эта женщина живет в графстве Бофорт, в штате Южная Каролина. Графство Бофорт относится к тем районам Америки, которые сама американская печать называет «слаборазвитой страной». Сенатор Холлинз, совершивший недавно поездку по графству Бофорт, выступая в Вашингтоне, заявил: «В Южной Каролине голод, рахит и цинга». Влиятельный американский еженедельник «Тайм», который приводит высказывание сенатора, добавляет: «Миллионы американцев голодают и болеют по всей стране, и о них мало кто знает».

ПЕРВАЯ ЖЕНСКАЯ

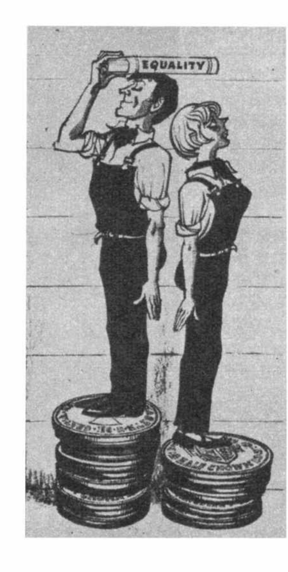
Эрсталь — небольшой бельгийский городок. В 1966 году он вошел в историю благодаря первой в Европе забастовке, организованной женщинами. В Эрстале расположена Национальная фабрика по производству оружия, на которой трудятся три тысячи восемьсот женщин.

Предприниматели не скрывают причин, по которым они заинтересованы в женском труде: «Существуют электронные счетные машины, но мы предпочитаем использовать женский персонал. Благодаря ловкости их рук, точности счета труд женщин столь же производителен, сколь работа машины, которая стоила бы нам миллионы...»

РАВЕНСТВО ПО-АНГЛИЙСКИ

Эта карикатура взята из английской печати. Свод законов, которым прикрывает свою голову мужчина, словно в насмешку, носит название «равенство». В Великобритании — стране, где родилось одно из крупнейших женских движений — движение суфражисток, женщина по-прежнему не равна мужчине.

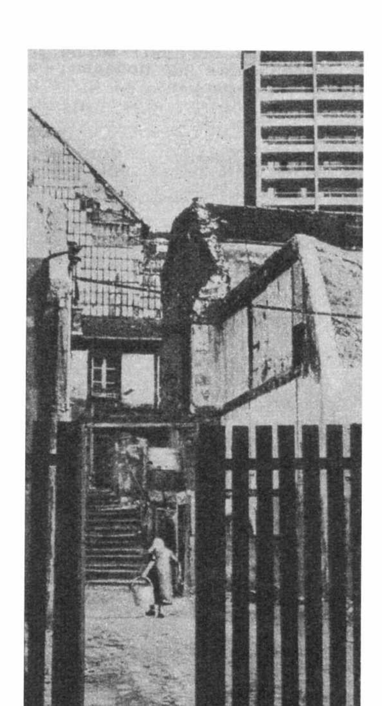
Шесть миллионов работающих женщин получают за одну и ту же работу меньше, чем мужчины. И это при условии, что министром по вопросам занятости и производительности труда в нынешнем лейбористском правительстве Англии является женщина — Барбара Касл. В ответ на требования своих соотечественниц она заявила, что равенство в оплате труда может быть достигнуто через... семь лет. Но к тому времени скорее всего власть от лейбористов перейдет к консерваторам, и обещания госпожи Касл так и останутся обещаниями.

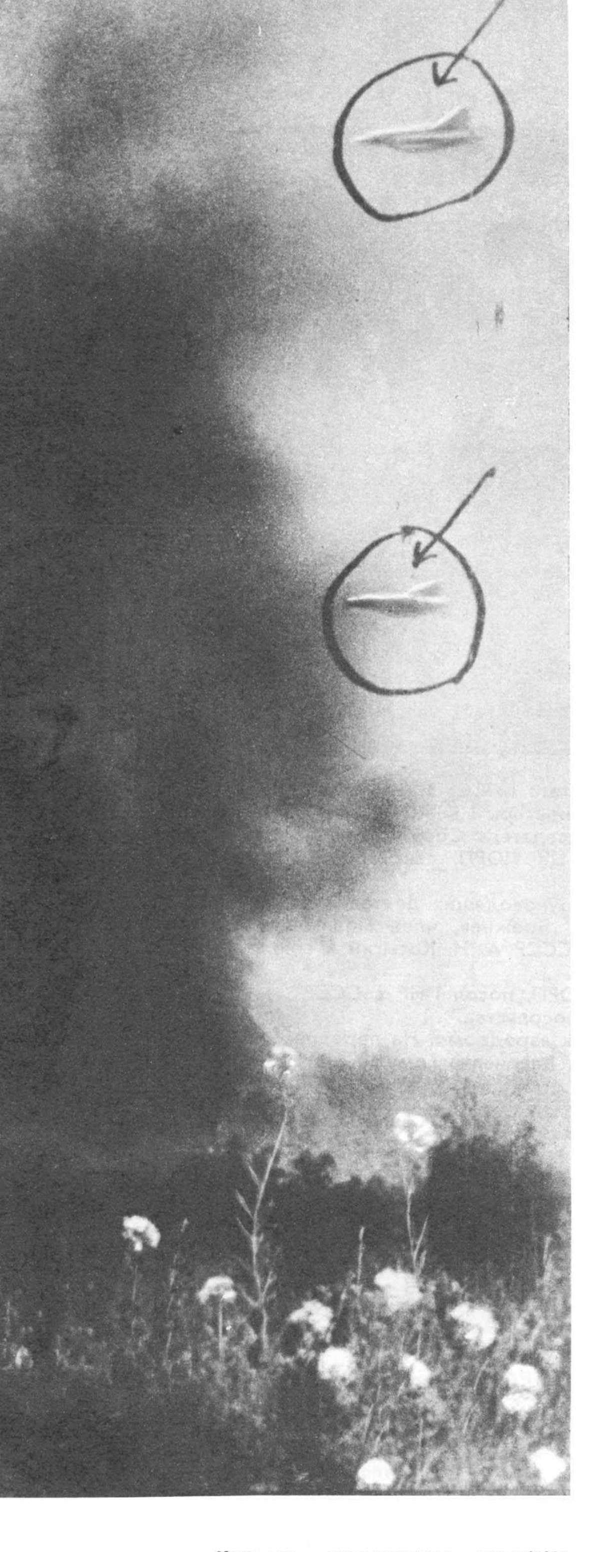

ТРАГЕДИЯ ГОСПОЖИ ГАМБЕЙ

Госпоже Гамбей 73 года. Она живет в рабочем пригороде Парижа — Бельвиле, в доме-развалюхе, предназначенном на слом. Рядом с ее жилищем вырос новый, современный дом. Но переехать в него старая женщина не может: она получает лишь половину пенсии своего умершего мужа, служившего в управлении парижского транспорта.

«Разве справедливо, — говорит госпожа Гамбей, — заставлять меня платить в три раза дороже за квартиру площадью в три раза меньше! Да и откуда я возьму эти деньги?»

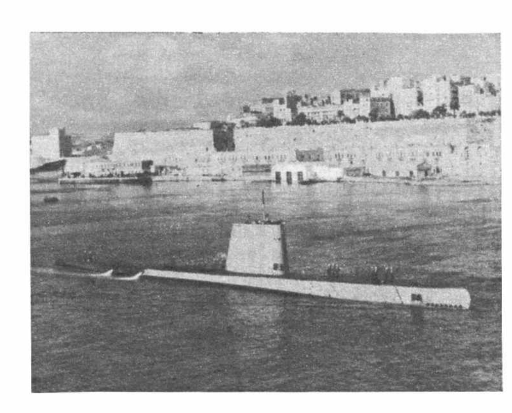
Израиль продолжает провокационные налеты на арабские государства. Два израильских самолета (их почти не видно, поэтому на снимке они отмечены стрелками) только что совершили новый акт агрессии против Иордании. Ракетами и напалмом подожжены посевы.

Непрекращающаяся агрессия Израиля встречает все большее сопротивление со стороны арабского населения. Активные боевые действия ведут партизаны из организации «Эль-Фатах». На днях они послали свой вымпел израильскому министру обороны Моше Даяну. «Революция до победы»,— написано на вымпеле.

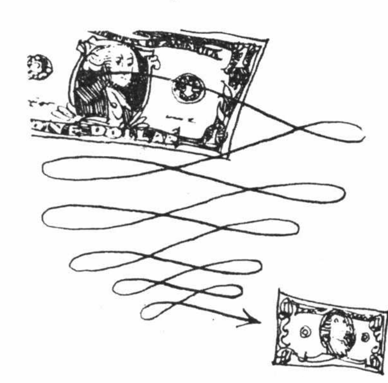

Фото ТАСС, ЮПИ, газеты «Унита», журналов «Пари-матч» и «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

Американская подводная лодка направляется из мальтийского порта в восточную часть Средиземного моря. Народы средиземноморских стран знают: американские суда — угроза для их независимого развития. Присутствие флота США в Средиземном море отнюдь не способствует укреплению безопасности в этом районе.

Сама американская печать признает, что одной из причин финансовых трудностей страны является тяжелый груз ее «военных обязательств за границей». По свидетельству журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», покупательная способность доллара с 1932 года упала на 61 процент.

Тысячи парижан вышли на улицы города в то время как президент де Голль принимал президента США Р. Никсона, завершавшего в Париже свои переговоры с главами европейских государств и правительств. Французы протестовали против агрессии американского империализма во Вьетнаме.

Восемь африканских альпинистов сфотографированы на вершине Килиманджаро. Обычный снимок на память? Нет. Эти альпинисты — слепые. В пути их сопровождали проводники. Успешный подъем слепых юношей на высочайшую вершину Африки свидетельствует о большой работе африканских специалистов по приобщению слепых к активной жизни.

На чемпионате мира по фигурному катанию в Колорадо-Спрингс (США) все призовые места в парном катании завоевали советские спортсмены. Золотые медали вручены Ирине Родниной и Алексею Уланову (в центре), серебряные — Тамаре Москвиной и Алексею Мишину (слева), бронзовые — Людмиле Белоусовой и Олегу Протопопову (справа).

В танцах на льду советские спортсмены заняли лишь одну ступеньку и притом вторую, но все признают большой успех Л. Пахомовой и А. Горшкова. Они добились серебряных медалей в том виде фигурного катания, где безраздельно господствовали английские танцоры.

Этот снимок сделан с самолета в двухстах километрах к югу от столицы Перу Лимы. Трапециевидные полосы — не взлетные дорожки аэродрома, не полосы распаханных полей. Ученые до сих пор не находят объяснения загадочному явлению, которое обнаружено в сердце империи древних инков. Для чего так причудливо разграфлена земля? Когда это произошло? Пока эти вопросы остаются без ответа.

На чемпионате мира по биатлону в Закопане золотую медаль завоевал Александр Тихонов. Он прошел дистанцию 20 километров со стрельбой за 1 час 22 минуты 46,2 секунды.

Серебряную медаль получил советский спортсмен Ренат Сафин.

Дамы и господа, сфотографированные у входа в здание итальянского парламента, представляют весьма распространенные в Италии профессии магов и гадалок. Они приехали в Рим из различных городов страны, чтобы добиваться официального признания своего «профсоюза», права на пенсию и тому подобное.

На пресс-конференции их лидер — «маг из Тобрука» (в миру Витторио Скифо) пригрозил: если требования «волшебников» не будут удовлетворены, они организуют поход на Рим и «загипнотизируют полицейских и карабинеров». В случае же, если им пойдут навстречу, они помогут решению проблем уличного движения в итальянской столице.

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МИР ОТКАЗЫВАЕТСЯ?

Спартак **БЕГЛОВ**

Развернув на днях одну американскую газету, выходящую в Париже, я увидел занимающее целую полосу и набранное аршинными буквами рекламное объявление с подписью «Интернэшнл петролеум компани» (сокращенно — ИПК). Присмотревшись более внимательно к тексту, я не поверил глазам своим. Это вовсе не была реклама в обычном смысле этого слова. ИПК не расхваливала свои товары. Это была самая настоящая прокламация, полная жалоб, угроз и призывов о помощи и солидарности ко всему деловому миру.

Что же вывело хозяев «Интернэшнл петролеум компани» из равновесия? Дело в том, что до самого последнего момента эта американская нефтяная компания, являющаяся филиалом рокфеллеровской «Стандард ойл оф нью Джерси», как и многие другие монополии США, считала Латинскую Америку самым безопасным и надежным местом для выкачивания баснословных прибылей. В течение 50 лет «Интернэшнл петролеум компани» высасывала нефть Перу, бесконтрольно распоряжаясь главным богатством этой страны. И вот новое перуанское правительство объявило о национализации имущества ИПК.

В Вашингтоне засуетились верные слуги нефтяных монополий. В сторону перуанской столицы Лимы летят телеграммы с угрозами и ультиматумами. Грозят приостановить долларовые подачки, прекратить закупки перуанского сахара, заморозить кредит в международных банках, контролируемых американцами.

Смысл этого переполоха ясен: перуанская «крамола» грозит повлечь за собой цепную реакцию. Мексиканская газета «Эксельсиор» пишет: «Если Перу выйдет победителем в этой борьбе, что вполне вероятно, то будет доказана возможность достижения единой для всей Латинской Америки цели — строительства справедливого общества с лучшими возможностями для экономического развития и обеспечения прочного национального суверенитета».

Не исключено, что в этих выводах больше желаемого, чем действительного, что перуанскому народу не так-то просто будет выкорчевать глубокие корни североамериканского засилья. Тем не менее в разных концах света все настойчивее пробивает себе дорогу стремление народов положить конец бесконтрольному разбазариванию их национальных богатств хищниками доллара.

И дело не сводится только к вещам материальным. А разве национальная безопасность не менее дорогое достояние? И почему им также должны распоряжаться чужеземные заправилы?

Именно этот вопрос встал во весь рост перед народом Турции в связи с заходом в турецкие порты кораблей 6-го американского флота, который в глазах подавляющего большинства стран — соседей Турции является флотом-жандармом, выполняющим роль «большой дубинки» против народов Средиземноморья и Ближнего Востока. Вряд ли хоть одна страна Восточного Средиземноморья, если не считать греческого режима фашиствующих полковников, скажет «Добро пожаловать» шестому американскому флоту. Почему же именно Турция должна безропотно давать приют этим зловещим постояльцам?

Подобно тому, как «Стандард ойл» за полвека бесцеремонного хозяйничанья в Южной Америке привыкла считать Перу или Венесуэлу своей вотчиной, так и Пентагон в течение двух десятков лет осваивал турецкую землю как своего рода «райское место» для военных баз. И вот теперь и для турок настал момент открыть глаза, оглянуться окрест себя и задать вопрос: а какое отношение к их национальной безопасности имеет вся эта сеть баз, опутавших их страну, если им никто не угрожает? Почему они должны отдать свою землю и небо на откуп чужеземным генералам, которые одержимы манией «ядерного устрашения»?

Именно эти чувства руководили демонстрантами в Стамбуле, когда они встретили корабли 6-го флота словами: «Прочь от берегов Турции». Именно этот вопрос, имеющий прямое отношение к жизни и смерти миллионов турок, звучал в парламенте, когда депутаты из национальной и рабочей партии говорили об опасности, заложенной в сохранении американских военных баз на турецкой земле, в дальнейшей принадлежности к НАТО, об униженном достоинстве нации. Пытаясь вникнуть в смысл брожения умов в Турции, газета «Нью-Йорк таймс» вынуждена была на днях признать, что «неизбежным источником трений» является как сам Атлантический союз, так и бесцеремонное хозяйничанье американских военных в Турции. «Любой сержант американских военно-воздушных сил может жить так, как живет член турецкого кабинета...», замечает газета. «Вашингтон пост» вынуждена идти еще дальше в своих признаниях: «Для такой чрезвычайно бедной страны... слишком большая часть американской помощи продолжала идти по военным каналам». А лидер национальной партии Турции Белюкбаши ставит точку над «i»: «Американские военные базы могут явиться причиной того, что Турция будет уничтожена в одно мгновение».

Ситуация, казалось бы, до предела ясная. Но сколько еще в Америке финансовых тузов и политиков, которые просто не способны представить себе мир иным, чем тот, который оставлен им в наследие отцами политики «большой дубинки»! А это именно то наследство, от которого наш сегодняшний реальный мир все более решительно отказывается.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВС

К. ЧЕРЕВКОВ

Все было готово к открытию первой конференции работниц Петрограда. Однако октябрьское восстание, охватившее все районы города, позвало делегаток не в зал заседаний, а в отряды Красной гвардии, штурмовавшие дворцы, вокзалы, мосты... И все же конференция состоялась. Шестьсот делегаток от 80 тысяч работниц Петрограда и его окрестностей собрались на Выборгской стороне в один из тех славных дней, которые потрясли мир. Открыла первый форум советских женщин известная большевичка Клавдия Николаева. Дочь чернорабочего и прачки, она в одиннадцать лет стала к машине. Первый арест — в пятнадцать лет, а потом еще дважды оказывается она в одиночной камере. Только Февральская революция дала ей свободу. Партия поручила Николаевой редактировать журнал «Работница».

«Ярко, свежо, самобытно, с блестками таланта звучали красочные речи целого ряда ораторов»,— писала в те дни о конференции газета «Известия».

Выступает работница с завода «Айваз», дочь путиловца-литейщика Эмилия Алексеева-Солин. Когда Эмилию второй раз посадили в тюрьму, ей шел двадцать четвертый год, при обыске у нее нашли Программу РСДРП(б). В другой раз арестовали за то, что была «членом стачечного комитета на телефонной станции». Последний раз ее выслали в сибирское село Курагинское, где она встретилась и подружилась с Еленой Дмитриевной Стасовой.

Алексееву-Солин слушают тихо, жадно. Она призывает петроградских работниц вступать в партию большевиков, в профсоюзы, смело защищать свою Советскую власть.

А положение в городе сложное. Октябрьская революция свершилась, но войска белых генералов стоят у Пулковских высот. Плохо с продовольствием и топливом. Контрреволюционеры готовят заговоры. Оппортунисты, капитулянты и соглашатели вносят раскол, требуют ввести меньшевиков, правых эсеров в правительство. Некоторые члены ЦК и наркомы заявляют о своем выходе из правительства.

Работницы негодуют. Требуют призвать к порядку дезорганизаторов и раскольников.

— К Ленину! К Ленину! — несутся возгласы по залу.

Участницы конференции избирают делегацию и дают ей наказ: передать Владимиру Ильичу приветствие от имени 80 тысяч работниц и заверить, что их сердца всегда с партией большевиков.

Делегация избрана — и сразу в путь к Владимиру Ильичу. Было что-то около полуночи, когда работницы подошли к Смольному.

— Перед входом и вокруг Смольного горели костры. Ежась от холода, у пулеметов похаживали красногвардейцы,— вспоминает Аделаида Ефимовна Арбузова.

Мы сидим в новом доме на Выборгской стороне, в небольшой уютной квартире, и слушаем рассказ старой коммунистки. Она, тогда работница Трубочного завода, в числе делегаток была у Ленина. Потом сражалась с белыми на Восточном и Южном фронтах. Вела партийную работу в Василеостровском и Московско-Нарвском районах Ленинграда. Окончила Комвуз и Институт красной профессуры. Долгие годы работала преподавателем в московских вузах. Ее революционные заслуги отмечены орденом Ленина.

— Чем ближе мы были к цели, тем сильнее волновались,—продолжает Арбузова.—У входа в Смольный нас поджидала Александра Михайловна Коллонтай. У нее был постоянный пропуск, и ей, видимо, было не так уж сложно провести нас.

У двери стоял матрос с винтовкой. Посмотрел наш пропуск и, наколов его на штык винтовки, открыл дверь.

Аделаида Ефимовна умолкает, что-то вспоминает. Может быть, своих соратниц: Варвару Федоровну Апреликову — работницу с «Треугольника». Тогда ее звали просто Варя. Молодая, смелая, она тоже ходила в Смольный к Ленину. Варя погибла во время блокады. Или Эмилию Алексееву-Солин. Весной восемнадцатого Петроградский губком послал ее для подпольной работы на Алтай. Многим коммунистам она спасла жизнь, вызволяя их из тюремных застенков, а свою не сберегла. Контрразведка белых, схватив отважную коммунистку, зверски пытала ее. Одна из улиц Барнаула носит теперь ее имя.

— Наконец мы увидели Ленина...

В Музее Великой Октябрьской социалистической революции нам показали «Дело А. М. Иткиной». В «деле»—один малюсенький листок. На нем Анна Марковна изложила свою биографию. А между тем за Нарвской заставой и по сей день помнят неутомимую Нюту — такова была ее подпольная кличка. Она входила в руководящее ядро, готовившее октябрьское вооруженное восстание, а в Нарвско-Петергофском районе работала вместе с С. В. Косиором, И. И. Газа. В ту ноябрьскую ночь она в числе десяти делегаток была в Смольном у Ленина.

— Такое не забывается,— говорит Анна Марковна.— Страшно занятый неотложными делами, Владимир Ильич не заставил нас ждать, принял сразу. Вид у него был утомленный.

От внимательного взгляда женщин не ускользнула ни одна черточка в облике Ильича. Лицо его было бледно, глаза красные от работы и бессонницы. Но когда Клавдия Николаева сказала, что делегация пришла приветствовать Совнарком от имени 80 тысяч петроградских работниц и что женщины всецело поддерживают политику партии и осуждают тех, кто вносит раскол, лицо Владимира Ильича озарилось улыбкой.

Ленин сказал, что рад, очень рад услышать это. И притом заметил, что восемьдесят тысяч женщин — это нешуточная боевая сила.

— Уже прощаясь с нами,— вспоминает Анна Марковна Иткина,— Ленин просил передать работницам, что партия твердо уверена в своей окончательной победе, надо только стойко держаться, дружно работать.

---

16 марта — выборы в местные Советы

ЗЕЛЕНЫЙ, КРАСНЫЙ, ГОЛУБОЙ

О. КУПРИН

Горы подступают к самому городу. В сотне метров от памятника Ленину плавно набирает высоту Алтай.

Первая горка, с которой ребятишки скатываются на санках прямо в центр Лениногорска, не так давно была совершенно лысой и очень портила местный пейзаж. Теперь там Комсомольский парк. Пронзительно зеленые елочки и стройные березки. Комсомольский — потому что посадили его комсомольцы.

Втроем мы поднимаемся в гору, два журналиста и наш симпатичный гид — высокая, стройная девушка... Впрочем, не надо лишних слов, ее портрет — на первой странице обложки этого номера.

— У меня тут три березки,— говорит она.

— Прижились? — спрашиваю я.

— Все, к чему люди относятся с заботой, не должно умирать. Вам нравится наш город?

— Очень,— отвечаю я.

Мимо нас с гиком проносятся мальчишки на санках, я завидую им и, вероятно, поэтому не могу удержаться от вопроса:

— А вы катаетесь на санках?

— В основном на лыжах. На соревнованиях за цех выступаю. Но и на санках катаюсь. Только очень редко и вечером, когда никто не видит. Тут здорово. Ветер в ушах свистит...

Я сразу вспоминаю рассказ Чехова, как двое — он и она — катались на санках, быть может, вот с такой же горы, и, когда ветер так же свистел в ушах, он шептал: «Я люблю вас, Наденька». А она не знала, были ли сказаны эти слова или только послышались в шуме ветра.

Мне хочется спросить, одна ли моя сегодняшняя попутчица катается на санках, но я не спрашиваю, потому что встретились мы для сугубо делового разговора.

— Не видно ли отсюда вашего цеха? — начинаю я этот разговор.

Мне уже известно, что в свой электроремонтный цех она пришла сразу после окончания школы.

— Он вон там.— Девушка машет своей красной варежкой куда-то в сторону.— Отсюда почти весь город виден. Эти кварталы, которые слева, начали строить, когда я только в школу пошла. Те, что еще левее,— когда я школу кончала. Дворец культуры тоже хорош, правда? Там, где труба,— цинковый завод. Мы его строили. Помню, к октябрьским праздникам закончили вторую очередь. Меня как раз в те дни в партию приняли. Город на моих глазах вырос.

Она живет тут двадцать лет, а всего ей двадцать два. А Риддер — так раньше назывался Лениногорск — возник 175 лет назад. И все-таки она говорит правду: если не весь город, то, во всяком случае, добрая его половина выросла у нее на глазах.

Мы сбегаем с горы и идем пить чай. После мороза чай кажется особенно ароматным.

— Меня в цехе все зовут Васькой.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, по фамилии: Васильева — Васька. А может, потому, что на работе хожу чумазая, как поросенок. Мы электромоторы разные чиним. Около них в белом халате не покрутишься. Так и зовут: Васька да Васька. Свое настоящее имя начала забывать.

А имя у нее красивое — Надежда.

ТРЕЧИ

А. М. Иткина.
Фото Д. Ухтомского.

А. Е. Арбузова.
Фото Н. Ананьева.

Бося **САНГАДЖИЕВА**

Тюльпаны

В магазинах утренней Москвы,
Разрисованные, как парча,
Из своей застенчивой листвы
Что-то мне заветное шепча,
Яркие московские цветы
На меня глядят.
И я на них гляжу,
Никогда я к ним не подхожу,
Но и мимо них не прохожу.
...И опять я там и снова там —
Вечно у цветочного ларька:
Будто я привязана к цветам,
Будто слишком привязь коротка.
Продавщица, ставя нас в тупик,
Как бы не торгует, а дари́т.
«А вот не хотите ли купить
Розовое масло?» — говорит.
Чудо-капли из Долины роз
Веют нам болгарскою весной;
Сговорились двадцать сотен роз,
Уместились в капельке одной.
Деревянный кубок я беру,
Радужный вдыхаю аромат
И далекий различаю вдруг
Голос... Он зовет меня назад...
...Где-то там качается тюльпан —
Ненаглядный шелковый магнит.
Это он меня к моим степям
Так притягивает, так манит.
Раз в году пылает мой тюльпан,
Больше раза лебедю не спеть...
На коня! Скорей к моим степям!
Только бы к тюльпанам
подоспеть!

Перевела с калмыцкого
Новелла МАТВЕЕВА.

— Говорят, цвет надежды — зеленый. Красный — любовь. Голубой — верность. Желтый — измена — не помню, где я вычитал про эту символику.

— А белый, кажется, дружба,— добавляет она.— Наверно, потому, что дружба всегда должна быть чистой.

На Наде яркая голубая кофточка. Мне трудно представить ее чумазой. Она скорее похожа на киноактрису. Я завожу разговор об искусстве. Она принимает его с удовольствием: ей это очень интересно. Надя любит классическую музыку. Играла в ансамбле виолончелистов.

— А у себя на смотре самодеятельности мы второе место заняли. Проиграли лишь цинковому заводу. Всем цехом программу готовили. Только Иры Харченко не было.

— Кто такая Ира Харченко?

— Обмотчица, как и я. У нее сын родился, а мужа в армию призвали...

И снова про концерт:

— У нас хор есть. Пели песню о Мамаевом кургане. Сатирическую сценку про ОТК поставили.

Нетрудно догадаться, почему сценка была именно про ОТК: Надя — член группы народного контроля, следит за качеством работ в своем цехе.

— Мы с Тоней Мацко «Барыньку» плясали. За второе место нам премию дали — сто рублей. В обеденный перерыв комсомольское собрание устроили — я тогда секретарем была. Решали, куда истратить деньги. Ребята говорят: давайте бильярд купим, девчонки стоят за радиолу с танцевальными пластинками, кто-то предложил компромисс — прокутить те сто рублей в кафе «Березка». Так ничего и не решили.

— До сих пор?

— Нет, на следующий день отдали деньги Ире Харченко. Ей сообщение пришло, что муж погиб.

— Как это произошло, на учениях или случайно?

— Нет, не на учениях. В прошлом году... Далеко отсюда.

Надя замолчала и отвернулась. В тот день, когда пришла горестная весть, она пошла к Ире. И позже бывала не раз. Помогала чем возможно. И все больше молча. Она еще не знает, что надо говорить в таких случаях, когда матери чуть больше двадцати, когда сын ее — вылитый отец, а отца уже нет. Не видел отец своего Сашку и никогда не увидит. Сын родился уже без него.

— Солдаты и в мирное время погибают,— сказала Надя.

— У вас кто-нибудь служит в армии? — спросил я.

— Да,— ответила она.— Только он недалеко. На Урале. Сегодня утром письмо от него получила.

— Жених?

— Не знаю,— смутилась она.

— Вы его ждете?

— Жду.

Вечером я встретил ее во Дворце культуры. Шел старый фильм «Нашествие».

— Я люблю военные фильмы и песни военных лет,— призналась Надя.

Надя родилась в первый послевоенный год.

Мы разговаривали в фойе. Почти каждый, кто проходил мимо, здоровался с Надей и удивленно посматривал на меня. Видимо, в этом городе каждый знает друг друга.

— Теперь подумают, что я выхожу замуж,— усмехнулась Надя.

— А если кто-нибудь напишет об этом на Урал?

— Пусть пишут. Он все равно не поверит. Мы доверяем друг другу полностью.

Фильм кончился поздно. На улицах было темно и пустынно. Мы шли по бульвару, по узкой тропке среди высоких сугробов. Тихо падал снег, и редкие фонари над бульваром за густой белой пеленой время от времени зажигались тревожными призрачными сполохами. Их свет вырывал из мрака только голые верхушки деревьев, тропинка, по которой мы шли, едва угадывалась.

— Почему-то зимой не зажигают всех фонарей,— говорила Надя с раздражением.— Пожилому человеку тут и упасть недолго.

Она шагала впереди, размахивая сумочкой. Сумочка довольно увесистая — в ней учебники. Васильева учится на втором курсе горнометаллургического техникума.

В тот вечер ее занимала одна проблема. Ей, как члену горкома комсомола, сегодня поручили взять шефство над одним трудным пятиклассником.

— Просто не знаю, как к нему подступиться, хотя и не видела его еще ни разу. Говорят, что там в семье нелады. Воспитание надо начинать с родителей. Они уже не комсомольского возраста.

Мы простились. Я пошел обратно той же самой темной аллеей бульвара.

Снег падал еще гуще, фонари окончательно померкли за его белой завесой, даже голых верхушек деревьев не было видно. Потому человека, стоявшего на тропинке, я заметил, когда подошел к нему почти вплотную. Высокая фигура, занесенная снегом, поднятый воротник, руки — в карманы.

— Можно с вами поговорить? — спросил незнакомец, загораживая мне дорогу.

— Пожалуйста,— сказал я, разглядывая неожиданного интервьюера, высокого широкоплечего парня.

Он тоже откровенно рассматривал меня и не торопился с ответом.

— Мне кажется, я впервые вас вижу. Вы приезжий?

— Да.

— Вы знаете, с кем были сегодня в кино?

Разговор принимал интересный оборот.

— Знаю,— ответил я.

— А вы знаете, что у нее парень в армии?

— Даже упомяну об этом в очерке, который напишу о Наде.

— Вы корреспондент?

— Да.

Незнакомец явно смутился, вынул руки из карманов, нерешительно потоптался на месте, потом отступил в сторону, давая мне дорогу.

— Тогда... В общем, все в порядке. Почудилась всякая ерунда...

По обе стороны бульвара сквозь белую сетку метели едва просвечивали окна домов, построенных еще в те годы, когда Надя только пошла в школу.

Я шел дальше по городу, в котором все жители и правда знают друг друга, где все хорошее становится общей радостью, а все плохое — общей бедой. Вероятно, в таком городе очень легко вести предвыборную кампанию: не надо ни за кого агитировать — каждый человек на виду.

Остается добавить, что мое знакомство с Надей не было случайным. Я хотел рассказать о работнице полиметаллического комбината, кандидате в депутаты Лениногорского городского Совета Надежде Васильевой.

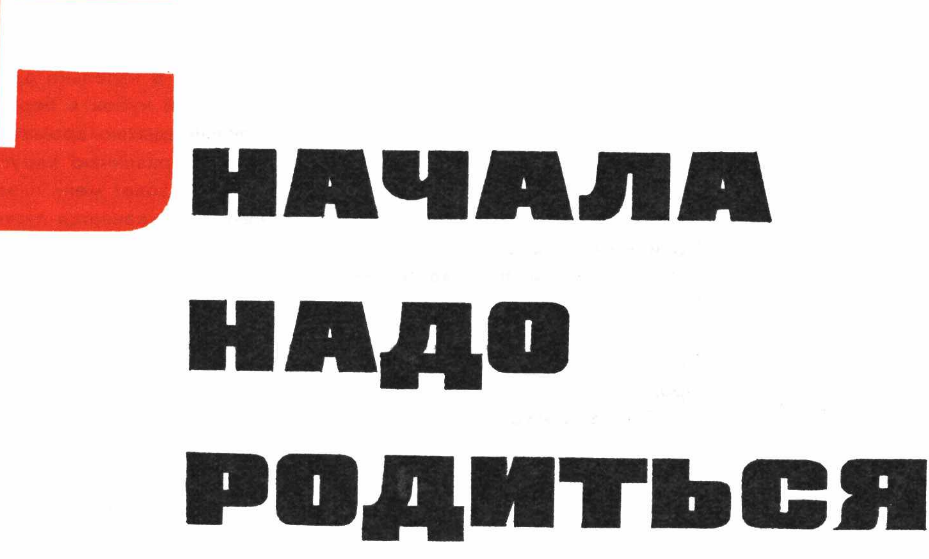
Именно так: сначала надо родиться. Иначе говоря, важно появиться на свет со всеми задатками полноценного, здорового человека. К этому наверняка неоригинальному выводу я пришла, погрузившись в целый ряд проблем, связанных с материнством и младенчеством.

А началось все с того, что мне в руки попался старый номер «Правды Грузии» с опубликованным в нем письмом Ленину. В тот год многие писали Ленину, обеспокоенные его здоровьем. Авторы письма, о котором идет речь,— акушеры и детские врачи.

...Итак, Тифлис 1922 года. Лишь недавно выгнали меньшевиков и оккупантов всех мастей, и только-только становятся на ноги первые советские учреждения. Пока еще нечего есть, нечем отапливать, освещать. Улицы кишат нищими и беспризорными. Повивальный институт открыл комнату для подкидышей. Появилась первая детская консультация, снабжавшая малышей молоком. В это время «Правда Грузии» объявила о созыве Закавказского съезда по охране материнства и младенчества.

Из беглых заметок журналиста «Правды Грузии» можно теперь понять, чем тогда были озабочены люди. Их беспокоила гигиена и санитария в родовспомогательных и детских учреждениях, устройство беспризорных и, как они называли, «полупризорных». Но они уже говорили о воспитании юношества, о создании научно-исследовательских институтов, выпуске печатных научных трудов. Ставился вопрос о науке, которая поможет растить здоровое поколение строителей нового общества.

«Приступая к своей работе,— писали Владимиру Ильичу врачи,— съезд прилагает все старания к научной разработке всех вопросов, связанных с охраной детей и матерей...»

Сначала надо родиться

Ия МЕСХИ

ИНТЕРВЬЮ ПЕРВОЕ

С этим письмом я пошла к историку грузинской медицины советского периода Неврестан Реджебовне Шашикашвили. Разговор принял неожиданный оборот.

— А вы знаете,— спросила Неврестан Реджебовна,— что детей сейчас рождается меньше, чем в те голодные годы? Во всяком случае, в Грузии рождаемость с той поры уменьшилась. Это ли не странно? Люди живут во много раз лучше, повысилась культура быта, улучшились жилищные условия. Прибавьте всяческие блага и поощрения, которые государство предоставило матери...

— Чем же это объясняется?

— Боюсь, что исчерпывающего ответа на этот вопрос я дать не смогу. Впрочем, вот один из факторов: чадородный возраст женщины — от 16 до 49. Из них самое интенсивное первое десятилетие. А в каком возрасте наши молодые люди сегодня сочетаются браком? Статистика отвечает: в основном после 24 лет. Раньше же девушки выходили замуж в 17—18—19 лет. Почему стареют наши невесты? Им некогда — они учатся. Известно, какое рвение к высшему образованию в нашей республике. И студентов, оказывается, поровну—как юношей, так и девушек. Дальше еще одна цифра: в нашей республике лишь 17 процентов женщин не работают на предприятиях и в учреждениях, а заняты только своей семьей. А если работаешь, то задумаешься, заводить ли большую семью. Во-первых, у нас еще далека от идеала служба быта. Во-вторых, женщина, получившая профессию, подготовившая себя к активной деятельности в какой-то сфере, вряд ли согласится запереться в четырех стенах и посвятить себя целиком заботам о большой семье.

Передо мной сидела чрезвычайно энергичная женщина. В 28 лет она стала министром здравоохранения Аджарской автономной республики и занимала этот пост одиннадцать лет. У нее только один сын. Почему один? Я хотела было задать этот вопрос, а потом подумала: ведь и я, пишущая эти строки, тоже имею только одного сына. Наверно, в свое время мне казалось, что журналистика очень потеряет оттого, что я буду реже скакать по командировкам и писать корреспонденции. А может быть, по другим причинам. Разве доберешься до истинных корней даже у себя же самой?

— Но вы забываете,— говорит Неврестан Реджебовна,— о таком явлении, как детская смертность. Если рождаемость уменьшилась, то детская смертность за годы Советской власти в Грузии тоже неуклонно снижалась. Сейчас она стала в десять раз ниже! Вдумайтесь. Это значит, что население все равно увеличивается. Вместе с тем неизмеримо вырастает ценность каждого рожденного человека. В этом есть что-то качественно новое...

ИНТЕРВЬЮ ВТОРОЕ

Женщина готовится стать матерью, тревожно ждет первого серьезного испытания — и для нее и для малыша: он должен родиться! Хорошо, когда этот экзамен проходит без осложнений — акушеру надо лишь слегка им обоим помочь. Ну, а если приходится вмешиваться основательно? Тогда—щипцы... Ужасные, грубые, отвратительные щипцы, внушающие страх всему женскому сословию!

Со щипцами скоро будет покончено. Во всяком случае, их будут применять только при самой крайней нужде. И к этому прямое отношение имеет член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, профессор Константин Владимирович Чачава, имя которого мы все видели в списке лауреатов Государственной премии СССР 1968 года.

Вот я у него в Институте акушерства и гинекологии Министерства здравоохранения Грузинской ССР. Дело, в котором он сказал свое решительное слово, имеет за плечами века поистине титанической борьбы.

Веками люди старались помочь друг другу появиться на свет. На заре восемнадцатого столетия некий малоизвестный Ионг сконструировал родовспомогательный инструмент, состоящий из банки, соединенной резиновым шлангом с отсосом. Эту банку он прикладывал (легко сказать, прикладывал!) к головке плода, отсосом создавал отрицательное давление, отчего банка плотно сцеплялась с детской головкой и ее можно было вытягивать. Очевидно, этим способом спасалась только материнская жизнь, и поэтому никто больше не воспользовался им. В 1723 году появились акушерские щипцы. Тоже не сама нежность, но все же при умелых манипуляциях удавалось иногда сохранить и жизнь ребенка. С тех пор, в течение двух с половиной столетий, претерпев чуть ли не триста модификаций (что не очень-то говорило в их пользу!), щипцы не уступали места ничему. А идея отсоса (точнее, вакуума) время от времени пыталась вступать со щипцами в спор. В этой идее все же таилось золотое зерно! Поэтому в отдельных странах отдельные врачи стали применять на практике вакуум-аппарат собственной конструкции. Однако до сих пор не было создано такой научно обоснованной работы, которая решительно убеждала бы акушерский мир в том, что вакуум лучше щипцов.

Константин Владимирович начал эту работу лет пятнадцать назад. Он много экспериментировал, прежде чем создал конструкцию вакуум-экстрактора с мягким резиновым колпачком, предельно бережным по отношению к матери и рождающемуся малышу. Он провел серию экспериментов на извечных мучениках науки — собаках и обезьянах. Осторожно использовав свой экстрактор на человеке и получив отличные результаты с последующим наблюдением за детьми, начал тормошить своими докладами ученые советы, научные общества. Здесь, разумеется, кто-то противился, а кто-то предрекал светлое будущее. Дело между тем шло вперед. На одном из всесоюзных симпозиумов предложено было широко внедрить в практику вакуум-экстрактор Чачавы. О нем заговорили за рубежом и на Международном конгрессе акушеров-гинекологов в прошлом году.

Конечно, важен сам аппарат, но еще важнее, что благодаря ему появилась возможность получать прямую электрокардиограмму у малыша, который начал свой выход в свет. Он еще не родился, а мы уже можем узнать с научной объективностью и точностью, как работает его сердце! Разумеется, не любопытства ради, а для того, чтобы вовремя ему помочь. Более того, с помощью метода профессора Чачавы можно теперь получать информацию и о состоянии центральной нервной системы еще не родившегося человека!

Все это для того, чтобы тот, кого ждут, обязательно появился бы на свет — живой, горластый, целехонький, на радость всем...

ИНТЕРВЬЮ ТРЕТЬЕ

Я сказала «тот, кого ждут», и подумала: есть еще один тбилисский научно-исследовательский институт, где это ожидание сконденсировано до предела.

...Вдоль стен стоят шкафы. В них — снизу доверху — все плотно забито письмами. Вот строки из этих писем:

«Мне 31 год. Замужем 10 лет. Выгляжу здоровой, чувствую себя отлично. И одно только горе омрачает мою жизнь: нет детей... Товарищи, дорогие, помогите мне! Я так люблю детей! А скоро и мечтать об этом будет поздно...»

Тамбов.

Г. Келауридзе (Тбилиси). ВЕСНА.

А. Юрьяне (Рига). МОЛОДОСТЬ.

«...Я очень прошу вашей помощи. У меня нет детей, а я очень хочу их иметь. Иначе зачем жить?»
Мурманск.

«...Что мне делать? Неужели все кончено и мне ничем нельзя помочь? Вы не представляете, как я хочу иметь ребенка!.. Пожалуйста, пожалуйста, помогите мне!..»
Ленинград.

«Я не беру ребенка из детского дома не потому, что я эгоистка. Просто все еще надеюсь, что будет свой ребенок. Поймите меня правильно: мне хочется стать матерью!»
Омск.

«Огромное несчастье заставляет меня обратиться к вам за помощью. Я совсем потеряла интерес к жизни... Согласна на любое лечение, на любую операцию, только помогите мне стать матерью!..»
Норильск.

«Я узнал, что не смогу иметь детей. А мы с женой скоро заканчиваем учебу и условились — у нас должен быть ребенок, и я с ужасом думаю: неужели я стану причиной того, что ребенка не будет. Ищу выход... Можете ли вы мне помочь?»
Москва.

Можно цитировать еще и еще. Когда я перебрала наугад сотню подобных писем, мне показалось, что передо мной не канцелярские шкафы, а живая человеческая плоть.

Лет десять назад этот призыв к помощи услышал крупный советский акушер профессор Иосиф Федорович Жордания. Он основал этот институт, возглавил его, а спустя несколько лет во время одной из зарубежных командировок трагически погиб. Институт физиологии и патологии женщин — так он называется, а возглавляет его профессор Джемал Ревазович Цицишвили. Это единственный в нашей стране институт, избравший для себя эмблемой изображение Сикстинской мадонны.

Здесь лечат бесплодие? Во всяком случае, стараются разобраться в этой довольно распространенной для нашего века беде. И с помощью таких наук, как эндокринология, генетика, физиология, андрология, цитология. Это прежде всего исследовательское учреждение и маленький стационар при нем, через который успели пройти лишь 2 668 женщин. Но и среди них 1 099 сообщили впоследствии институту, что они стали счастливыми мамами. А слух о существовании такого учреждения разошелся по всей земле советской, и тут как будто прорвало плотину. Вот какое я нашла в потоке писем не лишенное юмора письмо из Воркуты:

«...Очень огорчилась я своей 3 489-й очередью. Значит, ждать от вас вызова придется около 11 лет? Мне уже пойдет пятый десяток. Тогда, наверно, и ваш институт не поможет мне...»

О чем все это говорит? Прежде всего о каких-то явлениях, очень современных, актуальных, трогающих за живое каждого в отдельности и всех вместе.

* * *

Направляясь по следам письма, написанного когда-то Владимиру Ильичу Ленину, я не сомневалась, что найду примеры подлинной заботы нашей науки о продолжении рода человеческого. И это ведь только в одной республике. Сколько же нового в других?

...Счастье (я имею в виду только интимное счастье) всегда было и будет понятием очень индивидуальным. Наверно, если женщина (мужчина) лишена возможности стать матерью (отцом) и очень хочет этого, надо уметь ей (ему) помочь. Если женщина (мужчина) не может обременять себя семьей, надо и в этом помочь. И если женщина должна родить — пусть ей будет легко, а младенец непременно родится здоровым, полноценным. Ведь ему тоже со временем быть матерью или отцом!

«Огоньку» сообщают

Любаша

...Зал театра гремит аплодисментами. В Рязанском театре драмы закончился спектакль «Любаша». Кто она? Деревенская девушка, почти подросток, оставшаяся в тяжелую военную годину без матери и отца. А на ее руках трое мал мала меньше: двое братишек и сестренка. Но это только в спектакле их трое — в театре не хватило травести. А в жизни было пятеро. Да, у героев пьесы Василия Матушкина есть реальные прототипы. Все они живы и здоровы. Судьба разбросала их по разным уголкам страны. И только сама Любаша, а точнее, Надежда Егоровна Ларионова, по-прежнему живет близ старого города на Оке, Касимова. Надежда Егоровна — знаменитая на всю страну телятница, Герой Социалистического Труда. Ей было 14 лет, когда она стала сельским почтальоном. Обежит за день пяток деревень — и скорее домой: обогреть, накормить малолетних. И все ждала, ждала, что вот-вот ляжет в ее почтальонскую сумку письмо от отца с фронта. А он только в самом конце войны вернулся после тяжелого ранения.

Тяжкая судьба этой русской женщины легла в основу книги, а затем пьесы Василия Матушкина «Любаша». Спектакль сыгран уже сорок раз, его посмотрели около тридцати тысяч зрителей.

...Сегодня почетной гостьей театра была сама Любаша — Герой Социалистического Труда Надежда Егоровна Ларионова. Это ей аплодирует зал.

Е. ЛУТОХИН

На снимке: после спектакля. Режиссер — М. Ляшенко, Володя — артистка Л. Ватутина, Любаша — С. Старцева, Васятка — С. Радченко, Герой Социалистического Труда Н. Ларионова, Марийка — А. Числова, автор пьесы — В. Матушкин.

Фото Ю. Розанова.

НАПЕРЕКОР СТУЖЕ

Для Урала морозы не диво, однако в нынешнем году зима тут выдалась на редкость суровая. Нелегко пришлось и строителям, возводящим на Нижнетагильском металлургическом комбинате новую домну-гигант. Но и тут выручает рабочая смекалка: бригады монтажников Л. Новокшенова и Н. Кудлая треста «Уралстальконструкция» использовали пустующие пока здание подстанции в качестве своеобразного сборочного цеха. Здесь они ведут укрупненную сборку конструкций, что намного ускоряет процесс работы и позволяет перекрывать нормы в полтора раза.

Уже вырисовывается и сама печь, и два ее литейных двора, и сеть трубопроводов. На самой верхней отметке, на высоте семидесяти метров, бригада монтажников Юферова ведет установку оборудования.

Нижнетагильская домна № 6 в этом году будет введена в строй.

К. МИХАЙЛОВ

Строитель домны-гиганта Катя Путилова. Она среди правофланговых ленинской трудовой вахты.

Фото А. Зольникова.

КАК НАШЛИ ПОРТРЕТ ПЕТРА

Первым монументальным зданием в Петербурге был дом царева любимца светлейшего князя Меншикова. До сих пор сохранились на фронтоне дворца цифры «1710» — дата начала стройки. В кабинете князя на потолке был выполнен портрет-фреска Петра I. Художник написал его в духе древнерусской живописи.

Менялись времена, менялись вкусы. Входила в моду французская живопись. И, конечно, не без ведома царя — частого гостя Меншикова — иностранный мастер записал его собственный портрет амурчиками и гирляндочками.

Ничего этого не знали ленинградские реставраторы, пришедшие во дворец через два с половиной века. В кабинете Меншикова они сняли для восстановления роскошный плафон работы французского живописца Пильмана. И тогда внимание художника Б. Н. Косенкова привлекли следы смытой и размазанной штукатурки. Он сделал пробные расчистки, которые и позволили обнаружить портрет царя.

Петр Великий предстает перед нами в шлеме, доспехах и голубой тунике. Маленькая пушка рядом напоминает о том, что император был капитаном бомбардирской роты.

Искусствоведы считают, что это — самое раннее изображение Петра, известное нам в его монументальной иконографии. Находка станет одним из экспонатов нового ленинградского музея, где будут демонстрироваться строительная техника и декоративная отделка петровской эпохи.

В. ГЕРАСИЧЕВ

На снимке: к находке прикоснулась рука реставратора.

Фото автора.

Михаил КОТОВ

Атакуют патриоты Гвинеи-Бисау.

АФРИКА СРАЖАЕТСЯ

Жители освобожденного района приветствуют отряд освободителей

Во второй половине января этого года в столице Судана Хартуме произошло важное событие. На берегах могучего Нила в течение трех дней проходила первая в истории этого континента международная конференция в поддержку борющихся народов португальских колоний и юга Африки. На древней земле Судана посланцы Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, Зимбабве, Южной Африки и Намибии, люди, приехавшие с переднего края фронтов национально-освободительной борьбы, встретились с представителями народов всех континентов. Это были поистине волнующие встречи, незабываемые дни. Надо было видеть, с каким радушием молодой освободившийся от колониализма Судан встречал делегатов конференции.

Наступила минута открытия. В просторном зале — главной аудитории университета — выступает председатель Верховного государственного совета Судана Исмаил аль-Азхари.

— Мы верим в свободу для себя и других народов,— говорит он.— Наша страна пережила тяжелый период колониального гнета, теперь наш народ взял бразды правления в свои руки. Мы возлагаем большие надежды на собравшихся представителей всех миролюбивых сил. Мы боремся за устранение империализма и колониализма, осуждаем агрессию, твердо отстаиваем свой суверенитет. Судан делал и сделает все для оказания помощи национально-освободительному движению Африки.

ВНУКИ ЧАПАЕВА

На трибуне человек невысокого роста. Его зовут Амилкар Кабрал. Он генеральный секретарь Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого мыса. Прежде чем начать свой доклад, он вернулся в президиум и попросил подойти вместе с ним к микрофону молодого африканца, сидевшего в самом последнем ряду.

— Это Барри Абдулас — наш командующий восточным фронтом. Ему двадцать четыре года. Он только что прибыл с самых передовых позиций.

Барри стоял рядом со своим главнокомандующим смущенный, робкий. Совсем недавно прибыл он с фронта. И вот он сейчас здесь, перед лицом всей Африки, перед лицом людей, собравшихся со всей планеты. Абдулас кивком отвечает на приветствия и быстро возвращается на место.

Так, взволнованно, началась конференция. Несколько позднее мы познакомимся ближе с самим Кабралом, с его соратниками. Мы почувствуем их мужество, их обаяние. А пока он ведет рассказ о героической борьбе своего народа с португальскими захватчиками. Эта борьба идет уже много лет, суровая и непреклонная. Нет, не сложит оружия народ, поднявшийся на сражение, пока враг не будет выброшен с территории Гвинеи, из всех стран Африки.

Кабрал говорит о том, чего ждут от конференции его друзья:

— Конференция очень важна для нашей борьбы. Мы ждем от вас помощи. Нам нужно больше оружия, нам нужна финансовая поддержка.

Он заговорил о Советском Союзе, о друзьях из социалистических стран, оказывающих неизменную поддержку национально-освободительным движениям.

— Я прошу,— обратился он к нам, советским представителям,— передать советскому народу нашу глубокую благодарность за бескорыстную помощь.

Поздней ночью в гостинице мы, несколько советских делегатов, сидели вместе с Кабралом за чашкой чая. Здесь и друзья Кабрала: Эдуардо Араужо — член Политбюро партии, ведающий идеологической работой, и знакомый уже нам Барри Абдулас, Жиль Фернандес, представитель партии в Конакри, ведающий международными делами.

Делимся воспоминаниями. Кабрал просит нас рассказать о былых сражениях с гитлеровскими фашистами. А потом, зажигаясь, начинает рассказывать о своих людях. Сам Кабрал—человек мирной профессии — агроном. Но разве можно сейчас думать об этом, пока не окончена война с колонизаторами!

— У вас был герой Чапаев, он есть и у нас, да хотя бы наш Абдулас,— улыбается Кабрал.— Если бы вы знали, как он храбр! Это он только тут такой смущенный.

Абдулас сидит рядом с ним, смотрит влюбленными глазами на своего военачальника.

Кабрал вспоминает о Кему Манге, легендарном герое, человеке, который под носом у португальцев выкрал страшного карателя и привез его в партизанский отряд на суд; о Кармен Фернандес Перейра. У нее двое детей, а сейчас она усыновила третьего ребенка. Она главный комиссар Юга. Это бесстрашная женщина. Есть в отрядах и юные герои. Кабрал рассказывает, как однажды отряд уходил из деревни. Вместе с бойцами пошел мальчишка тринадцати-четырнадцати лет. Ему приказали вернуться. Он умолял взять его с собой. Никакие уговоры не помогли. Выдали ему карабин. Как-то на марше отряд был выслежен португальским самолетом-разведчиком. Он стал пикировать. Все залегли. Парнишка стрелял отчаяннее всех и сбил самолет. О юном партизане сложили песню.

ПОЭТ И БОЕЦ

Прошло восемь лет с той поры, как народ Анголы поднялся на вооруженную борьбу с колонизаторами. Восемь лет идут жестокие сражения с интервентами. Враг не уходит с земли Анголы благодаря поддержке империалистов США и стран НАТО. Но все ощутимее удары, которые наносят ангольские патриоты по колонизаторам. Как сообщил на конференции Агуштинью Нету, президент Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), с каждым годом расширяется территория, контролируемая патриотами. В освобожденных районах начинает строиться новая жизнь.

Агуштинью Нету привез с собой фильм. На экране партизаны, вооруженные автоматами, выстроились в ряд. Они кого-то ждут. На дороге показывается коренастый человек в военной форме. Это приехал в отряд Агуштинью Нету. Партизаны приветствуют его поднятием автоматов. В зале раздается бурная овация присутствующих на встрече друзей — участников конференции.

Агуштинью Нету — это имя знают в Анголе все. Он тоже человек мирной профессии — известный африканский поэт.

Мы смотрим фильм. Вот в кадре собрание в одной из освобожденных ангольских деревень. Взволнованные лица людей — стариков, женщин, детей. К освободителям выходит женщина с ребенком на руках. Она, судя по всему, говорит слова благодарности, и все выражают согласие с ней.

Другой кадр — импровизированная новая школа. Сосредоточенные лица ребятишек. С каким вниманием они слушают пришедшего к ним еще совсем незнакомого учителя!

И потом бои, и снова бои с колонизаторами. Недавно был открыт новый фронт в Анголе, почти в шестидесяти километрах от столицы. Только в прошлом году было убито более 2 760 португальских солдат и ранено 2 160.

— Мы не смешиваем колонизаторов с португальским народом. Я знаю: рано или поздно народ Португалии сбросит свое правительство и поможет нам покончить с колонизаторами на нашей земле,— сказал Нету.

И как бы в ответ на его слова к нему подошел представитель португальских патриотов-антифашистов Педро Соулес.

— От имени всех честных патриотов нашей страны я приветствую воинов и солдат Народного движения за освобождение Анголы. Правительство моей страны погрязло в крови. Мы отвергаем его политику. Наш девиз — удалить немедленно португальских солдат с земли Анголы. Мы солидарны с вами, друзья! Мы тоже действуем. Только за последнее время свыше 14 тысяч португальцев не явились на призывные пункты. Это наш ответ колонизаторам. Это наша солидарность с вами.

Нету вышел навстречу португальскому представителю. Они крепко пожали друг другу руки.

ОТВАЖНЫЙ СЫН МОЗАМБИКА

Этого высокого, статного человека с крупными чертами лица, острыми и пронзительными глазами и в то же время мягкой, добродушной улыбкой я впервые увидел в зале Хартумского университета на открытии конференции. Он спокойно подошел к микрофону, и с первых же слов Эдуардо Мондлане, глава Фронта освобождения Мозамбика, установил контакт с аудиторией.

— Почему сегодня португальские колонизаторы топчут землю моего народа, зачем они находятся в Африке, по какому праву? Португалия, казалось бы, маленькая, слабая капиталистическая страна, но она проливает потоки крови—своей и чужой. Португалия ведет захватническую войну в Африке, выполняя волю своих хозяев — империалистов США, как Израиль служит агентом империалистов на Ближнем Востоке. Они хотят сохранить навеки колониальные порядки. Эти силы никогда не хотели и не хотят мира.

Мы преданы идеям мира, но мы вынуждены выбирать: мир или свобода. Мы выбрали свободу. Мы хотели мирных переговоров. Португальские колонизаторы отказались, и мы избрали вооруженную борьбу. Мы доведем ее до победного конца.

Народ Мозамбика долго жил в страшной нищете. Население было почти поголовно неграмотно. Сейчас воины национально-освободительных сил пядь за пядью освобождают от колонизаторов родную землю. В освобожденном районе ликвидируется иностранная администрация, организуются школы, больницы, создаются новые экономические отношения, люди становятся полноправными хозяевами своей земли. Недавно в освобожденном районе состоялся съезд Фронта освобождения Мозамбика, обсудивший проблемы преобразования жизни на новых началах.

В последующие дни мне пришлось ближе познакомиться с Эдуардо Мондлане. Жизнь этого талантливого человека полна дерзаний. Он стал видным ученым-антропологом, читал лекции в Гарвардском и Сиракузском университетах, работал в Секретариате ООН. А когда началась вооруженная борьба в Мозамбике, незамедлительно приехал на родину. Когда был создан Фронт освобождения, во главе его встал Мондлане. Вскоре он стал руководить боевыми операциями против колонизаторских войск.

Португальские агрессоры познали силу ударов воинов Мозамбика, руководимых Мондлане. Они получили ощутимый удар от Мондлане и в Хартуме.

Отсюда, из Хартума, он поехал в Каир, чтобы оказать поддержку братским арабским народам.

Последний раз я встретился с Эдуардо Мондлане в каирской гостинице. Это было уже в конце января. Мондлане уезжал в Дар-эс-Салам. Он протянул руку и радушно заговорил:

— Пожалуйста, передайте привет Москве, советским борцам за мир. И считайте меня тоже убежденным борцом за мир. Мы еще встретимся на дорогах мира...

Спустя несколько дней в Москве я был потрясен печальным известием. Телеграф сообщил о злодейском убийстве отважного сына народа Мозамбика. И хотя враги убили Мондлане, он продолжает сражаться за свободу своего народа, всех народов Африки. Движение, которое он возглавлял, принесет победу народу Мозамбика.

«ЛЮБОВЬ МОЯ — РОССИЯ»

Директор советского культурного центра в Хартуме Шота Николаевич Курдгелашвили пригласил нас на концерт в честь делегатов конференции. Советские артисты исполнили задушевные советские песни, украинские, молдавские танцы, цирковые номера. Почти каждый номер повторялся на «бис». Но самый большой успех выпал на долю милой, скромной конферансье Люси. Каждое ее появление вызывало восторг. Она вела концерт на отличном арабском языке и совсем уж покорила публику, когда она стала под гитару исполнять арабские песни.

После концерта ко мне подошел суданский друг Хасан и сказал:

— Вы не думайте, что только ваши русские девушки умеют так хорошо говорить по-арабски. У нас тоже есть девушки, которые отлично говорят по-русски. Вот познакомьтесь...— И он представил стоявшую рядом в белоснежном наряде смуглую суданку. Легким кивком она поклонилась и тут же заговорила на чистейшем русском языке:

— Здравствуйте, меня зовут Фатима, я училась в России. Сегодня я будто побывала в Москве, в родном Университете дружбы народов. Как там дела? Вы знаете профессора Румянцева?

— Как же, знаю, хорошо знаю...

— Вы увидите его?

— Конечно.

— Скажите ему, пожалуйста, что его студентка Фатима ничего не забыла.

Она открыла сумочку и протянула мне письмо.

— Я написала его сегодня перед тем, как идти сюда. Я была на конференции и, как врач, обслуживала делегатов. Я не очень хорошо говорю теперь по-русски. Вы прочтите, пожалуйста, не стыдно посылать такое письмо профессору?

Настойчивая просьба Фатимы заставила меня прочитать это волнующее послание.

— Фатима, это — очень хорошее письмо, профессор Румянцев, я думаю, будет ему рад.

— Ну вот и хорошо! — обрадованно сказала Фатима.— Вы знаете, я помню слова одной песни — «Любовь моя — Россия»... Это моя песня.

Я спросил Фатиму, могу ли я рассказать о ее письме советским друзьям.

— Конечно!

Вот ее письмо: «Уважаемый Сергей Васильевич, я прошу у вас прощения, если найдете грамматические ошибки. Мы у вас хорошо и даже удивительно знали ваш любимый теплый русский язык, но поскольку у нас здесь почти нет практики, то многие слова забываются, но я обещаю и дальше совершенствовать русский язык. Я хочу сказать вам: вы нас хорошо и прекрасно готовили во всех областях. Желаю вам больших успехов и счастья на всю жизнь. Я думаю, что у меня еще будут возможности хотя бы на пять минут вас увидеть. Мы всегда, всю жизнь будем помнить Советский Союз. Я всю жизнь буду другом Советского Союза. Советский народ — самый человечный и гуманный на земле. Я знаю, что вас интересует, как мы здесь живем.

Я начала работать, как только приехала из СССР, врачом в Хартуме. Мы работаем так, как вы нас учили в Москве,— работаем только хорошо. Это удивляет всех врачей, и нас уважают за труд и за знания, которые вы нам дали в Университете дружбы народов.

Мы желаем вас видеть здесь, в Судане, чтобы своими глазами увидели выпускников ваших.

Передайте привет теплый всем коллегам, преподавателям, администрации и всем товарищам, которых я никогда в жизни не забуду.

Ваша студентка всегда и всю жизнь

Фатима».

Малыш пишет первое слово. В освобожденных деревнях налаживается новая жизнь, организуются больницы, возникают школы.

А в конце письма приписка: «Еще раз привет всем в Университете дружбы народов, всем стенам, русскому снегу и песку.

Фатима».

В Судане мне не раз приходилось слышать русскую речь. Однажды мы сидели у гостиницы. К нам подошел молодой суданец. Это был доктор Сулейман. Он тоже учился в Москве. Теперь работает врачом. Он свободно говорит по-русски. Я спросил его, читает ли он русскую литературу, не забывает ли язык. «Нет,— ответил он,—однажды изучив, этот язык никогда нельзя забыть».

ВЕЛИКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Солидарность — мы уже привыкли к этому слову. Оно часто звучит со страниц газет, в эфире. Здесь, в Хартуме, особенно было ощутимо все значение этого понятия.

Надо было видеть, в какую манифестацию превратилась встреча в Хартуме представителей вьетнамского народа с народами Африки. Я слышал, как делегат Анголы говорил вьетнамскому другу после его выступления:

— Мы учимся у вас, мы вместе победим!

И они крепко обнялись.

В Хартуме были представители самых разных партий и самых разных движений.

Из Англии приехал студент Джим Брукшоу. Это он сорвал родезийский флаг в Лондоне в знак протеста против действий лейбористского правительства, потворствующего фашистскому режиму Смита. Когда ему стало известно о конференции в Хартуме, Джим во что бы то ни стало решил поехать туда. Он хотел увидеть молодых друзей из Африки и передать им истинные чувства прогрессивной молодежи Англии.

На встрече в Хартуме участвовали две американки. Одна из них, Ширли Грехем,— писательница, вдова известного американского ученого и борца за мир Уильяма Дюбуа. На Хартумской конференции из рук президента-исполнителя Всемирного Совета Мира Изабеллы Блюм она приняла посмертную награду Дюбуа — почетную медаль Жолио-Кюри. Грехем сказала, что Дюбуа всю жизнь хотел видеть народы Африки свободными и солидарными в своей борьбе за свободу. И она счастлива, что видит это великое единение в Хартуме.

Другая, молодая американка Мэри Лу Инго, сказала:

— Моя страна возглавляет агрессивный блок НАТО. Она поддерживает все реакционные режимы. Моя страна — враг всех народов, борющихся за свою свободу. Я негритянка. С нами в США обращаются как с рабами, мы лишены элементарных прав. От имени черных американцев, от всех честных, прогрессивных людей Америки я говорю всем африканцам: «Мы поддерживаем вашу борьбу, мы солидарны с вами!»

Это говорила совесть Америки.

В Хартуме присутствовали делегации Всемирного Совета Мира, возглавляемая генеральным секретарем ВСМ Ромешом Чандрой, и Организации афро-азиатской солидарности во главе с виднейшим египетским писателем Юсефом эс-Сибаи. Эти два широких массовых движения современности подготовили конференцию, выступили ее организаторами. Их совместные действия дали и дадут хорошие плоды.

Хартум — Москва.

Виктор ПОПОВКИН

ПРЕДСКАЗАНИЕ ВО СНЕ?

РАССКАЗЫВАЕМ О РАБОТЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО УЧЕНОГО В. Н. КАСАТКИНА.

«Учитесь видеть сны, джентльмены! — писал известный ученый, химик Кекуле, открывший во сне формулу молекулы бензола.— Тогда, возможно, мы найдем истину».

Однако, добавлял он, мы не должны заботиться об оглашении наших снов, пока их не подвергнет испытанию бодрствующий разум.

Любой нормальный человек каждую ночь видит сны, утверждают сегодня ученые, но не всякий раз мы способны запомнить их. Некоторые из ученых утверждают даже, что у людей, которых искусственно лишали возможности досматривать свои сновидения, ухудшалось самочувствие, начинал портиться характер, развивался невроз!

Когда мы видим сны, раскрепощается от жестких оков сознание. Мозг словно бы спешит завершить обработку всех впечатлений и переживаний, от которых мы отмахивались днем. И в этом смысле, возможно, спасает себя от перегрузки.

Но так ли уж нужны нам сами сновидения со всеми, порой нелепыми, казалось бы, подробностями? Какую информацию могут доставить они человеку?

Человечество с незапамятных времен пыталось разгадать тайну сновидений. Волновала не только необычность различных сцен, образов и поведения во сне, но и решение жизненных вопросов во сне, творчество, «пророческий» порою смысл сновидений. Где граница между реальным и нереальным во сне, между объективным и субъективным в сознании?

Иван Петрович Павлов не случайно, очевидно, напоминал, что нервная система человека представляет собой «невыразимо сложнейший и тончайший инструмент сношений, связи многочисленных частей организма между собой и организма как сложнейшей системы с бесконечным числом внешних влияний». Стоит вспомнить и другие слова великого ученого, сказанные им по поводу взаимоотношений субъективного и объективного.

«Я убежден,— говорил И. П. Павлов,— что приближается важный этап человеческой мысли, когда физиологическое и психическое, объективное и субъективное действительно сольются, когда фактически разрешится или отпадет естественным путем мучительное противоречие моего сознания моему телу».

Представляя выпущенную в 1951 году небольшую книгу профессора Ф. П. Майорова «Физиологическая теория сновидений», действительный член Академии медицинских наук СССР профессор Д. А. Бирюков отмечал, что это, по существу, лишь первая попытка дать трактовку сновидений в свете павловского учения о высшей нервной деятельности.

— Кроме этой книги,— говорил Дмитрий Андреевич,— в нашей стране на протяжении многих десятилетий не было выпущено ни одного научного труда по

вопросу о сновидениях — обстоятельство странное и тем более досадное, что как раз отечественная физиология в трудах И. М. Сеченова, И. П. Павлова, А. А. Ухтомского создала замечательную теоретическую основу для научно-материалистической разработки проблемы сновидений. А проблема важная... Именно сновидения — этот обычный спутник нашей ночной жизни — до сих пор окружены в сознании многих людей туманом загадочности и дают пищу всяким предрассудкам и суевериям, в том числе и религиозным.

Отсутствие серьезных работ по теории сновидений создало даже такую ситуацию, когда сам разговор о сновидениях считался «в ученых кругах» чем-то вроде несерьезного занятия, способного лишь скомпрометировать имя ученого. И потому можно представить себе положение, в которое попал всего лишь лет семь назад ленинградский врач-невропатолог, кандидат медицинских наук Василий Николаевич Касаткин, впервые предложив вниманию ученого совета свою работу по анализу сновидений! Мало того: их ученый коллега заявил во всеуслышание, что на основании сновидений можно предсказывать заболевания задолго до официального диагноза опытного врача-клинициста!

Но ведь к тому времени имелся уже изрядный опыт врачей-психиатров в анализе сновидений в нервно-психической клинике. В частности, известный медик профессор М. И. Аствацатуров еще в 1935 году обращал внимание лечащих врачей на такой факт: «Можно, например, признать, что если тревожные сновидения с элементами страха смерти сочетаются с внезапными пробуждениями, сопровождающимися безотчетным страхом смерти, то это может возбуждать подозрение о заболевании сердца в таком периоде, когда никаких других субъективных жалоб, указывающих на такое заболевание, не имеется».

К счастью, работа В. Н. Касаткина попадает вскоре на суд известному советскому ученому, заместителю директора по науке Института экспериментальной медицины, члену-корреспонденту АМН СССР Н. П. Бехтеревой. Работа оказалась интересной, и Наталья Петровна, в свою очередь, предложила познакомить с материалами директора института, одного из учеников И. П. Павлова, профессора Д. А. Бирюкова. И вот, наконец, Касаткин держит в руках счастливо пахнущий типографской краской оттиск собственной монографии — «Теория сновидений, некоторые закономерности возникновения и структуры» под редакцией Д. А. Бирюкова.

В течение 28 лет собрано и проанализировано более четырех тысяч сновидений у больных и здоровых лиц самых различных профессий и возрастов (от шестилетних детей до людей 75 лет). Это уникальный труд. Сновидения записывались попутно с лечением больных и на основании специально поставленных экспериментов в Ленинградском психоневрологическом институте имени В. М. Бехтерева, в Вологодской психиатрической больнице, в нейрохирургической и психиатрической клиниках Военно-медицинской ордена Ленина академии имени С. М. Кирова, в Нейрохирургическом научно-исследовательском институте имени проф. А. П. Поленова, в Львовской школе глухонемых и в артели слепых инвалидов, в детских домах и детских садах.

«Большой теоретический и клинический интерес представляют главы об изменениях сновидений при различных заболеваниях,— говорит в предисловии к этой работе Н. П. Бехтерева.— Анализ углубляется применением заданных функциональных проб во время сна, широким использованием современных электрофизиологических и биофизических представлений, а также собственными электроэнцефалографическими наблюдениями. Данные анализа сновидений могут быть использованы в известной мере для определения состояния высшей нервной деятельности, с диагностической и прогностической целью при многих заболеваниях».

Разумеется, и сам исследователь и ученые, поддержавшие его, далеки от мысли о завершенности работы. К настоящему времени число сновидений, подвергнутых анализу, перевалило за 6 тысяч. Недавно я встретился с Василием Николаевичем Касаткиным и попросил его ответить на ряд вопросов.

ВОПРОС. Как объяснить, что сновидения могут иногда прогнозировать, предсказывать заболевания?

ОТВЕТ. Известно, что о диагностических возможностях сновидений говорили еще такие врачи и мыслители древности, как Гален и Гиппократ, объяснял «вещие» сны Аристотель.

Когда человек здоров, говорил Гиппократ, сновидения довольно достоверно воспроизводят прежние переживания. Но как только впечатления бодрствования начинают воспроизводиться в сновидениях в искаженном и сумбурном виде, это первый сигнал того, что организм нездоров. И если внимательно и умно анализировать сновидения, в них можно обнаружить и потребности организма, удовлетворение которых может привести к выздоровлению.

Гален также считал, что сновидения указывают на состояние тела и поэтому могут иметь значение при распознавании и лечении болезни. Но он осуждал тех врачей, которые, не ознакомившись как следует с испытанными симптомами болезни, лечат, руководствуясь одними лишь сновидениями.

В том, что в сновидениях может отражаться предвидение заболеваний задолго до признания лечащим врачом, нет никакой мистики. И это подтверждается хотя бы тем, что сроки предвидения «снадиагноста» почти полностью совпадают с продолжительностью скрытого или инкубационного периода заболеваний.

И второе: существование «аппарата предвидения» в мозгу человека доказано уже многими работами в физиологии. В нашей стране широко известны, например, исследования в этом направлении академика П. К. Анохина. Мозг умеет не только чувствовать тончайшие процессы в организме человека, но и оценивать окружающую обстановку, моделировать возможный, наиболее вероятный исход ситуации. Так что и в «пророческом» диагнозе, который ставит сам мозг, нет ничего сверхъестественного.

Мы привыкли связывать в своем сознании множество внешних признаков заболевания с самим фактом заболевания, доискиваться причин болезни. В нашем мозгу — в результате опыта, чьих-то рассказов или прочитанного — укоренились вполне естественные свои ассоциации на каждый случай в жизни, включая и раздражители, болезненное состояние. Поэтому, если мозг во сне, получив едва уловимый сигнал от заболевшего органа, вырабатывает свою ассоциативную картину, мы ее и наблюдаем в виде сна. И если вам внушено с детства, что «есть сырое мясо нельзя — заболеешь», то ничего мистического нет, очевидно, в том, что человек может перед болезнью (а вернее, уже заболевая!) видеть во сне сырое мясо.

ВОПРОС. Почему человек в основном видит сны, а ощущения боли, например, являются не сразу и не всегда?

ОТВЕТ. Экспериментально установлено, что чувствительность глаза и зрительного анализатора мозга в тысячи и даже миллионы раз выше, чем у всех остальных органов. (Некоторые ученые утверждают сегодня, что для восприятия ощущения света достаточно всего лишь одного-двух световых квантов.) Кроме того, глубина сонного торможения в зрительном анализаторе наименьшая. И на звук, свет, боль, запах во сне по условнорефлекторной связи сразу же возникают зрительные образы и картины. Поэтому слабые и средние раздражители проявляются зрительными сценами, и только при значительном увеличении силы раздражителей вы ощущаете их, так сказать, в непосредственном виде.

ВОПРОС. Каковы сроки возможного предсказания заболеваний на основании сновидений?

ОТВЕТ. Такие заболевания, как ангина и грипп, острый бронхит и катар дыхательных путей, конъюнктивит, фурункулы, острый аппендицит, острый гастрит и желудочно-кишечные отравления, могут проявиться в сновидениях лишь в ночь накануне явного заболевания. Это объясняется быстрым развитием подобных болезней.

Но вот такое неприятное заболевание, как острая дизентерия, можно «предвидеть» и в ночь накануне и за один-два дня. Брюшной и сыпной тиф, болезнь Боткина, интоксикационные психозы — за неделю. Инфекционный психоз — за три — пять дней, белую горячку — за пять — десять дней. «Модные» заболевания нашего века — неврозы отражаются в сновидениях за неделю или даже за несколько месяцев до явных клинических проявлений, а гипертония — за два-три месяца. Развитие туберкулеза легких можно по нашей, правда, ограниченной статистике предвидеть примерно за два месяца. Опухоли же головного мозга — от месяца и более года.

ВОПРОС. Можно привести наиболее характерные примеры сновидений — разных для различных заболеваний?

ОТВЕТ. В любом случае, создавая нашим сновидениям при развитии болезни неприятный эмоциональный и зрительный фон, вызывающий беспокойство, наша нервная система как бы предупреждает о надвигающейся опасности. Чутко улавливая едва заметные сигналы от своих датчиков — органов чувств, она вызывает в коре головного мозга именно такие сцены и ситуации, которые необычны и пугают нас. Иначе мы вряд ли бы обратили внимание на эти сигналы тревоги, посылаемые организмом.

Например, человек хочет вынырнуть из воды, но не может, дыхание затруднено. Или поднимается в гору, и ему тяжело дышать. Он пытается пролезть в какую-то дырку в заборе и застревает грудью, доски забора все теснее сдавливают его. Происходит какая-то авария, и грудную клетку засыпает землей. Это все во сне. Ему может сниться и неудобная, стесняющая дыхание одежда, ощущение удушья, тревоги, страха... Возможный диагноз: воспаление легких или плеврит, бронхит или даже туберкулез.

Это очень характерно, что при заболевании легких, как правило, возникают сцены с нарушением дыхания. Во время заболеваний мышц рук, ног и туловища — с нарушением движений. При заболеваниях сердца (инфаркт миокарда, стенокардия) появляются во сне кошмарные видения, связанные с областью сердца, они могут сопровождаться сильным чувством страха смерти. При сердечных заболеваниях может сниться падение в пропасть или в обрыв... Например, девушка часто видела такие «устрашающие» сновидения: пожары, кровь вокруг себя,— она в страхе просыпалась. Проведенное медицинское обследование указывало на ревматическое поражение сердца.

При гастрите или иных желудочно-кишечных заболеваниях могут во сне появляться зрительные сцены, связанные с испорченными или сырыми пищевыми продуктами, например, рыбой или мясом. Человеку может сниться, что он купается в мутной теплой воде, а проснувшись, через некоторое время обнаруживает первые признаки простуды или гриппа. В чем же дело? Очевидно, уже ночью, когда неприятное ощущение разбитости, повышенной температуры и потливости было еще только в самом зачаточном состоянии и осталось бы незаметным для нас в бодрствующем состоянии, спящий мозг среагировал на эти симптомы более чутко.

Сновидения похожи на предвестники заболеваний и в случае сильного утомления или переутомления — физического или умственного. Но тогда эти сновидения чаще всего отмечаются в начале ночи и исчезают по мере отдыха во сне. Они сходны со сновидениями при заболевании неврастенией.

Интересно, что сновидения неврастеников обычно связаны с ситуацией, которая способствует по-

явлению этого заболевания. Поэтому врач-психиатр, анализируя подобные сновидения, часто может совершенно определенно узнать и окружающую обстановку, провоцирующую заболевание. И еще что характерно: неврастеники во сне мыслят логически даже более связно, чем здоровые люди. У них чаще, чем у здоровых людей, встречаются в сновидениях ощущения звука, тепла, холода, боли, прикосновения.

ВОПРОС. Но как отличить сновидения— вестники заболеваний, если их можно так назвать, от обычных, рядовых сновидений?

ОТВЕТ. Как правило, это сновидения часто повторяющиеся и однотипного содержания. Так что первый признак — частота, или, можно сказать, навязчивость сходных по содержанию сновидений. Затем, эти сновидения, связанные с заболеванием, неприятны по фону и содержанию, нередко даже являются кошмарными. И третье, что как раз очень важно в диагностике, они связаны с особенностями заболеваний и с довольно точной локализацией заболевшего органа.

У большинства больных еще задолго до явного проявления болезни нарушается сон, увеличивается частота сновидений, меняется их содержание. В сновидениях даже могут участвовать мысли и слова, связанные с заболеванием, но они не столь ярки и закончены, как зрительные сцены. Значительное изменение всего фона сновидений, преобладание неприятных мотивов — тоски, страха и кошмара — обычно совпадают с общими изменениями в организме: с повышением температуры и возбудимости, с усилением общего недомогания и развитием иных нарушений в организме. С отступлением болезни возвращаются в норму и сновидения.

Человеку могут сниться страшные сны и без указаний на болезнь. Если положить, например, на грудь спящего человека книгу, а затем разбудить его, может оказаться, что ему приснился обвал в горах или авария на стройке. В накуренном купе человеку могут сниться пожары и что сам он задыхается... Стесняющая одежда, душное помещение — достаточные условия для неприятных сновидений. Поэтому важно учитывать обстановку, в которой проявляются сновидения, состояние человека, особенности его личности.

Профессиональные знания, уровень образования, род занятий человека — все это тоже придает свою, специфическую окраску сновидениям. И потому врач, заболевающий ангиной, в ночь накануне может видеть во сне у себя, например, белые дифтерийные пленки в горле, а человек, не имеющий медицинских познаний,— просто повреждение горла, военный — ранение в области горла. Если воину Древней Греции при заболевании кожи ноги могло присниться, что в это место попала стрела, то офицеру во время второй мировой войны — что ему в ногу попал осколок снаряда или пуля.

ВОПРОС. Но может случиться и так, что человеку ничего не снится...

ОТВЕТ. Это может быть в тех случаях, когда сон человека очень глубок: достаточно проспать несколько минут после виденного сна, чтобы уже не вспомнить его.

Но отсутствие сновидений может явиться и сигналом бедствия, который посылает нервная система! Это может говорить, например, о повышенном внутричерепном давлении. Уменьшение сновидений по отношению к обычному состоянию может указывать на ослабление основных нервных процессов, на обеднение психической деятельности. Кстати, при опухолях и некоторых поражениях различных областей головного мозга сновидения отмечались нами лишь в 45 из 100 случаев сна. В то время как у здоровых лиц — в 70 случаях, а при неврозах — в 90 из 100.

ВОПРОС. Что вы можете сказать о практическом применении анализа сновидений?

ОТВЕТ. В моей практике, как врача-невропатолога, был, например, такой случай. На прием ко мне пришла женщина с жалобой на расстройство сна: сон стал беспокойным, и примерно в течение месяца ей навязчиво снились почти одни и те же сцены. То будто бы соседи, то сама она употребляла в пищу испорченную или сырую, недожаренную рыбу. Казалось бы, безобидный случай, и самое первое, что может прийти на ум,— прописать человеку снотворное. Опыт же подсказал, что нужно направить больную на обследование. Результат диагноза: анацидный гастрит.

Из этого не следует, что бессонница—это «хорошо». От бессонницы человека нужно спасать, она разрушает нервную систему. Нужно предупредить и от опасности преувеличенного внимания к снам людей слишком мнительных: известна роль самовнушения в заболевании. Известны случаи и внушенных заболеваний человека из-за неосторожного высказывания врача. Материал сновидений может стать серьезным подспорьем в диагностике и в направленном лечении болезни лишь для опытного медика, врача-психиатра или невропатолога.

Сновидения, например, могут иметь диагностическое значение и при таких нарушениях в организме, как расстройство речи, двигательные нарушения: сновидения могут подсказать, связаны ли эти нарушения с поражением коркового отдела. Другой случай — полная слепота при полной сохранности глазного яблока. Исчезновение зрительных сцен в сновидениях подскажет здесь нейрохирургу, что перед ним случай полного разрушения или выключения зрительного центра коры, тогда как сохранность «видения» во сне указывает на перерыв (в частности из-за опухоли) в зрительном нерве. Такого рода, казалось бы, простейший анализ сновидений уже неоднократно помогал нам в предоперационной диагностике.

Рисунки В. Черникова.

ЕСТЬ ЛИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ «ВЕЩИМ СНАМ»?

Редакция журнала обратилась к известному ученому, академику П. К. АНОХИНУ, с просьбой прокомментировать работу ленинградского ученого.

Сновидения не являются непрошеными гостями, случайно врывающимися в наше сознание из какого-то нематериального мира. Они результат естественных законов поведения нервных клеток мозга и их всевозможных сочетаний. А раз это так, значит, каждое сновидение, каждая категория образов, как бы причудлива она ни была, имеет естественные пути своего происхождения, которые определяются реальными причинами. Исходя из этих положений, можно по характеру сновидений, разумеется, научным путем, определить ту физиологическую почву, на которой они возникли.

К сожалению, автор работы не использовал всех возможностей последних достижений нейрофизиологии, и поэтому объяснение механизмов сновидений может быть улучшено. Более физиологически достоверное объяснение механизма сновидений, на наш взгляд, изложено нами в брошюре «Сновидение и наука» (1945), хотя некоторые положения этой брошюры должны быть также объяснены.

Сон есть результат двусторонней связи коры и подкоркового аппарата мозга. В бодрствующем состоянии активно-возбужденные нервные клетки коры держат в торможении клетки определенных подкорковых центров, способных перекрыть все те пути, через которые проходят к коре внешние воздействия. Стоит коре мозга ослабить свою работу, как заторможенный ранее центр прекращает доступ всех раздражений в кору мозга.

Мы знаем, что все органы человека ежесекундно посылают тысячи самых разнообразных нервных импульсов, которые обеспечивают планомерную работу и обмен веществ этих органов. Однако большей частью все эти импульсы не достигают сознания, так как наш мозг, в особенности его кора, постоянно работая на высоком напряжении, подавляет все ощущения, исходящие от нашего тела. Эти незаметные днем раздражения и являются толчком к развитию точно соответствующих им по сюжету сновидений.

В основе многих сновидений, которые «предсказывают» будущие события, главным образом в самом организме, лежит процесс включения оттесненных до этого слабых возбуждений.

Вот почему культурный врач, если к нему вдруг обратился больной по поводу назойливых сновидений — когда, например, человеку в сновидениях «обязательно что-то попадает в горло» (то ему кажется во сне, что он давится вилкой, то проглатывает рыбью кость, то, наконец, ему перетягивают горло веревкой и т. д.),— прежде всего исследовал бы его горло, чем мог бы не только предсказать ход болезни, но и предупредить возможное развитие недоброкачественной или иной опухоли.

Вот почему нельзя смешивать в одну кучу суеверия и предрассудки, накопленные человеком на основе самого факта сновидений, и существующие закономерности в развитии сновидений. Но вместе с тем нельзя утверждать, разумеется, и то, что все образы, которые посещают нас во сне, должны обязательно что-то предсказывать. Они могут быть во многих случаях следствием и случайных раздражений при данной обстановке сна.

И в этом отношении работа кандидата медицинских наук В. Н. Касаткина, оперирующего большим статистическим материалом, безусловно, интересна. Хотелось только предупредить читателей от попыток рассматривать ее как готовую «систему» анализа сновидений. Несколько нетвердо выглядят и некоторые положения автора о «днях предупреждения» срока заболевания в будущем. Шире надо использовать фазовые особенности сна в исследованиях и богатейший опыт по применению анестетиков и психофармакологических средств.

ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ

Со всех районов и городов Днепропетровщины съезжались гости в село Новопокровку. Подарки, приветствия, телеграммы, слова глубокой признательности адресовались в Новопокровский Дом культуры, сельским артистам. Это им сегодня пятьдесят лет! Это они, золотые именинники, справляют свой золотой юбилей. За полвека на земле Днепропетровщины страстно и патриотично прозвучали пьесы корифеев украинской драматургии: И. Тобилевича и М. Кропивницкого, И. Котляревского и М. Старицкого, Т. Шевченко и И. Франко...

Более трехсот произведений сыграли сельские артисты для своих земляков,— и не только жителей Солонянского района; в музее Дома культуры светится карта гастролей, на ней названо 115 населенных пунктов. И везде были теплые встречи, везде люди низко кланялись мастерству и таланту новопокровских артистов.

Театральный коллектив сыграл за пятьдесят лет 1 700 спектаклей. Их смотрело более полумиллиона зрителей. Гигантская работа стоит за этими цифрами!

Организатором и первым руководителем любителей-энтузиастов был учитель Игнат Павлович Обухов, человек больших творческих способностей, страстно влюбленный в театр, в искусство. Сейчас в коллективе есть и учителя и рядовые колхозники: трактористы, доярки, кузнец, сельская телефонистка... Теперь они стали артистами Новопокровского самодеятельного народного театра.

Министерство культуры УССР наградило новопокровцев почетной грамотой; со словами благодарности на юбилейном вечере выступил начальник Днепропетровского управления культуры М. Г. Литвиненко.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина коллектив готовит пьесу Н. Зарудного «Синие росы».

Э. СОКОЛОВСКИЙ,
артист Днепропетровского театра
имени А. М. Горького

Народная артистка УССР, лауреат Государственной премии З. С. Хрукалова беседует с Верой Нетудыхатка, актрисой народного театра.

Фото Ю. Серадского.

Памятные медали

В начале февраля нынешнего года два областных центра Украины — Луцк и Ровно — торжественно отпраздновали двадцатипятилетие освобождения от немецко-фашистских захватчиков. По этому случаю выпущены памятные медали, которые читатель видит на снимках. Медали вручены гостям Луцка и Ровно — участникам Ровно-Луцкой операции Советской Армии в феврале 1944 года и бывшим волынским и ровенским партизанам и подпольщикам.

П. ВЛАДИМИРОВ

ТАЙНА МОГИЛЫ ДВЕНАДЦАТИ

Всмотритесь в этот снимок, дорогой читатель! Может быть, вы участвовали в Курской битве? Не с ним ли рядом шли в бой, не из одного ли котелка едали солдатскую кашу или раскуривали солдатскую цигарку под полой пробитой пулями шинели?

Сын болгарского народа Илья Живков в дни Великой Отечественной войны бок о бок с советскими солдатами сражался на курской земле. Но не довелось Живкову праздновать Победу...

В Софии живут мать и сестра Ильи. От них теперь стала известна короткая его довоенная биография.

Родился Илья в 1924 году в селе Меляне, Михайловградского округа, в бедной крестьянской семье. Его отец, Иван Живков, член Болгарской коммунистической партии с 1910 года, был одним из бесстрашных организаторов подготовки и проведения антифашистского вооруженного восстания, вспыхнувшего в сентябре 1923 года под руководством Болгарской компартии во главе с Георгием Димитровым и Василием Коларовым. Около 600 вооруженных бойцов под командованием Ивана Живкова восстали против фашистов в селах Меляне, Еловица, Главановци, Копиловци, Говежда, Дива Слатина... После разгрома восставших Иван Живков ушел в подполье. Фашисты разграбили и сожгли его дом и приговорили его заочно к 15 годам строгого тюремного заключения. А в 1925 году Живков за подпольную коммунистическую деятельность был приговорен к смертной казни. Но ему удалось эмигрировать в СССР.

В селе Степановке на Полтавщине Иван Живков стал одним из руководителей коммуны имени Благоева, созданной болгарами-эмигрантами. Преследуемая фашистами, в 1928 году приехала сюда и семья Живкова. Его сыну Илье тогда было четыре года. В Степановке Илюша вступал в пионеры и в комсомол. В местной средней школе стал секретарем комсомольской организации. Степановские старожилы помнят этого стройного, жизнерадостного юношу. Как хорошо пел он и играл на гитаре!

В 1941 году Илья получил аттестат зрелости. Субботним вечером 21 июня в школе был выпускной бал. А на другой день Илья Живков пришел в райком комсомола и попросил послать его добровольцем на фронт. Но Илье было всего семнадцать с половиной лет, отказ следовал за отказом. Наконец его направили учиться в военную школу. Оттуда пришло его письмо, датированное 12 июня 1943 года. Илья сообщал, что уезжает на фронт. Обратный адрес — полевая почта 29963.

Это была первая и последняя весточка от Ильи. Только после войны матери сообщили: Илья погиб в боях под Курском летом 1943 года.

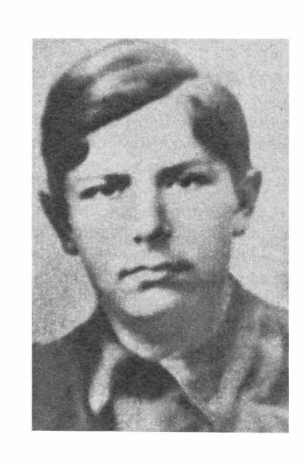
Сражалась против гитлеровцев и его сестра Анна — она была радисткой в штабе украинских партизан. Но судьба ее сложилась по-другому: она с победой вернулась в Болгарию, училась в Софийском университете и стала архитектором.

Как воевал, где похоронен Илья Живков?

В архиве Министерства обороны СССР помогли установить, что автоматчик 272-го гвардейского стрелкового полка 90-й гвардейской стрелковой дивизии Живков Илья Иванович пропал без вести 9 июля 1943 года в районе деревни Луханино, Курской области,— ныне Яковлевский район, Белгородской области. Я получил из деревни Луханино пока такое сообщение: в июле 1943 года тут были захоронены двенадцать безымянных советских воинов. А в 1961 году они перезахоронены с почестями в братскую могилу в селе Алексеевка, где им установлен памятник.

Кто они, эти двенадцать неизвестных солдат? Быть может, что-то могли бы подсказать однополчане Живкова? Как стало теперь известно, командирами взводов автоматчиков в 272-м гвардейском стрелковом полку в 1943 году были лейтенанты Пожошкин Василий Семенович, 1915 года рождения, Хворостинский Сергей Федорович, 1910 года рождения, Сошкин Егор Григорьевич, 1916 года рождения, младший лейтенант Атонов Кирилл Макарович, 1902 года рождения. Заместителем командира полка по строевой части был гвардии майор Воронов Вячеслав Иванович. Живы ли и где они? Может, кто-либо из читателей знает их?

С. МАСЛЕННИКОВ

У этого памятника в Алексеевке похоронены двенадцать неизвестных советских воинов.

Фото автора.

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото М. САВИНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Вообще-то интересовала меня судьба современной крестьянки: каковы ее нынешние заботы и интересы. Но разговор повернулся иначе.

— Было время, когда успехи в сельском хозяйстве объясняли благоприятным стечением обстоятельств, а неудачи — ливнями, засухой и прочим. А я уверен, что все зависит от умения считать, планировать. Сейчас уровень развития сельского хозяйства высок и, если так можно выразиться, индустриален, а потому необходимо планирование и на много лет вперед и на каждый день. Тут надо предусмотреть по мере возможности все случайности, дабы вовремя ввести в действие резервы.

Пока Ронжин искал папки с расчетами, документами, подтверждающими эту его мысль, я все думал, как бы вернуться к интересующей меня теме. Но прежде надо сказать, что разговор этот шел в колхозе «Искра», который в Кировской области, и что Андрей Миронович Ронжин — председатель этого колхоза, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР. В 1954 году по призыву партии А. М. Ронжин — один из тридцатитысячников — оставил должность директора Котельничского деревообрабатывающего комбината. Не все из тех, что пришли помогать деревне, прижились в колхозах. Но Андрей Миронович перенес все: и уменьшение зарплаты сразу в четыре раза, и угрозы сельских «калымщиков», которых пришлось основательно поприжать, и бесчисленные нагоняи в разных инстанциях.

Какие заботы и интересы были у женщин в то время, когда Ронжин стал председателем, догадаться нетрудно. В хозяйстве — двести тощих коровенок и семьдесят поджарых свиноматок. Село не электрифицировано, механизации нет, пахали на лошадях, а жали серпами. О клубе, яслях, больнице не было и речи. В колхозе не имели представления о таких профессиях, как слесарь, токарь, электрик или водопроводчик. Люди полагались не на доходы в колхозе, а на приусадебный участок...

— Давайте считать,— продолжал А. М. Ронжин.

— Нельзя ли сначала о долюшке женской? — настаивал я.

— Всякая долюшка, мужская ли, женская ли, в конечном итоге строится на экономике,— отрезал председатель, и я капитулировал.

— Хозяйство наше большое, разбросанное. С чего мы начали? Со специализации. В одном селе собрали все свинофермы, в двух других — мясо-молочные фермы и так далее. Я за узкую специализацию, но в рамках многоотраслевого хозяйства. Концентрация поголовья на двух-трех фермах и специализация участков позволили целиком перейти на электродойку, полностью механизировать уборку помещений, приготовление и подвоз кормов и многое, многое другое.

Нетрудно представить, как изменился когда-то тяжелый труд доярки: не надо таскать ведра с кормом, выгребать лопатами навоз, до мучительной ломоты в суставах раздаивать коров. Труд стал не только легче, но и, если хотите, интеллигентнее. Техника в коровниках настолько мощная, что без специальных знаний к ней не подступишься. Вот и пришлось дояркам садиться за учебники по механике и электротехнике. Средний заработок животноводов — около 150 рублей в месяц. Это, как говорится, на круг по всему колхозу, а наиболее опытные свинарки получают порой по 400—500 рублей.

Так, наконец, сугубо экономический разговор перешел на ту тему, ради которой я и приехал в «Искру». Все это, конечно же, имело самое прямое отношение к долюшке женской.

О заботах и интересах современной крестьянки могут вполне объективно рассказывать не только цифры. Даже внешний облик села о многом может поведать. Судите сами. Вот прекрасная школа-интернат — не волнуйтесь, матери: о ваших детях заботятся опытные учителя и воспитатели. На крутом берегу Вятки 60-метровый лыжный трамплин, построенный колхозными спортсменами. А совсем недавно в «Искре» организована специализированная детская спортивная школа — пусть ребята занимаются спортом.

А чем занято свободное время взрослых? Подойдите к Дому культуры, и многое станет ясным. На щите — объявление о приеме в русский народный хор, танцевальный коллектив, драмкружок и даже в любительскую киностудию. Рядом — афиша: концерт симфонического оркестра Горьковской филармонии. В программе — Чайковский, Глазунов, Хачатурян...

Напротив клуба — прекрасно оборудованный детский сад. По соседству — колхозная столовая. Чуть дальше — баня. Неподалеку мебельный магазин. Это уже, как говорится, «к вопросу о быте».

«Каждому колхознику — квартиру» — такой лозунг висит в кабинете колхозного архитектора Василия Червоткина. Есть и такая должность в «Искре». Год назад был утвержден генеральный план застройки центральной усадьбы в деревне Спицыно.

— Понимаете, какая история,— говорил Василий, когда мы шагали по территории будущей теплицы.— Наш колхоз так разбросан, что с архитектурной точки зрения это просто катастрофа. Вы только представьте: сто деревень, раскиданных в радиусе 15—20 километров. Правда, все они имеют свои центры притяжения — наиболее крупные села Спицыно, Зайцево и Кардаково. Подумали мы, подумали и решили: надо благоустраивать эти крупные села, мелкие же деревеньки постепенно ликвидировать, а людей переселять в новые колхозные дома со всеми удобствами. Сейчас в колхозных домах, в том числе многоквартирных, живет 350 семей, а будет тысяча. Между прочим, норма жилой площади на одного человека у нас двенадцать квадратных метров — выше, чем в городе. Квартиры двух- и трехкомнатные, с паровым отоплением, водопроводом, газом и ванной.

Появление новых домов в деревне вызвало у колхозников оживленный обмен мнениями. Какими они должны быть, эти дома? Одни — за каменные, в три этажа, многоквартирные дома, другие считают, что не очень-то учтена тут специфика сельского быта, запросы женщин. Не получится ли так, что, давая крестьянину городские удобства, его напрочь отрывают от земли, приусадебного участка, лишают возможности по издревле заведенной привычке собирать свежие огурцы и помидоры со своей грядки?

Понимает это и колхозный архитектор, с которым мы вновь ведем разговор на тему, волнующую крестьян.

— Да мы и не собираемся превращать всех наших колхозников в горожан, живущих на селе,— отвечает Василий Червоткин.— Понимаем, что нельзя же вот так, сплеча менять крестьянский уклад жизни. Хоть и есть у нас свой кирпичный завод, дома будем строить не только каменные. Наш главный заказчик — женщина: что бы там ни говорили, а дом на ее плечах. Поэтому мы обязаны строить так, чтобы удобно было прежде всего хозяйке. А немало наших заказчиц хотят жить в деревянных домах. Все-таки наш край деревянный, вятичи всегда любили и понимали дерево... Одним словом, пришлось мне засесть за чертежи и разработать еще один тип крестьянского дома — деревянного вятского дома со всеми удобствами.

Вначале женщины были несколько удивлены, когда к ним приходил колхозный архитектор и спрашивал: какого размера удобней кухня, какую лучше поставить плиту — газовую или электрическую, сколько сделать стенных шкафов, нужна ли кладовая и какая? А потом вошли во вкус и дрались с архитектором за наиболее рациональное использование каждого метра жилой площади.

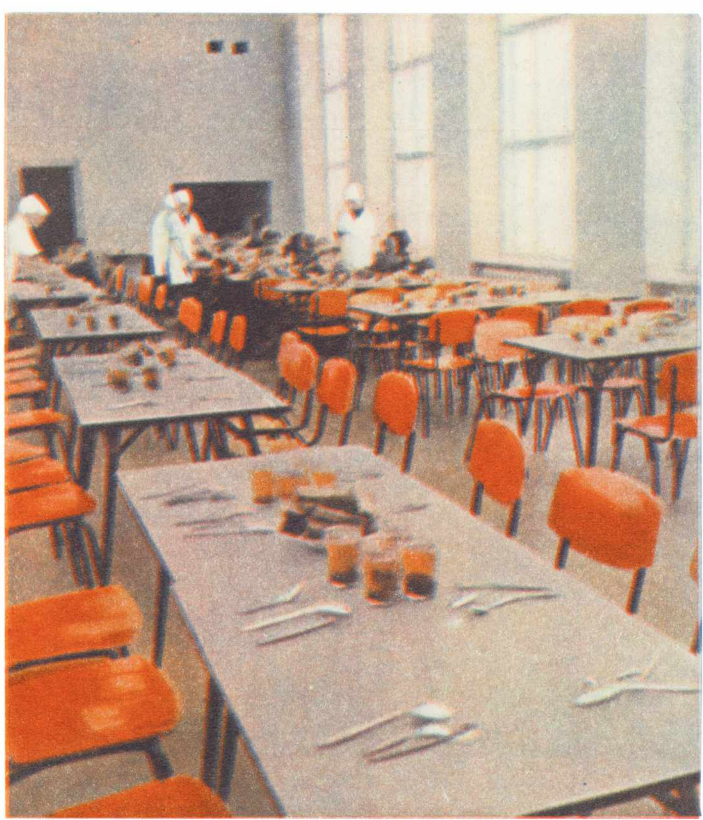
— В принципе это обычный двухквартирный дом,— рассказывал В. Червоткин.— Квартиры двухкомнатные, с водопроводом, ванной, санузлом, кухней с газовой плитой. Кроме того, в подвальной части — овощехранилище и калориферная печь. Само собой разумеется, около дома предусмотрен небольшой приусадебный участок. Когда речь зашла об интерьерах, о внешнем облике дома, все сошлись на том, что лучше вятского дома ничего не может быть. Но это не значит, что нужно отказываться от каменных.

Мы обязаны учитывать многообразие требований сельских жителей к новому дому.

...А теперь я снова вернусь к тому, с чего начиналось мое знакомство с колхозом,— к экономике. Бесспорно, всякая долюшка, в том числе и женская, строится на экономике. 2 миллиона 251 тысячу составили доходы «Искры» в прошлом году, и большую часть этих денег заработали женщины — свинарки, доярки и полеводы. А этот доход оборачивается для них новыми домами, детскими садами, школами, клубами и, самое главное, новой жизнью и новым бытом.

Учительница Нина Коряковцева, солистка колхозного хора.

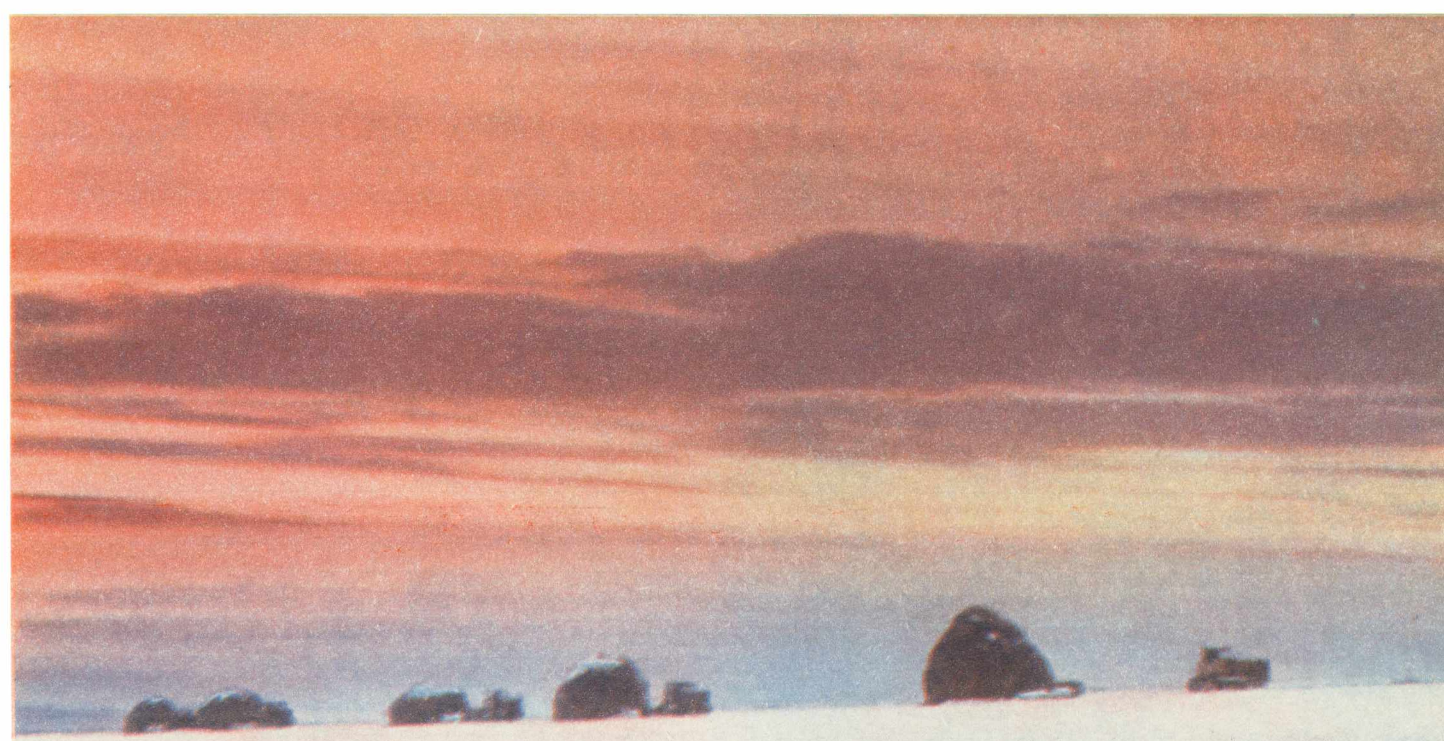

Школьная столовая.

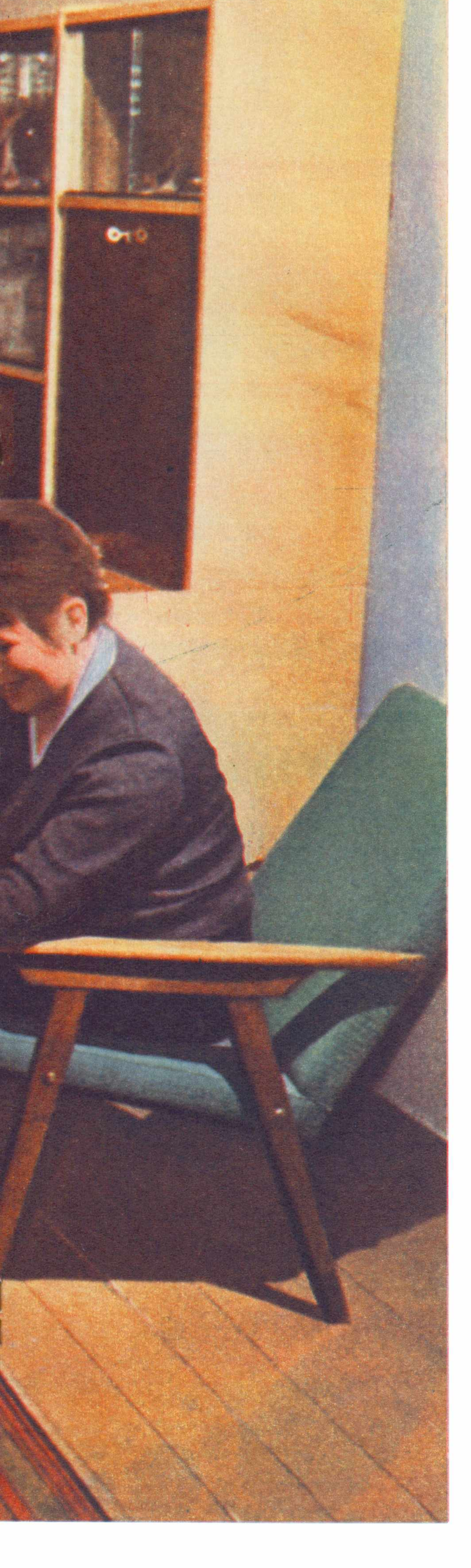
В мастерской художника Николая Павловича Борцова.
(На снимке справа.)

Перевозка стогов сена к фермам.

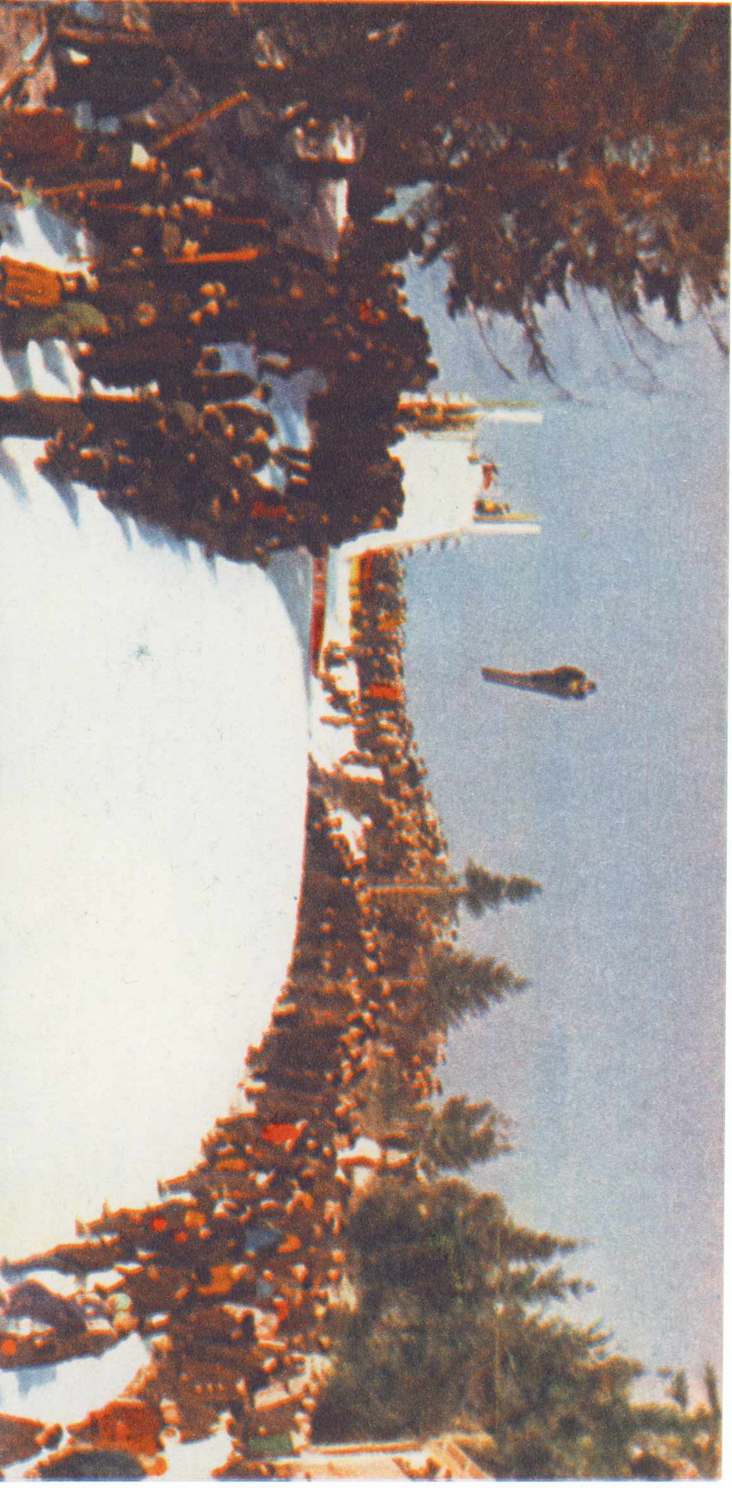
В квартире экономиста колхоза Ивана Ивановича Аверина. Его жена Валентина, сын Валерик, дочь Света.

Архитекторы колхоза Василий Червоткин и Майя Зайцева.

Болельщики следят за ходом соревнований.

Идут межобластные соревнования по прыжкам с трамплина. А трамплин — свой, колхозный.

В «Искре» есть своя киностудия. Оператор Капитолина Евсеева за работой.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

В СВЕТЕ ГУСТОЙ СИНЕВЫ

ДЕНЬ ПОЭЗИИ НА ПОЛЯНЕ МИХАЙЛОВСКОГО

Когда б Он на поляне стал,
заполненной сегодня нами,
Он бы ни слова не сказал,
умеющий владеть словами,

а засмеялся в первый миг.
Светло метнувшись, эхо смолкло,
потом кудрявою поник
и затуманился надолго,

пошел бы к озеру один
в неясной нам пока надежде
послушать шепоты осин,
шумящих ныне, как и прежде,

и долетали бы к нему
обрывки наших слов и песен,
и шли бы мы по одному
взглянуть, как лик его чудесен.

ТЕНЬ

Любови Джалаловне Гейченко.

Мне там писать стихи негоже,
где даже тень Его, как свет,
где даже дерево похоже
на звонких слов реальный след.

Я помолчу. Я видеть буду,
как утки плавают в пруду,
как моет женщина посуду
у экскурсантов на виду,

как ты идешь, копя тревогу,
как ищешь ландыши в траве,
и молча выйду на дорогу
и затеряюсь в синеве,

чтоб у Октябрьского вокзала,
внезапно вспомня этот день,
и сердце глухо застучало
и на асфальт упала тень

не та, кудрявая, а эта
простоволосая, твоя,
и в миг один лучами света
засеребрилась толчея,

и медленно возникло слово
мое, особенное, то,
что будто бы ничуть не ново,
да не сказал еще никто.

РОЩА

Береза споткнулась случайно
и выросла, бедная, вкось.
А солнце сегодня печально:
какое-то горе, небось.

Дуб, чем-то неясно похожий
на доброго в гневе отца,
должно быть, почувствовал кожей
тревогу людского лица.

И взгляд мой, исполненный боли,
застыл на высокой сосне.
Я знаю о жизни не боле,
чем знает она обо мне.

Простите, родные деревья,
простите и вы, соловьи,
мы вам приносили издревле
извечные беды свои,

не слыша, как вы отвечали
на чистом наречье своем,
не ведая вашей печали,
достойно поросшей быльем.

ВБЛИЗИ

Каждый день не пустой.
Одного не забудь:
к солнцу близко не стой,
с богом рядом не будь.

Зачем подошла,
загляделась до слез,
вот и душу сожгла —
ветер пепел разнес.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Дождь лучезарно и певуче
коснулся нашего угла.
За горизонт скатилась туча,
и белка вышла из дупла.
Грибами после сенокоса
запахло в воздухе тепло,
и все, что молодо и босо,
по синим лужицам пошло.

На острове дождя и дуба,
густой березовой листвы
я подставляла ветру губы,
я говорила солнцу:
— Вы!
В траве алела земляника,
в чащобу иволга звала,
и жизни скомканная книга
на полуслове замерла.

ЗИМОЙ

Жизнь усмехается и плачет,
с утра лебедкою стучит,
сорокой суетно судачит
и камнем совестно молчит.

Мы с ней в родстве или соседстве
вдвоем стоим на ветерке?
Я понимала только в детстве,
как с нею быть накоротке,

теперь не то чтоб отдалённа,
а вся загадочна она
и позволяет лишь влюбленно
бродить от утра дотемна

по городам своим и селам,
искать, что мне не суждено,
и петь о летнем и веселом,
когда зима глядит в окно.

ВДВОЕМ

Мы живем с тобою на горе
в голубом отчетливом дому,
торопясь, уходим на заре,
не даем отчета никому,

зачерпнем в ладони дикий мед,
в стылом искупаемся ключе,
птица, пролетая, прочеркнет
тоненькую метку на плече.

В перелесках ягодно-грибных,
где вольготно травы приминать,
самых посторонних и чужих
почему-то станем вспоминать.

СОН

Я тебе снилась однажды
в самом расцвете весны.
Это случается с каждым:
мы не в ответе за сны.

Часто приснится такое,
не разгадать — хоть умри!
Нынче за мною толпою
с криком брели фонари;

чьи-то топча огороды,
я убегала в зарю.
Все это шутки природы,
я о другом говорю:

я тебе снилась. Спасибо,
знать, тосковал обо мне.
Мы наяву не могли бы
так говорить, как во сне,

вечно б стояли меж нами
совести злые права,
а не повитые снами
правды скупые слова.

Я тебе снилась, наверно,
в свете густой синевы
смутно, счастливо, неверно,
как не бывает, увы.

БУДЕТ СОЛНЦЕ

РЕПОРТЕРСКИЕ ТРОПЫ

Живут люди у самого синего моря. Впрочем, по нынешней поре вернее сказать — у самого белого моря. Дерзкий строитель-мороз однажды ночью накрыл гигантским мостом изо льда сразу все море, а утром старательно выбелил его снегом. По твердой ледяной равнине смело ходят люди, машины, тракторы. А люди, о которых разговор, ежедневно проверяют крепость этого моста, измеряют его толщину и температуру воды на разных глубинах, наблюдают, как растет или тает лед. Потом собирают воедино свои наблюдения и данные приборов, изучают их, сопоставляют и сообщают горожанам, какая погода ждет их в ближайшее время, а работникам гидростанции даже могут посоветовать, как лучше использовать ее мощность. Как видите, дела, которыми занимаются сотрудники Обской гидрометеорологической обсерватории, очень важны и нужны людям.

Об этом рассказывал мне начальник обсерватории Михаил Яковлевич Кунявский, а позже — девушки-гидрологи Люба Винникова и Таня Лазарева, которые работают здесь не первый год. По льду Обского моря мы держим путь на вездеходе к островку Лысая гора. Дороги, в привычном понимании этого слова, никакой. Кати, куда хочешь. Но Коля Згонный, наш водитель, уверенно держит курс по одному ему известным приметам, поскольку вокруг глазу зацепиться не за что — никаких ориентиров. Только редкими островками темнеют фигуры рыбаков, склонившись ко льду. Владения обсерватории довольно обширны, в них целиком уместится Дания и еще место свободное останется. Одна лишь акватория водохранилища, простите, моря, заняла бы четвертую часть этого государства. Поэтому наш Коля снабжен рацией и в критический момент может превратиться в радиста и связаться с любой из метеостанций, разбросанных по побережью и островам, или с обсерваторией...

Наконец объехали все метеопосты, записали данные измерений в журнал. Снова — вперед. Снова вокруг только гул мотора и шорох ледяного моста. Замечаю впереди редкий кустарник, несколько берез и игрушечный домик. Слева от него — площадка с метеоприборами и мачта. Догадываюсь — остров Лысая гора. Впрочем, от горы осталось только название, и летом островок, вероятно, едва возвышается над водой. Нас встречает техник Лида Пермякова, она же радист, она же оператор. Еще один разговор о важности метеорологической службы, в которую я уже поверил. Но в последний момент все-таки не удержался и устроил маленький экзамен. Перед отъездом спросил Лиду:

— Какая будет погода завтра?

— Будет солнце,— ответила она.

Так оно и было.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»

Фото автора.

На снимках: водитель вездехода метеорологов Коля Згонный и техник Лида Пермякова, она же радист, она же оператор...

Рубины Анны Павловны

Дегустация. В центре — А. П. Иванникова.

Знакомство вышло неофициальным, но торжественным. Главный кулинар Москвы С. И. Протопопов подвел меня к накрытому накрахмаленной скатертью длинному столу, вдоль которого пестрели, как цветочные клумбы, блюда с паштетами, заливными, кивнул на скромную тарелочку и сказал:

— Знакомьтесь: желе «Рубин». Из свеклы и лимона. Цена 8 копеек. Автор — Анна Павловна Иванникова. На счету у нее двадцать пять новых блюд. На конкурс представлены последние три. К ней, между прочим, в столовую «Динамо» вся Москва ездит.

...В восточном зале ресторана «Россия» шел второй, последний тур московского конкурса на новое фирменное блюдо. Сюда пробились только самые лучшие из двадцатитысячной армии столичных поваров. Мастера, академики от кулинарии!

...Играл джаз. Официанты с полными подносами внезапно появлялись снизу, из кухонь, как маги. А за столами, сидя в голубых креслах, обедали москвичи, приглашенные на дегустацию. Мой сосед по столу, строитель, сказал: «В столовке невкусно, в ресторане дорого. Чего таить-то! А здесь сегодня и дешево и аппетитно». И записал в листок отзыва одну лишь фразу: «О, если б навеки так было...»

На дегустацию в столовую завода «Динамо» меня никто не приглашал. Но я решила съездить туда пообедать и заодно узнать, как кормят рабочего человека в короткий заводской перерыв. Вне конкурса...

Здание фабрики-заготовочной № 5 и цехи завода «Динамо» своими окнами смотрят друг на друга. Перейдешь улочку — и за стол. Под крышей огромной фабрики расположились две столовых, кафе, цехи полуфабрикатов, магазин «Кулинария». Вместе с рабочими я поднялась наверх, в диетический зал.

Меню было длинным и выразительным. Я насчитала девять холодных закусок, просмотрела перечень супов. Что же выбрать из десяти вторых — жареную баранину или оладьи из печени? Четырнадцать сладких блюд с дрожжевым напитком «Розовый» ценою в три копейки поставили меня в тупик. Я выбрала знакомое желе из свеклы и лимона.

В конце меню стояла подпись: заведующая производством Иванникова.

— У вас так всегда? — спросила я соседа по столу, принимаясь за огненный борщ.

— Ежедневно. Много лет подряд. С тех пор, как Анна Павловна здесь. Пообедаешь, будто полбарана съел — сытно, здорово. Я сам эту столовую строил в тридцатых годах. Мальчишкой был, слесарем, комсомольцем. Кирпичи подносил, белил вот этот потолок. На субботники весь завод являлся. На «Динамо» столовую считают своим цехом. И спрашивают с поваров, как с рабочего класса. На заводе как? Сделал деталь — сдал в ОТК. А у столовой весь народ ОТК. Фамилия моя, для ясности, Нефедов, старший инженер-технолог инструментального цеха.

— Здесь очень чуткий шеф,— вступил в разговор другой мой сосед, Алексей Николаевич Оводов.— Я динамовец, пенсионер, человек одинокий. В ящик предложений бросил как-то записку. Три слова: «Чай, чай, чай...» На следующий день в меню появился чай...

И вот я стою на кухне, у плиты с большими котлами, в которых дымятся разноцветные супы, и разговариваю с Анной Павловной Иванниковой.

— Некоторые мои коллеги стесняются сказать: «работаю поваром»,— улыбается она.— Не понимаю этого. Лучше, по-моему, в жизни труда не бывает... Позвали нас недавно в завком, сказали: «Вкусно, чисто. Ни одной жалобы. Спасибо от рабочего класса...» Разве это не радость? У меня сын кулинар, Плехановку окончил. Внучка подрастает, может, тоже повором станет.

Анна Павловна не похожа на традиционного повара из фильмов и спектаклей. Она сосредоточенна, спокойна и напоминает больше учительницу или врача.

Мы садимся за ее письменный стол, который стоит не в кабинете, а здесь же в цехе. Отсюда видно все производство, где работают прекрасные повара — воспитанники Иванниковой. Их, правда, у нее регулярно забирают в другие столовые города. А Анну Павловну утешают: «Вы кузница кадров».

Вот работает Лида Маркина — повар по призванию: ушла с электростанции, потому что мечтала стать кулинаром. Сейчас Лида оканчивает техникум общественного питания.

В облаках пара хлопочут Мария Андреевна Тузова, Лидия Максимовна Стефко, в войну варившая обед солдатам в походных кухнях. У нее звание «Лучший повар Москвы». Первая премия конкурса.

— В столовую я пришла девочкой,— продолжает Иванникова,— посуду мыть. Отца убили на гражданской войне. Директор столовой, заметив мою склонность, послал на курсы, там я на повара выучилась. В войну вступила в партию... Жизнь сложилась трудно: овдовела, осталась с двумя детьми. И, представьте, встретился хороший человек. Люди ему говорили: чего с детьми берешь, мало тебе невест? А он решился, позвал друзей на свадьбу. Я угощение приготовила. Повар ведь, а волновалась. Только вышло все хорошо...

Иванникова рассказывает о своей работе:

— Вхожу на рассвете в кухню, здороваюсь и сразу всех вижу. Ведь знаю-то каждую: что за муж у нее, здоров ли ребенок, как свекровь относится, что с учебой. Вижу, грустит. Отведу в сторону, подумаем вместе, выберем курс... Человек успокаивается, к плите подходит с хорошим настроением. У нас в бригаде шесть пенсионерочек, на вес золота их опыт, бережем, не отпускаем... Видите ли, шеф не только пробу снимает, ищет, как подправить блюдо: посолить, томата добавить, допечь... Тонкий вкус, конечно, повару нужен, как музыканту слух. Но важно и другое — шеф-повар должен воспитать человека. Хорошего, честного труженика.

Валентина Семеновна Твилдиани, новая заведующая производством столовой завода имени Владимира Ильича, набросив на плечи белый халат, подходит к Иванниковой знакомиться.

Чуть больше полугода назад Твилдиани пришла в столовую, которую весь завод ругал. Энергия и принципиальность Валентины Семеновны круто изменили дело. И вот она приехала к Анне Павловне, чтобы познакомиться с ее кухней. Они идут по цехам, разговаривают:

ТВИЛДИАНИ. Какой машиной морковь шинкуете, Анна Павловна? Тонко... Дайте диск хоть на воскресенье, сделаем и себе та-

кой... У вас молодежи много. На воспитание годы уйдут.

ИВАННИКОВА. Уйдут... А сколько хороших столовых появится! И каждый скажет о них: «Наш дешевый ресторан»...

ТВИЛДИАНИ. Вашу-то столовую уже и сейчас так называют.

ИВАННИКОВА. И у вас так будет...

* * *

Погашены плиты. Опустел обеденный зал. Из темной кухни уходят дежурные повара. Мы с Анной Павловной спускаемся этажом ниже, где идут занятия «Школы мастерства» для заведующих производством столовых Пролетарского района города Москвы. Иванникову обступают ее бывшие воспитанницы: инженер-технолог Г. С. Тарабаничева, К. И. Архипова, М. А. Саргина. Но сейчас мастер-повар Иванникова сама ученица. Старейший кулинар семидесятипятилетний Александр Афанасьевич Машихин, гроссмейстер кухни, проработавший в ней почти шестьдесят лет, консультирует мастеров. Знакомит с тонкостями русской, французской и даже турецкой кухни.

На Александре Афанасьевиче высокий хрупкий, накрахмаленный колпак. На столе разложен набор инструментов: плоские кисти, причудливые формочки, огромная игла. Повар-художник не только готовит, но и пишет, лепит, шьет.

...Раскрыты тетради учеников с записями: «рыба заливная банкетная», «галантир», «жареная птица»... Сегодня тема — «паштеты».

На металлический стол ученики выставляют сделанный ими румяный теремок из слоеного теста, в котором запечен паштет, потом появляются паштет заливной, паштет в шпике.

— А если сделать паштет без сала, горячий, для больных?—спрашивает Иванникова учителя.— Как такую загадку решить?

— Загадок тут нет, и секретов тоже, одна только любовь,—улыбается Машихин.— И будет вкусно.

Анна Павловна пробует паштет, задумывается, потом делает пометки в тетради. Рождается новый, очередной «Рубин»...

Приезжайте попробовать: Ленинская слобода, 17.

Наталия САРАФАНОВА

Трижды кланяюсь...

Нина САНИЦКАЯ

Нет, я не слабая, не набожная,
себя мольбами не кормлю.
Но здесь, на Москворецкой набережной,
я трижды кланяюсь Кремлю.
Здесь башни, родом роду суженые,
хранят величие цариц.
До черточек до черных сужены
зрачки бездонные бойниц.

И я, притихшая, ступенями
схожу к задумчивой реке.
Так в древнем-древнем далеке
сходила женщина степенная
и трижды, с преданностью набожной,
гибка, что ива на корню,
здесь, на поросшей лесом набережной,
крестилась, кланяясь Кремлю.

Не поросла она быльем,
тропинка та с крутого берега.
И мнится: словно гуси белые,
в реке полощется белье.
От женских рук волны скольжение,
камыш прибрежный накреня,
дробит литое отражение
деревьев, берега, Кремля.
Зарей вечернею окрашена —
чуть успокоится вода,—
там, в глубине, на шпиле башенном
теперь засветится звезда.

Моя тропа — длиной до полюса...
И ныне, с думой о былом,
я трижды кланяюсь до пояса
той древней женщине с бельем.
И, отстраня завесу времени,
ей говорю: — Века — не в счет.
Я роду твоего и племени.
И кровь твоя во мне течет.

В гостях у Чайки

Одна из традиций Московского Художественного театра — пристальное внимание к актерской молодежи, передача молодым опыта, мастерства, этических принципов старших.

Некоторые спектакли, например, «На дне», «Синяя птица», «Три сестры», не один десяток лет с успехом идут на сцене театра. Долголетие этих постановок стало возможно потому, что в сложившиеся ансамбли своевременно вводятся новые исполнители.

За последние годы много интересных работ сделано самым юным, четвертым поколением МХАТ. Ирина Мирошниченко за три года сыграла Машу в «Чайке», Ольгу в «Трех сестрах», Асю во «Вдовце».

Сергей Десницкий с успехом исполнил сложную роль Актера в спектакле «На дне», Тузенбаха в «Трех сестрах». Молодые актеры Алексей Борзунов, Евгений Киндинов, Вс. Шиловский, Николай Пеньков, Всеволод Абдулов, Людмила Скудатина, Любовь Земляникина, Владимир Пешкин, Виктор Петров, Анатолий Семенов, Иван Власов всего несколько лет назад пришли в театр. Пришли совсем неопытными. Сейчас они играют в спектаклях вместе с ветеранами театра ведущие роли.

Одна из самых молодых актрис — Светлана Коркошко — в театре всего два года. Первая ее роль — Маша в «Кремлевских курантах». Дебют прошел удачно. Затем — Ирина в «Трех сестрах» и, наконец, Нина Заречная в «Чайке».

После премьеры на сцене МХАТ чеховской «Чайки» корреспондент «Огонька» Татьяна ЛОТИС побывала в гостях у Светланы Коркошко.

Актриса рассказала, что родилась и выросла в маленьком городе Терны— это Криворожье. Отец ее — рабочий, мама воспитывала детей: кроме Светланы, в семье росли еще три сестры. Родители считали, что главное в жизни человека — труд, и старались привить эту мысль детям. У сестер Светланы разные специальности: врач, педагог, товаровед...

Корреспондент. А как вы стали актрисой?

С. Коркошко. Ну, это произошло совсем не просто. Театра у нас в городе не было; артистов я видела только в телевизионных передачах, но, конечно, как многие девчонки, мечтала о сцене. Окончив школу, поехала поступать в театральный институт и провалилась. Вернулась домой, стала работать пионервожатой в своей же школе. Правда, мечту свою о театре не забыла. Неудача с институтом меня не очень обескуражила, напротив, я поняла, что одного желания для актрисы мало— нужна подготовка, нужен труд. Родители это мне постоянно говорили, но теперь я по-новому вникла в их слова и в тот год много работала в самодеятельности. На следующий год меня приняли в театральный институт.

По своим традициям наш институт искусств в Харькове был близок МХАТу: мы часто ставили классику; мне нравились роли сильные, характеры сложные: Офелия в «Гамлете», Федра, Клеопатра... В дипломном спектакле я играла мамать Раскольникова из «Преступления и наказания».

Корреспондент. Расскажите о первой самостоятельной работе.

С. Коркошко. Как только сдала экзамены, меня пригласили сниматься в кино; студия Довженко работала в Севастополе над фильмом «Гибель эскадры». Мне предложили роль Оксаны. Конечно, я еще мало что умела тогда... Главным для себя считаю встречу с Борисом Николаевичем Ливановым. Теперешний мой режиссер снимался в фильме; вот тогда-то я впервые почувствовала, как много в актерском творчестве зависит от партнера! Ощущение редкостной правды, реальности, естественности героя не позволяло и мне фальшивить; лучшие мои сцены в фильме — с ним.

Потом меня приняли в украинский театр имени Ивана Франко; в спектакле «Антигона» я сыграла главную роль. О киевской премьере много писали, но, по сути, для меня это снова был экзамен: первая серьезная работа на сцене! Я сама увидела, что до этого владела всего лишь полученным в институте комплексом актерских приемов. Теперь режиссер раскрыл передо мной глубины актерского мастерства, и я буквально «заболела» образом Антигоны. Я старалась все время «быть» Антигоной, думала о том, как она действовала бы в том или ином случае; наблюдала за окружающими с единственной целью: найти в них что-то общее с чертами Антигоны... Спектакль удался, и, когда привезли в 1966 году «Антигону» в Москву, меня пригласили в МХАТ. «Антигона» принесла мне счастье!.. Об этой роли я всегда вспоминаю как о самой дорогой для меня и мечтаю сыграть Антигону на русской сцене.

Корреспондент. С какими трудностями пришлось вам столкнуться на первых порах в МХАТе? С чего началась работа?

С. Коркошко. Дома у нас, и в школе, и в институте говорили поукраински, но моя сестра преподает русский язык, она с самого детства много занималась со мной. Однако для МХАТа этих уроков оказалось недостаточно, и все началось с упорных и длительных систематических занятий языком. Я целыми часами работала с магнитофоном. Конечно, мне было страшно, и я в те дни не очень верила в себя: так, наверное, всегда бывает, когда предстоит нелегкое испытание... Но по мере того, как все больше совершенствовалось произношение и накапливался словарь, страх проходил. Хотя я не могу даже выразить, какое волнение пережила, когда мне вдруг сказали, что буду играть Ирину в «Трех сестрах». До этого я считала, что чеховские герои — святыня, относилась к ним с благоговением, а играть — и не мечтала!.. Я не могла себе представить, что роль Ирины у меня получится...

«Три сестры» ставил режиссер Раевский. У него необычная, своеобразная манера работы с актерами. Когда идет репетиция, каждый артист говорит свой текст. Режиссер в это время никого не прерывает: актеры делают то, что им представляется верным. Сцена окончена. Тогда Раевский спокойно, будто размышляя, говорит: «Вот эту реплику, Света, ты сказала совсем как чеховская Ирина!..» Тут начинаешь думать: почему же так получилось?.. Происходит какая-то невидимая, внутренняя, подсознательная работа, и ты снова пробуешь, фантазируешь уже смелее. На следующий раз таких реплик становится две-три и с каждой репетицией—все больше. «Разгадка» в том, что режиссер пробуждает творческую фантазию актера, «подсказывает» незаметно для тебя самой!.. «Три сестры» идут уже больше года. Но Раевский до сих пор бывает на спектаклях и смотрит, как мы играем; иногда делает замечания. Такое отношение к искусству — одна из прекрасных традиций МХАТ. И еще, уж если зашел разговор о традициях нашего театра, то очень хочется подчеркнуть доброжелательное, дружеское отношение коллектива к молодежи.

Корреспондент. К «Чайке» вы пришли, уже имея «чеховский» опыт. Поэтому вам, наверное, было легче и интереснее играть Нину Заречную?

С. Коркошко. Без Ирины я не справилась бы с ролью Нины Заречной. Роль Заречной вообще одна из труднейших во всей русской, а может быть, и мировой драматургии. А в «Чайке» мне посчастливилось работать вместе с такими замечательными актерами, как А. И. Степанова, Е. Н. Ханаева, М. П. Болдуман, О. А. Стриженов... Все они очень помогали мне! Конечно, без таких партнеров и режиссера я никогда не справилась бы с ролью. И, конечно, я боялась... Было трудно то, что Нина совсем иная, чем Ирина. Та моя героиня все время находится на сцене, она живет перед зрителем и меняется постепенно, ее характер дается в развитии. А Нина Заречная имеет в своем распоряжении небольшое сценическое время, несмотря на то, что между третьим и четвертым актами успевает прожить два года — время для нее глубоко трагическое и сложное: она стала актрисой, у нее родился, а потом умер ребенок... В одной пьесе как бы две разные роли: сначала влюбленная, наивная девочка, а потом совершенно другой человек — зрелая, более того, необыкновенная, много перестрадавшая и вынесшая женщина. И в том и в другом качестве актрисе, играющей Чайку, надо быть убедительной; надо, чтобы зритель оба раза поверил героине. Это трудно.

Когда Борис Николаевич Ливанов предложил мне роль Нины, я удивилась и растерялась, пожалуй, еще больше, чем когда получила роль Ирины. Ну, а потом стала собираться с духом, думать о роли... Я стараюсь показать огромную любовь этой прекрасной женщины, Чайки, не только к театру, но и к человеку, не просто влюбленность Нины в Тригорина, не увлеченность им, но любовь высокую, чувство, которое проносят через всю жизнь. Нина страдает, но не отказывается от любви. И любовь не гасит в ней личность, а, наоборот, поднимает ее, закаляет. Нина стала сильней, крепче, хотя жизнь повернулась к ней, может быть, самой страшной своей стороной! В ней я больше всего люблю то, что она не сдалась.

Корреспондент. А что вы считаете основным в образе Чайки?

С. Коркошко. Жажда творчества оборачивается у Нины Заречной жаждой жизни, а жизнь питает ее творческую душу. Самое несчастье становится ее силой — так талантлива и незаурядна Нина. Тригорин никак не способен дотянуться до нее, и мне кажется, что он просто испугался любви Чайки. Поэтому-то и Аркадина ему ближе: человеку, потратившему свою жизнь на мелочи, тяжело видеть рядом с собой истинный, высокий талант. Я хочу, чтобы зрители не «сочувствовали» моей героине, а любили и ценили ее. Ничего в жизни ей не дается легко, но она и дальше не уступит. Слова Нины: «нести свой крест»—я понимаю не как фразу неудачницы, а как долг жизни Чайки — бороться и выстоять.

Корреспондент. Расскажите, пожалуйста, о работе над ролью.

С. Коркошко. Я очень увлеклась! Роль Нины рождает большие мысли и чувства. Монолог из пьесы Треплева мне пришелся по душе уже при первом чтении... Чехов заставляет Нину читать его дважды, и я не верю, что это случайность: «Материя и дух сольются в гармонии прекрасной». Ведь это синтез прекрасного, мечта человека о совершенстве.

В «Чайке» я снова встретилась с Борисом Николаевичем Ливановым — как режиссером. Новая удача для меня!.. Спектакль мы репетировали всего два месяца: Борис Николаевич заразил нас своим энтузиазмом, да так, что мы часто забывали даже пообедать. На каждой репетиции Ливанов всегда работал в полную силу: он просто не может иначе. Часто он показывал, как сам сыграл бы ту или иную роль. Мне кажется, у него великолепно получились бы не только Треплев, Тригорин, Шамраев, но даже женские роли — Аркадина, Заречная... С Борисом Николаевичем интересно и легко работать; мы любим его и как большого мастера и как умного, необычайно простого, непосредственного человека. Если у актера роль получается хорошо, Ливанов радуется, будто сам сыграл!

Режиссер сумел передать мне свое «видение» Нины. Правда, иногда моя Нина пробовала обойтись одним обаянием; вот тут-то Борис Николаевич останавливал и поправлял меня. Он считает, что Нина прежде всего талантлива. Несмотря на молодость и наивность героини, талант пробивается во всех ее рассуждениях и поступках; поэтому он всюду добивался серьезности и глубины.

Корреспондент. В последнее время вы снимались в кино, сыграли Катерину Ивановну в «Братьях Карамазовых». Что же вас больше привлекает: кино или театр?

С. Коркошко. Я и сейчас снимаюсь в «Почтовом романе». Это фильм о русском герое, революционере Петре Шмидте. Но люблю театр больше. Преимущество театра перед кино в том, что актер от спектакля к спектаклю может совершенствоваться в роли. В те дни, когда спектакль не играется, я все равно думаю о Нине Заречной. И чувствую каждый раз, что Чайка у меня немного иная, новая; и роль продолжает расти. В кино это невозможно.

Корреспондент. Не скажете ли, чем вам, человеку современному, близок Чехов?

С. Коркошко. Мне близок Чехов, как никто из современников! Близок своим глубинным смыслом. Он дает жизнь как бы в разрезе мечты и действительности. Он видит людей, какими они могут быть и какие они есть на самом деле. И, наверное, ни у кого больше нет такой тоски по лучшей жизни. А проблема лучшей жизни и сегодня столь же злободневна, как во времена Чехова. Я думаю, пока существуют люди, они всегда будут мечтать о прекрасном.

Корреспондент. Теперь вы чувствуете себя уже опытной актрисой?

С. Коркошко. О, нет... К каждой новой роли подходишь как ученик, стараешься как только можешь и каждый раз со страхом ждешь результата. Ведь я и в «Чайке» после первого спектакля думала, что провалилась. А с каждой новой работой возникают все новые трудности: такой театр, как Художественный, такие великолепные партнеры по сцене — все это особенно обязывает!.. Я очень полюбила коллектив театра. Меня выбрали секретарем комсомольской организации творческого цеха, поэтому мне приходится со многими актерами встречаться и по общественной работе.

Корреспондент. А это мешает или помогает вам?

С. Коркошко. Безусловно, помогает. Наш театр в тесной дружбе с заводом «Красный пролетарий». Недавно мы встречались в Колонном зале с машиностроителями. Рабочие люди всегда хвалят театр, если есть за что, но и критикуют тоже откровенно. А хорошая, дружеская критика нам тоже нужна.

Светлана Коркошко в роли Чайки.
Фото А. Гладштейна.

ДИКТОФОН И КАНЦЕЛЯРИЯ

Директора завода в кабинете не оказалось. Секретарь искала его по цехам — набирала цифры внутреннего телефона. Через восемь минут:

— Директор в четвертом цехе...

Довелось мне как-то беседовать с представителями одного из польских внешнеторговых объединений. Они показали небольшое приспособление — в общем-то несложную систему для моментальной радиосвязи с каждым, кто находится внутри здания или на территории предприятия. Миниатюрный, чуть более телефонного аппарата, передатчик. А радиоприемник можно даже положить в карман.

Будь на заводе такая система, никто из нас — ни директор, ни его секретарь, ни я — не потерял бы рабочие минуты.

Посмотрел я польский «радиопоиск», посетовал, что у нас таких нет, и ошибся: сконструированные и сделанные специалистами отечественной радиопромышленности, они очень неплохи. Но беда в том, что они есть пока лишь на немногих предприятиях.

Процесс уплотнения времени идет непрерывно и касается не только производства, но и управленческого труда. Однако едва ли не все профессии канцелярского толка оказались обойденными механизацией. Очень невелик набор инструментария, рассчитанного специально для современного делопроизводства. Да и не только делопроизводства. Директор, управляющий, лектор, технический секретарь, наконец, журналист для наброска черновика, для скорой записи до сих пор чаще пользуются бумажным блокнотом, чем диктофоном.

Бумажный поток захлестывает учреждения, и с этим ничего не поделаешь. В каждом центральном ведомстве, по подсчетам Главного архивного управления страны, обрабатывается ежегодно не менее 700 тысяч документов. Количество бумаг будет расти и увеличиваться: это объективная закономерность и, увы, пока что тема для юмористов, хотя тут не до смеха. Если обрабатывать эти бумажные реки прежними методами, они выйдут из берегов, затопят все вокруг.

Академик В. М. Глушков заметил в одном из своих выступлений: «Многим квалифицированным специалистам, призванным решать технические задачи, приходится заниматься решением канцелярских проблем». Почему же так робко сдвигается с места эта проблема? Думается, что есть в этом некая закидательская бравада,— подумаешь, дескать, бумажка — и, как следствие, отсутствие научной организации канцелярского, делопроизводительского труда, если понимать делопроизводство как серьезную работу с документом — от его составления до сдачи на хранение. Один лишь вуз готовит специалистов делопроизводства — Московский историко-архивный институт. Конечно, этого мало. И дело продвигается очень неторопко. Живучее небрежение к оргтехнике и к канцелярской НОТ — научной организации труда — тормозит развитие различных отраслей производства. Размеры потерь неизвестны лишь потому, что их не считают. Но вот взялись за карандаш (да, за карандаш: портативные счетные машины внедряются тоже весьма медленно), и оказалось, что, скажем, автоматизация расчетов по заработной плате позволила бы только на одном из крупных минских заводов ежегодно сберегать 40 тысяч рублей.

Да что зарплата! Принятие правильных оперативных решений невозможно без полной и точной информации. Но, накапливая и систематизируя такую информацию, специалист управленческого аппарата имеет возможность оставить на свои прямые обязанности лишь около 30 процентов рабочего времени. Остальное уходит на переписку, на составление бумаг. Иными словами, менее трети дня посвящается творческому труду. Получается круг, разомкнуть который сможет только развитие и внедрение оргтехники. Этой проблемой глубоко занимаются в Главоргатехнике, но нет сомнения, что одному главку быстро решить такой вопрос просто не под силу.

Я в течение многих лет наблюдаю работу хорошо организованной, продуманной в самой малой малости канцелярии Министерства торговли РСФСР. Здесь на поиск или составление документа уходит короткое время, порой — минуты. Механизм отлажен отлично. Но и тут сейчас начинает ощущаться отсутствие канцелярских машин и приборов. Беседовал как-то с одним из специалистов по счетно-решающим системам.

— Человечество мало доверяет машинам,— заявил он.— А ведь машина в состоянии не только ускорить дело, сделать его безошибочным, она может и поучить. Рассуждения вообще машина не примет ни к накоплению, ни к сведению, ни к обработке. Ей потребен язык точный, деловой.

Речь тут идет не только о счетно-решающих аппаратах, но и о младшем подразделении, о малой оргтехнике — в том числе и о диктофоне. Записывающий аппарат необходим не только директору или начальнику канцелярии, он практически нужен медику, литератору, журналисту, страховому агенту, конструктору, инженеру, филологу, педагогу, руководителю министерства, главка, треста... И беседу записать, и распоряжения продиктовать, и сделать набросок статьи, доклада.

Нужен, конечно, не вообще диктофон, а такой аппарат, который всегда можно иметь под рукой. Сейчас готовы экземпляры переносного «электрона», настольного «дипломата». Но нет их пока в продаже. Будут ли? Когда?

Интересно работают над созданием изделий для облегчения и облагораживания канцелярского труда рижане и ленинградцы. Надо только, чтобы их работы имели деловую гласность. Одна из разработок ленинградцев — контрольная картотека для технического секретаря. Простенькая вещица, но экономит более 100 секретарских часов в год. Но кто знает об этой картотеке, где ее можно приобрести?

Понимая важность современного делопроизводства, им начали планомерно заниматься в Ростовской и Липецкой, в некоторых других областях.

Оргтехника — это и научная организация умственного труда, и создание орудий для него, и возможность более делового общения. У истоков научной организации труда в нашей стране стоял первый директор Центрального института труда, поэт А. Гастев. «Мы проводим на работе лучшую часть своей жизни. Нужно... чтобы работа была легка...» Это его слова. И далее: «Учитывать время — значит дольше жить».

Созданию и пропаганде средств оргтехники во всем должен быть создан режим наибольшего благоприятствования. Нужна, в частности, торгово-сервисная фирма, которая бы специализировалась на продаже и рекламе средств малой механизации. Оргтехника включает необычайно широкую номенклатуру изделий — от сшивателя бумаг до счетно-решающей машины. И чем скорее все это завоюет подлинное признание, тем лучше.

К. БАРЫКИН

Балкон над Парижем

Инна ГОФФ

Рассказ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Площадь у вокзала Сен-Лазар — одно из самых шумных мест в Париже. Мы живем на пятом этаже старого отеля «Лондон и Нью-Йорк». Мы занимаем угловой номер. Узкий, с железной оградкой балкон опоясывает угол дома и выходит одновременно на площадь Сен-Лазар и на Гаврскую улицу. Внизу шумит Париж. Затихает он на два часа в сутки — с четырех до шести утра.

Наш номер не блещет убранством. Кровать, покрытая истертым плюшевым пледом, пятнистое мутное трюмо над камином, и еще одно трюмо — от пола до потолка. Умывальник, отгороженный цветастой клеенчатой занавеской. Главная наша радость — балкон. Можно стоять здесь часами и слушать Париж, как слушают море. Впрочем, всякий шум утомителен. Этот балкон мог стать настоящим бедствием, если жить тут долго.

Но мы в Париже всего пять дней. Завтра мы уезжаем на север, в Нормандию и Бретань, а оттуда по Луаре, где над золотисто-лазурной водой высятся суровые замки французского средневековья. А после Шартр, скала Шартрского собора в лунном свете душной сентябрьской ночи и спящие, словно лепные, голуби на его уступах...

Это все потом. А пока Париж, этот удивительный город. Как бы много ни ждал человек от встречи с ним, Париж никогда не обманывает. Он всегда дает больше, чем ждешь.

Мы были в Париже впервые. Мы поднимались на Монмартр, мы бродили по Елисейским полям, гуляли по набережным Сены и по темноватым залам Лувра. Мы были в Доме Родена и у Инвалидов, где покоится прах Наполеона. Мы выучили любимую фразу нашего гида: «Париж — город перспектив» — и повторяли ее к месту и не к месту.

Мы отдали дань восхищения парижским улицам и, главное, пестроте парижской толпы, элегантности французских женщин и изяществу витрин.

На балкон мы выходим лишь поутру, до того как старенький, тесный лифт опускает нас в кипящий водоворот парижских улиц, и поздно вечером, когда тот же лифт, словно ртуть в термометре, ползет кверху и останавливается на пятом этаже.

Сегодня мы посетили Советскую выставку в Париже. Это входило в нашу программу — посещение нашей выставки и встреча с деятелями культуры и искусства Франции. Уже вторую неделю над павильонами у Версальских ворот реяли советские флаги, но интерес к выставке не ослабевал. Французов интересовало все: наши спутники и станки, наши песни и наши осетры. И наши моды. Да, представьте себе! Этот признанный законодатель мод, Париж буквально ломился в зал, где выступали русские манекенщицы. Фотографии наших девушек в меховых шубках и высоких сапожках, в сарафанах с русским орнаментом и спортивных костюмах не сходили со страниц газет и журналов. Манекенщиц звали по именам, были среди них свои «звезды». Одной из таких «звезд» была Анюта. Она улыбалась мне с обложки журнала «Пари матч», с круглой афишной тумбы, с рекламного щита на автобусе. Солидные газеты печатали фотоинтервью под названием: «Анюта в Париже». Все мальчишки четырнадцати лет были, если верить репортерам, без ума от Анюты. Почему мальчишки? Потому что Анюта была самой молодой из манекенщиц, ей исполнилось двадцать три года, а выглядела она лет на семнадцать.

Я прошла в павильон, где помещалась администрация выставки. Две женщины со служебными значками обсуждали домашние московские новости. Я обратилась к худощавой, деловой, с сигаретой в руке:

— Скажите, пожалуйста, как бы мне повидать наших манекенщиц?

Она выпустила колечко дыма и спросила с отчужденной любезностью:

— Что значит «ваших»?

Русская речь в Париже еще ничего не доказывает. Недаром продавец пластинок у входа на выставку советовал нам купить «Катюшу» и, когда мы уверяли его, что сами советские, шутливо грозил нам пальцем.

Отчужденно-любезный тон полоснул холодом по сердцу.

— Что значит «ваших»?

— Наших, советских!

И пока она объясняла мне, как пройти к манекенщицам, я все еще помнила ее вопрос и не прощала ей отчуждения.

До начала сеанса оставались считанные минуты. В большой комнате стояло множество зеркал, как в парикмахерской. Девушки были полуодеты, и кругом царило веселое возбуждение и суета. Кроме самих манекенщиц, здесь были те, кто помогал им одеться, и распорядители, и модельеры. Вообразите на мгновение, что девять принцесс одновременно собираются на бал. Анюта сидела перед зеркалом, спиной ко мне.

Она была уже причесана, но, видимо, не спешила одеваться: в костюмерной было очень жарко. На ней был розовый легкий халатик, едва накинутый на плечи, и она была очень похожа на ту Анюту, с обложки журнала «Пари матч». Узнает ли она меня? Ведь она не ожидает меня здесь увидеть. Там, на родине, мы видимся очень редко. Там у каждой из нас своя жизнь, свои друзья. Там мы всего только сестры, не больше.

Анюта увидела меня в зеркале. Ее брови удивленно взметнулись, она радостно вскрикнула:

— Ты здесь! Надо же! Как ты меня нашла?

Она повернулась на вертящемся стуле. Мы обнялись. Можно было подумать, что мы живем в разных странах, в постоянной тоске друг о друге и вот наконец встретились. Анюта закидала меня вопросами: когда мы приехали? Долго ли будем в Париже? Где мы остановились?..

Узнав, что на другой день мы уезжаем в Нормандию, она сказала:

— Это ужасно! Когда же мы теперь увидимся? Я свободна сегодня вечером. Если хочешь, я приеду. Ты будешь дома?..

Конечно, я буду дома. Я буду ждать ее на пятом этаже, в нашем номере с видом на Сен-Лазар.

Ее торопят. Чужой ручкой она записывает мой адрес на клочке чужого конверта. До вечера! А сейчас мы можем пройти в демонстрационный зал. Для нас в первом ряду поставят несколько стульев.

Жаркий сентябрь выдался в Париже. Тридцать два градуса в тени. Стойкий антициклон. В крытом, уходящем в темноту зале невыносимая духота. Он набит до отказа. Люди изнемогают, обмахиваются программками, платками. Детишки канючат у матерей на руках, а некоторые спят, разметавшись на родительских коленях, сморенные духотой,— как на вокзале. Вообще похоже на вокзал. На транзитный зал ожидания. И ожидание нарастает. Внезапно смолкает гул голосов, словно прервавшись на полуслове. Это на сцене появилась моя Анюта. Под звуки рояля она движется по деревянному помосту той легкой и непринужденной походкой, которая свойственна манекенщицам и дается им с большим трудом. Это несколько вкрадчивая, мягкая походка. Почти лисий шаг, почти фокстрот.

На Анюте пляжный ансамбль для молоденькой девушки. Непринужденными движениями Анюта отстегивает юбку и остается в шортиках. Она улыбается чуть застенчиво и лукаво. Да ей и не дашь больше семнадцати! Зал захлебывается в аплодисментах. Кто-то позади нас повторяет: «Шарман! Шарман!» Я смотрю на Анюту, и какое-то щемящее чувство поднимается в душе. Почему там, в Москве, мы так редко видимся? Ведь мы сестры! Наши отцы — родные братья... Сейчас, в этом зале, я остро чувствую это.

А на сцене уже Роксана. Она тоже «звез-

да» и знакома мне по рекламным щитам и фотографиям. Роксана крупная, черноволосая, синеглазая. На Роксане светлый костюм из тонкой шерсти — «для ясных дней ранней осени». Пианист играет из «Времен года» Чайковского. Зал накаляется в буквальном и переносном смысле. Восторг публики, духота. Девушки сменяют одна другую. Их всего девять, но они так неузнаваемо выглядят в новых нарядах, что начинает казаться, будто их бесконечно много... Я жду Анюту. Только ее. Вот она появляется в огненно-рыжей лисьей шубке и зеленых сапожках. Пианист играет «Вдоль по улице метелица метет, за метелицей мой миленький идет». Мелодия тонет в аплодисментах. Анюта движется, скользя, словно по льду, в своих зеленых сапожках. И на мгновение духота отступает, в зал веет холодом русской зимы, метельной и колючей. Как хочется сейчас из этого душного зала в ту колючую, вьюжную зиму, с ее поземками и курящимися сугробами! Кто-то сзади нас подпевает по-русски: «Ты постой, постой, красавица моя, дозволь наглядеться, радость, на тебя...» Я оглядываюсь. Пожилой мужчина утирает глаза. Эмигрант? Возможно. В этом зале их немало... Впрочем, русский язык в Париже еще ничего не доказывает...

У пианиста рубашка прилипла к спине. Показ мод продолжается. Я знаю, что Анюта должна появиться еще раз — в белом свадебном платье и фате, под руку с «женихом». Его роль исполняет Петя Смирнов, единственный мужчина-манекенщик в русской коллекции. Это о нем писали в газете: «Петя Смирнов, студент из Москвы, элегантен, как истинный парижанин...» О, Париж никогда не забывает напомнить о своем приоритете!..

Посмотреть на Анюту в подвенечном наряде мне не удалось: надо было уезжать, нас ждал автобус. От Версальских ворот до нашего отеля путь не близкий. Мы ехали через весь Париж, мимо тенистой улочки Мари-Роз, известной всему миру, мимо Булонского леса, где отдельные каштаны уже пожелтели, опаленные жгучим поздним солнцем. Мимо чинного квартала, где жил Бунин.

Был жаркий голубой полдень. Наш автобус двигался в потоке машин, слепило глаза от ярких вспышек солнечного света, от бесчисленных протуберанцев движущегося стекла и металла. Сидя у широкого, накаленного окна автобуса, за которым возникали и исчезали парижские улицы, улочки, бульвары и площади, я думала об Анюте. Жаль, что не пришлось увидеть ее в свадебном платье. Впрочем, я ведь не была на ее настоящей свадьбе. С ее мужем мы познакомились на дне рождения у дяди, и он понравился мне, потому что держался скромно и говорил мало. Он был среднего роста, с правильными чертами лица, которое я тут же забыла. Знаете, есть такие лица. Я сразу поняла, что, встретив его на улице, узнаю его лишь в том случае, если он будет идти под руку с Анютой. Он был переводчик. Они и познакомились на какой-то нашей выставке, кажется, в Нью-Йорке...

В Париже обедают поздно. Когда мы выходим из ресторана «Маллярд», на площади Сен-Лазар горят фонари, а над зданием вокзала движется лента электрогазеты. Кто-то, невидимый, кому известно все на свете, пишет и пишет огненные слова в темном небе. Пишет, тут же стирает и снова пишет.

Тесный лифт поднимает нас на пятый этаж. Я распахиваю дверь балкона, и электрическая газета оказывается вновь передо мной. За широкой площадью, почти на уровне моих глаз, отделяя одно сообщение от другого, пробегают оранжевые ослики, и зеленые паровозики, и красные автомобильчики. Здесь можно прочесть обо всем, узнать последние политические новости, и события дня, и сводку погоды по всей стране, и какие вина следует пить, и результат всех сыгранных за день футбольных матчей (Реймс — Монако, 3 : 1). За пять дней мы привыкли к этой мерцающей в небе газете, как привыкли к неоновой рекламе Мулен Ружа,— трем девицам, возникающим попеременно со словом «Канкан» над крышей соседнего дома. Над всей площадью то там, то тут вспыхивают в небе неоновые зарницы — бюстгальтеры, цветы, самолеты, холодильники...

Париж умеет быть всяким. В районе Сен-Лазар Париж кричит. Кричит реклама в небе. Кричит продавец лотерейных билетов на Гаврской улице, и его голос профессионально возвышается над ревом и грохотом. Кричат газетчики и агенты рекламных бюро. На развале у Галери Лафайет уже просто циркачи. Там посадят чернильное пятно на костюм и тут же выведут его, на глазах потрясенных зевак. Продавцы новинок стараются перекричать один другого:

— Вот носки! Эластик! Экстра! Держите нож! Мосье боится? Смотрите, я вонзаю нож в носок и режу его. Режу!.. И — он цел! Все видели? Покупайте носки! Эластик! Экстра!..

— Стаканы, небьющиеся стаканы, уважаемая публика! Сейчас я брошу этот стакан... Мадам не верит? О-ля-ля! Возьмите стакан, бросьте его об асфальт... Цел? Вот видите!.. Стаканы! Небьющиеся стаканы!..

Это дневной Париж. Вечером даже наш Сен-Лазар становится загадочным, праздничным в карнавальном сполохе неона. В нашем номере душно, зато здесь, на балконе, дышится легко. Я жду Анюту и смотрю вниз сквозь железную решетку балкона. Не потому, что надеюсь ее увидеть отсюда. Это невозможно. Я просто смотрю вниз на людской водоворот, именуемый Парижем. Смотрю, как все новые толпы возникают прямо из-под земли — на углу, под нами, метро — и тут же растворяются в общей толпе. Почему-то я думаю не о Марселе Марсо, с которым познакомилась сегодня на нашей выставке, и не о милой, застенчивой основательнице французского неоромана, подарившей мне свою книгу. Я думаю об Анюте, о том, как она обрадовалась, увидев меня. О том, что сейчас она спешит ко мне, моя сестра...

Мой дядя, ее отец, был тяжело ранен на фронте и не давал о себе знать. Считая его погибшим, мать Анюты вышла за другого. Женился и Анютин отец на женщине, которая там, в госпитале, выхаживала его. Теперь Анюта приходит к отцу в гости,— он остался инвалидом и из дому не отлучается. Она приходит к отцу не слишком часто, приносит ему шоколад или торт «Сказка»,— они оба любят сладкое...

Я стараюсь вспомнить, когда увидела Анюту впервые. Наверно, в тот год, перед войной, когда Татьяна, мать Анюты, привозила ее к бабушке — показать. Анюте было два года, а мне двенадцать. На память об этом событии остался любительский снимок — Анюта в кофте, из которой я давно выросла. На снимке у нее какой-то жалобный, сиротский вид, должно быть, потому, что кофта ей велика и рукава свисают.

В том же году началась война, и Анюту я увидела много лет спустя. Она поссорилась с отчимом и ушла жить к отцу, «попросила политического убежища», как шутили тогда в нашей семье. Анюте было в ту пору пятнадцать лет. Вскоре она склонилась на просьбы матери и, к общему удовольствию, вернулась под родимый кров...

В дверь нашего номера стучат. Это Анюта. Рядом с ней молодой человек. Он смущенно улыбается. Узнаю в нем манекенщика Петю — «Петя Смирнов... элегантен, как истинный парижанин...».

— Знакомьтесь,— говорит Анюта.— Наш Пьер. А это моя сестра... И ее муж. Ну и далеко же вы забрались! Хорошо, что Петя ориентируется в метро. А у вас хороший номерок. И балкон есть! Можно на балкон?..

Мы выходим на балкон, оставив мужчин в комнате. Анюта на миг замирает, пораженная игрой огней и кипением толпы внизу.

— Красиво,— говорит она, как бы с кем-то соглашаясь.— А в общем, я устала. Да еще жаркий месяц... Я видела тебя в зале. Тебе понравилось? А как нас принимают! У нас два сеанса в день, и каждый раз такое творится. Будем дома рассказывать — не поверят!..

У Анюты фарфоровое личико, темные пушистые брови над темными глазами. И совсем девичья фигурка.

— Талия? — переспрашивает она.— Сорок девять сантиметров. Устраивает?..

На ней сиреневый костюм из тонкой шерсти. «Для ясных вечеров ранней осени»,— невольно звучит в моих ушах.

— Я так тебе обрадовалась! — говорит она.— Знаешь, не с кем поговорить... Маме я не все рассказываю, а отец не поймет. И потом... Я так редко его вижу...

— Это от тебя зависит,— говорю я.

— Да, конечно. Но когда я звоню ему и говорю, что хочу прийти, он не спрашивает, как я живу. Он говорит: «Не забудь зайти в кондитерскую». Хотя я и так не забываю...

Анюта прогуливается по балкону. Неоновые бюстгальтеры вспыхивают в небе и гаснут. Возникают три девицы из Мулен Ружа, их сменяет гигантское слово «КАНКАН»...

Анюта останавливается возле меня и берет меня за руку.

— Не клеится у меня жизнь, понимаешь? Я его люблю. Я хочу ребенка. Если бы он меня любил, он бы рад был, правда? А он — ни за что. Значит, он не любит меня. Или не уверен, что любит... Я не могу так жить. И я решила: уйду! Вот, тебе первой об этом говорю...

Я смотрю на нее, озаренную переменчивым светом рекламных огней. В темных глазах, как в вечерней воде, отражается голубое, зеленое, красное. А личико у нее совсем как на том памятном детском снимке, жалобное, сиротливое... Где вы, четырнадцатилетние парижане?! Обнажите свои шпаги! Или во Франции перевелись Д'Артаньяны?!

— Конечно, на него влияет семья,— говорит Анюта.— Им не нравится, что я манекенщица. Их почему-то коробит от этого слова. Однако подарки они берут.

Не помню, что я говорила ей. Наверно, советовала подождать, подумать. Спрашивала, собирается ли она учиться дальше. Она же способная. Надо думать о будущем. Профессия манекенщицы недолговечна. Кажется, именно это я говорила ей тогда, на балконе над площадью Сен-Лазар. Но главное я помню. Помню, что я любила и жалела ее в тот вечер. И чувство ответственности старшей за младшую, у которой «жизнь не клеится», которое я испытала там, на балконе, тоже помню до сих пор.

Потом нас позвали. Мужчины откупорили армянский коньяк, наш дорожный запас, и предложили нам выпить с ними. Анюта увидела шоколад «Золотой ярлык» и захлопала в ладоши. Она была весела, рассказывала, как французская фирма «Диор» дала обед в честь русских манекенщиц в ресторане на Эйфелевой башне. И как она впервые ела устриц — ничего особенного, похоже на холодец. Она рассказывала, не отводя глаз от большого трюмо, позируя перед ним, как перед фотообъективом. Иногда она вставала и, прогуливаясь по комнате, останавливалась перед вторым трюмо — над камином. Слава богу, зеркал в нашем номере хватало.

Когда они ушли, я долго стояла на балконе одна. Мне было грустно. Вспоминалось легкое прощальное прикосновение ее щеки к моей, порывистое, как бы заговорщицкое пожатие руки. Нет, разговор на балконе не был ею забыт. В тот вечер я была нужна ей. В целом Париже только я. Ей было плохо, и на чужбине я была для нее всем: матерью, отцом, друзьями, родиной...

Я стояла на балконе среди неоновых вспышек. Мне было одиноко. Бежала электрогазета над вокзалом: Реймс — Монако, 3 : 1. Бюстгальтеры, холодильники, самолеты и цветы загорались и гасли. Три девицы отплясывали канкан над соседней крышей. Среди всполохов робко мелькнула настоящая грозовая зарница и тут же погасла. Вряд ли ее и заметил кто-нибудь, кроме меня...

С тех пор прошло несколько лет. С Анютой мы видимся редко. Иногда у дяди или случайно на улице. От дяди я знаю, что она ушла из Дома моделей и готовится в медицинский институт. И что у нее новый муж. Я его еще не видела.

Здесь, на родине, у каждой из нас своя жизнь, свои друзья. Здесь мы только сестры — не больше.

С. Чуйков. НЕЗАВИСИМАЯ ИНДИЯ.

А. Полюшенко (Московская область). **СНЕГИРИ.**

Нина ХРАБРОВА

В Армянском нагорье, среди розовых на солнце и синих в тени снежных вершин, блестит овал одного из самых высоких в мире катков, Цахкадзор. Отметка — 1 940 метров над уровнем моря.

Здесь по утрам над зеркалом льда возникает тоненькая фигурка в синем, сначала скользит медленно и вдруг неуловимо быстро склоняется, взмахивает руками, словно крыльями, и летит по льду.

Это тренируется латышка Ласма Каунисте, чемпионка мира по скоростному бегу на коньках. В свободное время мы с ней гуляем, и Ласма рассказывает — мало — о себе, много — об окружающих ее людях. По словам Ласмы, получается так, что если бы не они — не быть бы ей чемпионкой.

БАБУШКИН ПОДАРОК

Отец Ласмы был врачом, мать — актрисой, а девочку воспитывала бабушка Анна. Ласма в основном и жила у нее, в заречной части Риги, у парка «Аркадия». За парком большой пруд, такой большой, что его называют «Марас эзерс» — Марино озеро. Зимой оно заковано заманчивым льдом. Был лед и еще ближе — лужа у колодца во дворе. Ласма все рвалась кататься на ней, и бабушка поняла это так, что пора подарить внучке коньки. Новенькие «нурмисы» были привинчены к новеньким ботинкам, и Ласма отправилась падать у колодца. Бабушка вначале ободряла ее и посмеивалась, а потом начала сердиться, потому что на замерзшей луже интересы их в корне разошлись: Ласме лужа показалась маленькой, она стала поливать ее водой, а бабушка работала дворником, ее задачей было посыпать двор песком. Так и шло: Ласма поливала двор, а бабушка его посыпала.

Потом девочка умчалась с коньками на Марино озеро, на стадион «Даугава», на лучшие катки мира. А бабушка из противницы конькобежного спорта стала пламеннейшей его болельщицей. Она помнила результаты разных конькобежцев Риги, Советского Союза, мира и, кормя Ласму обедом, делала ей одновременно подробный доклад о конькобежных новостях и событиях.

ВДВОЕМ С АРИЕЙ

В седьмом классе преподаватель физкультуры сказал, что на стадионе «Даугава» тренирует конькобежцев чемпион Европы 1939 года Алфонс Берзиньш. Весь 7-й класс 32-й рижской школы тотчас же отправился на стадион. Но экс-чемпион был строг, и через полтора месяца седьмой класс растаял: на уровне требований Берзиньша оказались только двое — Ласма и ее подружка Ария Гулите. Они никогда не пропускали тренировок и на дорожке не жалели сил. А все потому, что их было двое. Иногда Арии не хотелось идти на стадион — ее вытаскивала Ласма. Иногда случалось наоборот.

Когда им было по тринадцать лет, они выступили на первенстве Риги. Бежали пятисотку. Ласма плохо бежала, упала три раза. А Ария? О, Ария бежала гораздо лучше, она упала всего два раза.

Это первое соревнование разбудило в Ласме разные интересные чувства. Например, злость на себя за неумение управлять собственными ногами, руками, равновесием. Желание бежать быстро, красиво, чисто. Желание обогнать Арию. То же самое происходило и с Арией. И они решили тренироваться дьявольски, соревноваться между собой постоянно и чтобы без зависти, но и без миндальничанья.

В четырнадцатилетнем возрасте они побили все республиканские рекорды, обе получили первый спортивный разряд взрослых и вышли за пределы Риги, впервые попали на Всесоюзное первенство в Кирове. Лед там не чета рыхлому рижскому, гладкий, как зеркало, и не дается девочкам, неожиданно и коварно уходит из-под ног. Но на второй день лед стал послушным, и первое выступление на всесоюзной арене прошло хорошо.

Медео. Первые международные соревнования. От тренировок во всем теле будто гул стоит. Вокруг дорожки плотным кольцом болельщики из Алма-Аты, а тут, как на грех, Ласма и Ария упали. Алмаатинцы кричат: «Если не умеете бегать, уезжайте домой!» Ласма и Ария, поскольку им было по шестнадцать лет, сначала поплакали, потом сердито закричали болельщикам: «Ладно, подождите!» На 3 000 метров Ласма бежала в паре с олимпийской чемпионкой Хельгой Хаазе и выиграла у нее, после чего темпераментные алмаатинцы сделались ее верными друзьями и горячими болельщиками.

В семнадцать лет девушки завоевали звание мастеров спорта. 1962 год был годом Арии — она все выигрывала, а Ласма проигрывала. 1963 год был годом Ласмы: она все выигрывала и попала на первенство мира в Японию запасной.

А потом Ласма вышла замуж за эстонского конькобежца Тойво Каунисте, у них родился сын Райво, и Ласма не бегала.

Ария тоже вышла замуж, у нее тоже родился сын, он болел, и Ария оставила спорт: ей давно хотелось стать врачом-педиатром, и болезнь сына решила все окончательно и бесповоротно. Ария поступила в медицинский институт.

А Ласма? Ласма вернулась в сборную и без напряжения показала свои прежние результаты.

ЧТО ЗНАЛ ЕВГЕНИЙ КРАСИЛЬНИКОВ

Заслуженный тренер, в прошлом чемпион и рекордсмен СССР, ныне тренер женской сборной, Евгений Николаевич Красильников знал, что конькобежный спорт за эти два года шагнул далеко вперед и что Ласме будет трудно. Но он знал также, что в трудолюбии и в спортивном упрямстве у Ласмы нет равных. Он знал, что в быту, например, Ласма не боец, она всеми силами старается не вступать в конфликты, и какая-нибудь высокомерная кассирша, таким образом, может одержать верх над ней. Но на ледяной дорожке она забывает обо всем, кроме скорости.

И все же с прежними результатами теперь далеко не улетишь; Ласма была отчислена из сборной. Красильников расписал ей по дням планы тренировок, она уехала в Ригу. И всего год потребовался ей, чтобы догнать сильнейших. Конечно, Ласму снова пригласили в сборную и включили в состав участников первенства мира.

Красильников все время отрабатывал с Ласмой ее стиль, основанный на сильном и длинном скольжении, и в то же время потихоньку уговаривал ее, будто она уже настолько сильна, что может быть первой, а она смотрела на тренера изумленными зелеными глазами и, сильно, как все латыши, акцентируя на «ч», говорила:

— Что вы, Евгений Николаевич!

Красильников говорит, что труднее всего было объяснить Ласме ее способности.

ЧЕГО НЕ ЗНАЛИ ТАКСИСТЫ

Вечером 20 января 1968 года Ласме надо было лететь на первенство мира в Хельсинки. А утром в семье случилось горе. Она позвонила в Москву и сказала, что не может лететь. Но Ласма узнала, что запасных не было. Это значило — надо лететь, потому что нельзя подводить команду, и Ласма улетела. Пришла четвертой. Ее опередили три голландки. А из советских спортсменок она была лучшей. Это было победой. Но радости не было.

Из Хельсинки Ласма улетела прямо в Гренобль, на Олимпиаду. Мысли о доме не отпускали: она уже знала, что бабушка заболела. 11 февраля начались соревнования, и они шли для нее все хуже и хуже. В Ригу прилетела ночью. Подошла к такси на стоянке. Шофер сказал:

— А я вас где-то видел. Ведь вы — Каунисте?.. Не повезу!

И стал уговаривать других не везти ее, не оправдавшую болельщицких надежд.

Бабушка умерла через месяц. Сразу после похорон были соревнования в Свердловске — единственные в ее спортивной жизни, на которые не хватило сил.

ТОЙВО, РАЙВО И ДЕВОЧКИ

Шли дни. Ласма пыталась преодолеть боль утрат, яростно тренировалась и думала: вот скоро кончится эта жизнь с обжигающей радостью побед и горечью неудач, с кутерьмой поездок, пестротой разных городов, звоном льда под коньками. Начнется размеренное существование преподавателя, она никуда не будет уезжать, потому что больше ведь не с кем оставить пятилетнего Райво.

Первым заговорил Тойво.

— У тебя хорошие результаты,— сказал он,— и оставлять лед в такой хорошей форме нельзя. За нас с Райво не бойся.

— За нас с Тойво не бойся,— повторил сын и пошел с матерью на каток. Райво помчался впереди Ласмы, и ей вдруг показалось, что она его не догонит. Так они и бежали — мальчик впереди, мама сзади, пока Райво не упал в сугроб.

Иногда они ездят на соревнования и болеют за нее. А чаще всего ждут в рижском аэропорту, когда она появится на трапе, смуглая от горного солнца, с ворохом удивительных рассказов.

Скучает ли она без них? Еще как! Но скучала бы еще больше, если бы не девочки сборной. Кажется, что им сложно дружить, потому что каждый день на ледяной дорожке они становятся опасными противницами. В эти минуты в них живет одно желание — обойти, победить. Но гораздо больше таких минут, когда, стоя за чертой дорожки, каждая готова отдать подруге всю свою силу, лишь бы дошла! У них нет ни больших раздоров, ни мелких разногласий. Объединяет же их многое. Все они студентки — Ласма и Люда Титова уже окончили институты, Нина Статкевич, Люся Мохначева, Галя Нефедова, Вера Суровикина и Вера Бунтушкина еще учатся, а семнадцатилетняя омичка Вера Краснова, недавно показавшая на дистанции 500 метров лучшее в мире время, заканчивает десятый класс. Чемоданы и дорожные их сумки тяжелы от книг...

...Гренобль. Февраль 1969 года. Отель «Гамбетта». Спор за титул чемпионки мира. Теперь успех решает не победа на одной дистанции, а сумма баллов — результаты, показанные на четырех дистанциях. Трудно будет бороться с голландками — двукратной чемпионкой мира Стин Кайзер, ее подругой, олимпийской чемпионкой Анс Скут. Они привыкли побеждать. А Ласма уже трижды выходила на старт мировых чемпионатов, и все неудача. Но об этом не надо думать. И тут-то появился советский инженер Вячеслав Борисов с женой Валей и сыном Валериком, работающий в Гренобле в длительной командировке. Они потащили девушек к себе, накрывали для них столы по-московски, потчевали по-московски, ухаживали, заботились, успокаивали. Накануне соревнований приехали в Гренобль сотрудники советского посольства. Девочки чувствовали себя все увереннее среди своих и, смеясь, вспоминали, как в прошлом году в Хельсинки два голландца устроили такой шум в поддержку своей команды, что вдвоем заглушили всех остальных туристов-болельщиков.

Но неудача обрушилась еще до первого старта. После жеребьевки стало известно, что Ласма бежит 500 метров одна, без соперницы. Попробуй показать высокое время без спора, без азарта...

Но Ласма Каунисте вопреки всему показала отличный результат, и на пятисотке и на дистанции 1 500 метров. Теперь хорошо пройти 1 000 метров, и можно поспорить с голландками! Ласма великолепно пробежала 1 000 метров — заняла первое место, установила всесоюзный рекорд, а затем в борьбе со Стин Кайзер пробежала отлично и 3 000 метров...

Все мелькало, как в калейдоскопе. Ее поздравляли и надевали ей на плечи лавровый венок. Вот тут-то она и нашла Борисовых, оторвала от венка листики и вручила их новым друзьям со словами:

— Спасибо за все! Кто знает, как бы все сложилось, если бы не вы!

А по-настоящему чувство победы пришло лишь в Риге, когда Ласма увидела перрон, заполненный людьми и цветами.

* * *

Чемпионка мира. К чему еще стремиться? О чем мечтать, когда сбылась мечта? Но у человека, связавшего свою жизнь со скоростью, мечта никогда не сбывается. Скорость... Ей нет предела, она неуловима: едва коснешься ее, едва достигнешь, а она уже снова вырвалась из рук. Погоня за скоростью тревожна, как погоня за неуловимой синей птицей.

Гренобль. Абсолютная чемпионка мира Ласма Каунисте и ее подруги — Людмила Мохначева, Людмила Титова и Галина Нефедова.

Фото ТАСС.

Парадокс о критике

Н. ФЕДЬ, кандидат филологических наук

Странное дело: у нас еще встречаются критики, которые толкуют об искусстве так, будто лишь им известны его волшебные тайны, а для всех остальных это совершенно непостижимая сфера. Они все поворачивают на свой лад, не считаясь ни с законами общественного развития, ни тем более с законами художественного творчества. Они поспешны в своих выводах и активны в намерениях. Система «доказательности» их сводится к пестроте и противоречивости изложения, поверхностной, хотя подчас и хлесткой оценке.

Поэтому спорить с подобными «теоретиками» так же трудно, вернее, невозможно, как спорить с человеком, который, стоя перед листом белой бумаги, с жаром уверяет, будто этот лист вовсе не белый, а, напротив, черный, и странно, что другие до сих пор этого не заметили. Вначале вы недоумеваете, но в следующее мгновение у вас возникает вопрос: зачем это делается?

Этот вопрос с особой остротой встает при чтении статьи Станислава Рассадина «На перекрестке традиций» («Юность» № 11, 1968), статьи, не отличающейся, впрочем, ни по тональности, ни по духу от ранее написанного этим критиком.

Что может быть для народа дороже идеи общественной и личной свободы? Именно эта мысль воплощена в известном стихотворении Пушкина «Деревня». Вспомним: романтически настроенный герой решает оставить шумный и завистливый высший свет и уединиться в глуши деревенской. Здесь будет он предаваться свободному творчеству. Поначалу его взор встречает «везде следы довольства и труда». Но первое же столкновение с действительностью безжалостно срывает пелену с глаз и приводит его в отчаяние: в деревне царит невежество и беззаконие, непосильный труд и бесправие. Рабы, везде рабы, чьи судьбы разбиваются по прихоти «неумолимого владельца». Со страшной отчетливостью видит герой, что никакая личная свобода невозможна без освобождения землепашцев от крепостничества. Острая боль пронизывает сердце поэта оттого, что его родина опутана позорными цепями рабства.

Так идея свободы личности смыкается с идеей служения искусства народным интересам, общественному прогрессу. Пушкин близок к народу по образу мыслей и духу творчества. Источник творчества Пушкина всегда был в народе; об этом писано-переписано; все это стало аксиомой, казалось бы, не требующей особых доказательств.

Но таков уж «метод» Рассадина — ставить проблему с ног на голову, а потом с видом ученого знатока удивляться несмышлености окружающих. И он настойчиво утверждает, будто в «Деревне» Пушкин был далек от социальной проблематики. Здесь еще не было, как он выражается, реального интереса поэта к «реальным мужикам». По его мнению, «декабристская «Деревня» — взгляд на народ издали».

Но почему он так считает? Какие-нибудь серьезные доказательства? Нет, всего лишь потому, что здесь якобы «крестьянские парни изображались в традициях сентиментализма»; в то время как «молодые крестьянки выглядели сплошь бедными Лизами». Вот и весь сказ!

Итак, несколько штрихов: нет «реального интереса», «в традициях сентиментализма», «бедные Лизы»,— и весь социальный пафос произведения сведен на нет! Как все просто! Зато подлинный интерес Пушкина к «реальным мужикам» наш критик видит в «пестром соре» «Онегина», как он говорит далее, в любви «просто так». Для подтверждения своей мысли автор приводит отрывок:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор...

Зачем понадобилось Рассадину противопоставлять пейзажную зарисовку знаменитой «Деревне»? Об этом пока можно только догадываться.

«На свой лад» обошелся Рассадин и с другим крупнейшим поэтом.

Нет слов, творчество Лермонтова, выдающегося русского писателя, сложно и многогранно. Но Лермонтов был слишком общественным человеком, чтобы его творчество не впитало мучительных противоречий современной ему жизни. И самое замечательное то, что на всей его поэзии лежит печать гражданской целеустремленности, дух борьбы, а не уход от действительности («Да, я не изменюсь и буду тверд душой», «Но перед идолами света не гну колена я мои»); устремление к свободе, а не пассивность («А он, мятежный, просит бури», «Так жизнь скучна, когда боренья нет»); гневный протест против деспотизма («Прощай, немытая Россия») — да предостаточно и этого, чтобы судить о симпатиях и антипатиях, а стало быть, и народности великого поэта.

Не случайно Белинский, как никто другой, глубоко понявший этот мятежный дух, справедливо писал, что основная суть лирики Лермонтова состоит в ее высоком гражданском чувстве, неустанном интересе к человеческой личности. В Лермонтове, свидетельствует Белинский, «выразился исторический момент русского общества».

Будучи человеком активным и беспокойным, Лермонтов выражает в своих стихах то деятельное начало, которое впору противопоставить пассивному по тем временам течению жизни. Тому пример его «Родина». Появление этого стихотворения было подготовлено всем ходом развития общественной мысли России. И все-таки его идейный и нравственный смысл настолько противоречил официальному патриотизму, что поэт счел необходимым в пределах небольшого по размеру произведения несколько раз оговорить необычность своего чувства родины: «Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит ее рассудок мой», «С отрадой многим незнакомой».

По мере проникновения в замысел поэта становится совершенно ясно, что настоящим источником любви Лермонтова к России был русский крестьянин и все то подлинно народное, что в нем заключено и что его окружает. Движение глубокой мысли раскрывает горячую любовь поэта к тому, что видит он перед своим мысленным взором: «с отрадой... вижу полное гумно», «люблю дымок спаленной жнивы». Лермонтов «понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно»,— писал Добролюбов, имея в виду «Родину».

Однако Ст. Рассадина не радует нравственно-политическая острота лермонтовского произведения, стремление поэта слиться с народом. Напротив! Он желает видеть «у Лермонтова не уверенный ответ, за что надо любить народную Россию...». Более того, критик пытается вообще лишить стихотворение социального звучания. Послушаем, что он говорит: «Лермонтовская «Родина» — одно из первых приглядываний к народной России «просто так», к российскому крестьянину, не только как к доблестному победителю Наполеона, которым принято гордиться, и не только как к крепостному рабу, которого надо жалеть, а просто как к человеку вне государственных функций, зато в естественных человеческих проявлениях, хотя бы вот пляшущим в праздник». Другими словами, в этом стихотворении критику видится «отъединенный от мира» человек.

«Но какое же отношение к этому имеет Лермонтов»?— спросите вы.

А какое отношение имеет один из наших талантливых современных поэтов, Кайсын Кулиев, к тому, что приписывает ему Рассадин: будто бы он, поэт, не только лишает своих героев элементарного человеческого достоинства, но вообще отнимает у них способность мыслить и понимать даже то, что сейчас с ними происходит?! И в этом, мол, заслуга писателя.

Анализируя произведения Кулиева, критик пишет: «У тех, о ком написаны стихи, нет этого осознания (горького понимания тяжести тех обстоятельств, что пригнули этих людей.— Н. Ф.), они погружены в свои будни, а сейчас, в веселую и хмельную минутку, тем более не думают о том, что с ними происходит, что они испытывают. Они то сосредоточены в труде, то самозабвенны в веселье».

И снова люди, отчужденные от общества, от мира и замкнутые в каком-то узком, призрачном мирке.

Так вот, оказывается, зачем плел Рассадин тонкую паутину рассуждений о классике, традициях, «человеческих проявлениях» и т. д. и т. п. И Пушкин, и Лермонтов, и современный наш поэт послужили ему всего лишь для того, чтобы лишний раз поведать миру о человеке «вне государственных функций».

Но критик идет дальше.

Пропагандируя «всечеловеческую близость» и «трагическую причастность к миру», порожденную якобы «угрозой общей гибели», Рассадин недвусмысленно стремится подменить высокое гражданское чувство любви к родине любовью зевающего туриста или еще чем-нибудь похуже. «Любовь» «просто так», ни за что сильнее любви за что-то. Ибо бескорыстнее. Она не оставляет любящему возможности самоутвердиться за счет своей любви».

Интерес «просто так» проницательнее, настаивает Рассадин. «Интересующийся не вносит с собою цель, не вносит заготовленные вопросы, на которые невольно уже припасены ответы или хотя бы варианты ответов. Такой интерес не предвзят и потому может дать наиболее точное знание».

Зачем понадобилось Рассадину апеллировать к столь абстрактным категориям? Ведь он прекрасно понимает, что вряд ли найдется настолько наивная душа, которая поверит, что делает он это «просто так», без того, чтобы «вносить с собою цель».

Гете как-то с горечью заметил: истину надо повторять постоянно, ибо находятся люди, которые так же постоянно проповедуют ошибки.

Конечно же, Гете имел в виду глубокую заинтересованность проповедующих ошибки людей, их сознательное стремление затемнить истину в угоду вполне определенным тенденциям.

К сожалению, так поступает и Станислав Рассадин, пытаясь обосновать старый, затрепанный тезис, согласно которому искусство лишь тогда истинно, когда оно отторгнуто от подлинно народных целей и классовых интересов.

Патрик **КВЕНТИН**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Сердиться на лейтенанта Трэнта было просто бесполезно: это ни к чему бы не привело. Зато я мог излить свою бессильную злобу на Поля. Рассерженный и возбужденный, я выбежал из гостиной и нашел его в нашей спальне; он сидел на кровати и ждал. Увидев меня, Поль вскочил, всем своим видом показывая, как он раскаивается. Я собирался обрушить на него град упреков, но не успел: опередив меня, он принялся торопливо и многословно извиняться. Он же думал только обо мне. Я слишком увлекся и не понимал, что делаю. А вот он сразу понял и решил спасти меня от самого себя. В настоящий момент было бы безумием доводить Ч. Д. до бешенства и подвергать Бетси унижению. Анжелика не виновна. Дата суда над ней неизвестна. К тому же моя бывшая жена сама навлекла на себя эту маленькую неприятность, и она не причинит ей особого вреда. Возможно, позднее...

В несколько иной форме Поль повторял те же аргументы, которые чуть раньше я приводил самому себе и которые приводила Анжелика во время нашего разговора. Теперь-то я знал, что они ничего не значат — пустые слова, хотя совсем недавно они казались убедительными и правдоподобными.

— Черт возьми, но почему ты находишь нужным вмешиваться в мою личную жизнь? — воскликнул я.

Лицо Поля расплылось в широкой обезоруживающей улыбке.

— Да потому, что люблю тебя, дурачина! Неужели ты думаешь, что я могу сидеть сложа руки и созерцать, как ты по собственной глупости кончаешь жизнь самоубийством? — Он помолчал, расстроенно взглянул на меня и продолжал: — Потом, я же должен думать и о себе. Я ведь тоже, как и ты, существую по милости Бетси и Ч. Д., а Кэллингхемы, будь они прокляты, вовсе не отличаются милым и покладистым характером. Если бы я примкнул к твоему крестовому походу и принялся гарцевать по Манхэттену с возгласами «Ч. Д. Кэллингхем — злостный лжец!», долго ли я, по-твоему, смог бы продержаться на работе? Ты что, хочешь, чтобы Проп пошла торговать яблоками на улице?

— Не понимаю, почему ты так дорожишь своей работой,— заметил я; мне всегда казалось, что Поль Фаулер, последний отпрыск известной семьи Фаулеров, вполне обеспеченный человек, хотя он мне никогда этого не говорил.

Поль уставился на меня с искренним изумлением.

— Мой бедный заблуждающийся мальчик! Ты, очевидно, считаешь, что все еще существует кубышка Фаулеров? К сожалению, денежки давным-давно превратились в норковые манто и все такое прочее, а главный стимул моей столь бурной деятельности — наличная монета. Я живу только на жалованье, и на текущем счету у меня нет и ломаного цента.

Только сейчас я понял, чем руководствовался Поль. Он заботился о спасении собственной шкуры и был таким же ничтожным рабом в империи Кэллингхемов, как и Элин. К моему гневу начало примешиваться отвращение, но я тут же подумал, что и сам-то не лучше их обоих. Давно ли я стал таким благородным?

Уныние и тоска, написанные на лице Поля, глубоко тронули меня. Я понял, что несправедливо возлагать на него вину за случившееся. Он никогда не считал себя героем. И он действительно был искренне привязан ко мне.

— Извини меня, пожалуйста,— продолжал Поль.— Мне и в голову не пришло, что ты принимаешь эту историю так близко к сердцу.

— Да уж ладно.

— Я, видимо, не сообразил, как должен чувствовать себя человек, когда понимает, что он подлец... Биль! Позвони сейчас же этому фараону и скажи, что мы едем к нему. Я согласен подтвердить все твои показания.

Я не сомневался в искренности Поля и вновь по-прежнему любил его, но понимал, что изменить ход событий уже невозможно.

— Слишком поздно,— ответил я.— Теперь Трэнт ни за что не поверит тебе как свидетелю, даже если ты слово в слово повторишь мои показания. В лучшем случае он просто отмахнется от тебя как от добряка, поддерживающего своего сумасшедшего друга. И это не просто мое предположение: он сам мне так сказал. Надо искать какой-то иной выход из положения.

Лицо Поля просветлело.

— Что ж, в таком случае...— Он горестно улыбнулся.— Пожалуй, побегу, надо снова тащить свое ярмо.

— Правильно.

— Пока, Биль. Пусть земля будет тебе пухом, когда пробьет твой последний час.

Поль вышел из комнаты, и я слышал, как он пробежал по коридору.

Я сел на кровать и закурил. Я уже не сердился ни на Поля, ни на Трэнта, ни на себя. Сейчас, когда самое худшее уже произошло, я мог рассматривать события с холодной отрешенностью постороннего человека. С пугающей отчетливостью я увидел, как жил сам, как жил Поль, как жил Дейв Мэннерс, как жили все под деспотической дланью Ч. Д. Не только увидел, но понял, что так жить нельзя.

Еще недавно, совсем недавно все то, что произошло с Элин и Полем, я воспринял бы как редкое везение. Да, я сделал благородный и великодушный, но безрезультатный жест. Теперь даже полицейский рекомендует мне, прошедшему через чистилище целым и невредимым, поскорее укрыться в своем безопасном гнездышке. Было время, когда я с радостью воспользовался бы такой возможностью, но сейчас это уже исключалось.

Причиной тому была вовсе не Анжелика, хотя я по-прежнему видел в ней попавшего в беду невиновного человека. Зачем жить, если не извлекать из жизни определенных уроков, а мне казалось, что за последние мучительные дни я все же кое-чему научился. Теперь я знал, что не хочу быть вице-президентом фирмы, не хочу только потому, что Ч. Д. нашел нужным таким путем отблагодарить меня за мою ложь. Я не хотел принимать любовь Бетси под самым фальшивым из всех фальшивых предлогов. Моему Рикки не нужен такой отвратительный дом, как тот, в котором мы с ним живем. Я не хотел быть больше Дэйвом Мэннерсом, и Элин Ходжкинс, и Полем Фаулером.

Теперь, когда мне пришлось внимательно присмотреться к себе как бы со стороны, я понял, что единственная возможность примириться с самим собой заключалась в том, чтобы, пренебрегая последствиями, идти, ломиться вперед, до хрипоты кричать о правде, пока в нее не поверят другие. Прежде всего надо отказаться от того, на что я не имел права и чем уже не хотел обладать. Я пойду к Ч. Д.; я скажу, что солгал ему и намерен во всеуслышание отказаться от своей лжи; потом я уйду с поста вице-президента; потом все расскажу Бетси. Если она решит расстаться со мной — пусть. Впрочем, я почти не сомневался, что теперь, когда я очистился от лжи, она не бросит меня. Бетси правильно все поймет и согласится, что лишь ценой спасения Анжелики, чего бы это мне ни стоило, я могу сохранить уважение к самому себе. Только тогда я стану таким же честным человеком, как сама Бетси. Я найду себе работу как можно дальше от разлагающего «благожелательства» Ч. Д., и мы заживем по-настоящему.

Я взглянул на часы. Они показывали половину четвертого, и я еще мог застать Ч. Д. в издательстве. Решив, что не следует медлить, раз уж я не собирался отступать, и что надо побыстрее кончать с этим делом, я поехал в издательство.

У Ч. Д. я пробыл около часа. Он уже все знал. Элин успела ему позвонить и все рассказать. Собственно, я и сам мог бы сообразить, что сразу же после нашего разговора Элин бросится к телефону, горя желанием доказать, что она не только самый скромный, но и самый преданный из всех холуев Кэллингхема.

Ч. Д. был взбешен и возмущен даже больше, чем следовало ожидать. Он орал, щедро рассыпал самые страшные угрозы. Я буду утверждать одно, а они с Дэфни другое... Неужели я серьезно надеюсь, что начальник нью-йоркской полиции, один из самых его старинных и близких друзей, поверит хоть одному моему слову?.. Да кто я такой? Ничтожный выскочка, которого он благодаря своему доброму сердцу вытащил из трущоб... Я, должно быть, совсем спятил, если надеюсь, что кто-нибудь осмелится взять меня на работу, когда он выгонит меня... Он будет преследовать, посадит в тюрьму!.. Да если я осмелюсь хотя бы словом обмолвиться с журналистами, у него есть такие врачи-психиатры... И напрасно я надеюсь жить на капитал Бетси: завещание ее матери будет аннулировано, об этом позаботятся его адвокаты...

Заметив, что угрозы не произвели на меня впечатления, Ч. Д. резко изменил тон, заговорив медовым голосом отца, увещевающего блудного сына. Ну не стыдно ли мне так позорить бедняжку Дэфни?

— Послушай, мой мальчик, мы же с тобой здравомыслящие люди! Если ты считаешь, что мы тебе маловато платим, я сейчас же прикажу увеличить жалованье. Давай я сейчас позвоню этому лейтенантишке и скажу, что ты в свое время перенес тяжелое душевное потрясение да к тому же был когда-то женат на этой женщине...

Все, что говорил Ч. Д., вызывало у меня чувство неловкости и вместе с тем забавляло, ибо ничто не заставило бы меня отказаться от принятого решения. Порой мне казалось, что я слушаю выходца из совершенно чуждого мне мира — вождя какого-нибудь племени людоедов или предводителя охотников за черепами.

В конце концов Ч. Д. снова разбушевался. Когда я вышел из его кабинета, секретарша Ч. Д. с ужасом взглянула на меня.

— Мистер Гардинг, умоляю вас, скажите, что вы ему наговорили?

— Ничего особенного. Просто попрощался с ним.

Попрощался... Это слово прозвучало для меня словно музыка, я прямо-таки наслаждался им, возвращаясь домой. Итак, я уже больше не вице-президент фирмы, ведающий рекламой. Отныне я просто человек, который может распоряжаться самим собой. От одной этой мысли я чувствовал себя моложе лет на десять. Словно по мановению волшебной палочки, все во-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—9.

круг меня стало меняться. Теперь, после разговора с Ч. Д., даже неизбежная беседа с Бетси и неизбежное признание не казались такими уж мучительными. Наконец-то я смогу разрушить возникший между нами барьер. Наконец-то, впервые за все последние недели, мы вернемся к прежним, ничем не омраченным отношениям!

Открыв дверь, я застал в холле Элин и Рикки, они, видимо, только что вернулись с прогулки. Увидев меня, Элин густо покраснела и хотела было увести Рикки в детскую, но сынишка вырвался у нее из рук и с криком «Привет, пап!» бросился ко мне. Я поднял его. Элин еще раз взглянула на меня и поспешно скрылась в детской. Рикки охватил меня ручонками за шею.

— А ты знаешь, у нас в садике есть один дурачок. Его зовут Базиль. Разве это не смешное имя?

Не выпуская Рикки из рук, я взглянул на его серьезное личико и радостно подумал: «Слава богу, скоро мы избавимся и от Элин и от этой шикарной квартиры и заживем только своей семьей — я, жена, сын». Мне почему-то вспомнилась Элин, какой она предстала перед нами в тот злополучный вечер,— в белом халате, излюбленном одеянии старых дев, с косичками за плечами; я живо представил себе, как она, презрительно взглянув на нас с Анжеликой, сказала: «Рикки проснулся». Едва эти слова пришли мне в голову, я под влиянием какого-то порыва спросил у Рикки:

— Ты помнишь женщину, которую я приводил к тебе вечером, когда ты был в постели?

— Это когда у меня вырвали зуб? Я тогда проснулся, а кукушка: «Ку-ку! Ку-ку!» — прокуковала два раза, да?

— Да. Ты ее помнишь, эту женщину?

— Ее? — Рикки сосредоточенно крутил прядь моих волос.— Помню. Она была моей другой мамой, правда? Той, которая снята на фотографии в доме тети Розы. Это та мама, которая была у меня, пока мы не переехали сюда.

Вот так это и получилось, словно сама судьба решила мне помочь. Даже не верилось, что Рикки узнает Анжелику. Ведь он не видел ее три года, а до этого прожил месяцев шесть у моей сестры Розы и видел Анжелику только на фотоснимке. И все же он ее узнал! И не только узнал, а по бою часов с кукушкой, прокуковавшей два раза, запомнил время и дату — тот день, когда он побывал у зубного врача, что можно точно установить по записи в книге приема. День и час...

Вот и нашелся у меня свидетель. Я держал его на руках. В конце концов не исключено, что я еще посмеюсь над Трэнтом.

Я почувствовал, как у меня забилось сердце, но в эту минуту звякнул ключ, вставляемый в замок двери. Не выпуская Рикки из рук, я повернулся. Это пришла Бетси. Она увидела нас, и ее лицо осветилось нежной, ласковой улыбкой, которая так шла ей.

— Алло! — воскликнула она.— Сегодня меня встречает вся семья!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

«Вот и пришло время,— подумал я.— Сейчас я расскажу ей все».

Рикки выкарабкался из моих объятий и подбежал к Бетси. Она наклонилась и жадно поцеловала ребенка, словно боялась, как всегда, что в следующую минуту его у нее отнимут.

— Биль, милый, будь добр, налей мне чего-нибудь выпить. Сегодня у меня был прямо-таки ужасный день в фонде. Я быстро переоденусь и сейчас же вернусь.

Бетси ушла, держа Рикки за руку и слушая его болтовню о дурачке по имени Базиль. Приготовив в гостиной два мартини, я стал ждать. Меня волновал предстоящий разговор, но к моему волнению примешивалось что-то приятное — так, наверное, чувствует себя актер перед премьерой. Я понимал, что бесполезно было бы уклоняться от разговора с Бетси, наоборот, всем нам станет лучше, если он состоится.

В комнату вошла улыбающаяся Бетси. В своем зеленом платье она выглядела юной и посвежевшей.

— Ну-с, где мой мартини? — Бетси подошла ко мне и поцеловала.— Любимый, ты не знаешь, что происходит с Элин? Едва я вошла в детскую, как она вылетела оттуда, словно перепуганная зебра. Не случилось ли какой беды с маленькой Глэдис?

— Не в том дело.

Бетси села на кушетку, взглянула на меня и отпила вина.

— Выходит, ты что-то знаешь?

— Знаю.

Все последние дни мне казалось, что на свете нет ничего важнее моих собственных переживаний, стремления вновь стать порядочным человеком, и это эгоистическое чувство заглушало мысль, которая только сейчас пришла мне в голову и стала настойчиво меня преследовать. Отныне Ч. Д. ни цента не пожертвует фонду и в своей мстительности, возможно, попытается даже скомпрометировать эту организацию. Так Бетси будет нанесен второй тяжелый удар. Внезапно я отчетливо понял смысл того, что хотел ей сказать, и стыд за свое недавнее поведение отравил мне радость предстоящего искупления.

Бетси не сводила с меня глаз, и на лбу у нее пролегла морщинка недоумения.

— Биль, что произошло?

— Помнишь, ты говорила, что я не должен скрывать от тебя своих неприятностей?

— Конечно, помню. Но в чем дело? Анжелика?

Первое, что пришло ей на ум в предчувствии несчастья, была Анжелика, и это лишний раз подтверждало, как страшилась Бетси всего связанного с моей бывшей женой и какую угрозу для своего счастья постоянно в ней видела. Во мне боролись и острое сознание собственной вины, и злость на самого себя, и любовь к Бетси, и жалость к ней.

— Да, это связано с Анжеликой,— подтвердил я.

— Значит, ее будут судить?

— Дело не только в этом. Сейчас я все тебе расскажу, но сначала твердо пойми одно: у меня не осталось никаких чувств к Анжелике. Какое бы впечатление ни произвели на тебя мои слова и мои поступки, ты должна мне верить. Я люблю только тебя.

Бетси побледнела, лицо у нее стало словно каменное. Она поставила на столик бокал с вином и поднялась.

— Ты веришь, что я тебя люблю?

— Рассказывай, Биль, рассказывай! Что произошло?

— Всю вторую половину дня я провел сегодня с Ч. Д. Из фирмы я ушел.

— Ушел?! Но при чем тут Анжелика?

— Ушел, так как заявил Ч. Д., что не хочу и не могу подтверждать фиктивное алиби Дэфни. Дело Анжелики передается в суд, и он, несомненно, вынесет обвинительный приговор, поскольку она не доказала свое алиби. А могла бы. В два часа ночи, как раз в то время, когда был убит Лэмб, она находилась здесь, в нашей квартире, со мной. Сегодня утром я поехал в главное полицейское управление и все рассказал Трэнту.

Я с ужасом смотрел на Бетси. Меня пугало не столько то, что она была готова вот-вот упасть в обморок, сколько то, какие огромные усилия прилагала, пытаясь сохранить самообладание.

Сухим, бесстрастным тоном Бетси сказала:

— Но ты же давно не встречался с ней, ты даже не знал, что она в Нью-Йорке. По твоим словам, она взяла с Джейми обещание...

Я подошел к Бетси и взял ее за бессильно опущенные руки.

— Я не сказал тебе, хотя и хотел. Честное слово, хотел, но все откладывал и откладывал... Крошка моя, если я скажу тебе правду, ты поймешь, что это правда, ведь так? Клянусь, Анжелика абсолютно ничего для меня не значит, и ты...

— Не клянись.— Она освободила свои руки из моих.— Прошу тебя, расскажи. Просто расскажи.

Я рассказал Бетси все от первой встречи с Анжеликой в баре до ее появления в нашей квартире. Я ничего не скрыл. Теперь, когда я все понял и рассматривал случившееся словно со стороны, я мог даже признаться, с каким волнением обнимал и целовал Анжелику и как досадовал, когда внезапное появление Элин погасило вспышку былого чувства. Я не мог утаить ни одной подробности, потому что в нашей совместной жизни наступил тот момент, когда недоговоренность могла только помешать благополучному исходу кризиса.

Я говорил, а Бетси неподвижно стояла рядом с кушеткой, не спуская с меня глаз. Я испытывал облегчение, потому что очищался от лжи, и вместе с тем мучился, потому что не знал, как Бетси воспримет услышанное. По ее лицу ничего нельзя было определить — каменное, упрямое, суровое лицо отпрыска Кэллингхемов, рано познавшего враждебность всего окружающего, но вынужденного смирять гордыню и жить. Я смотрел на это лицо и с болью думал, что и я, кому следовало бы особенно бережно относиться к Бетси, встал на сторону ее врагов.

— После того скандального случая в нашей гостиной,— продолжал я,— мне стало до того стыдно за себя, что я поклялся все рассказать тебе, как только ты вернешься из Филадельфии. Но затем произошло убийство, меня вызвал к себе Ч. Д., и, прежде чем мне удалось хорошенько во всем разобраться, я попался на эту удочку с алиби Дэфни. Крошка моя, но разве ты не видишь? Несмотря на всю эту мерзость, ты же не можешь...

Суровое лицо Бетси смягчилось; отказываясь верить собственным глазам, я увидел, что она улыбнулась, и горячая признательность к ней охватила меня.

— Бедненький! — воскликнула она.

— Никакой я не бедненький. Просто простофиля и подлец.

Мне хотелось подбежать к ней и схватить в объятия, но я чувствовал себя слишком неловко, к тому же, несмотря на охватившее меня радостное волнение, я понимал, что в данную минуту целесообразнее до конца выдержать мелодраматический тон, что сейчас не следует навязываться Бетси, поскольку я был «недостоин ее».

Но вот улыбка исчезла с лица Бетси, и она озабоченно спросила:

— И как же отец повел себя?

— Грозился стереть в порошок.

— Но ты ушел из фирмы по собственной воле? Ты не позволил ему уволить тебя?

— Ушел по собственной воле.

— И то слава богу. Я ведь знала, как ты чувствовал себя среди лизоблюдов, которые увиваются вокруг отца. Я тоже ненавидела их и постоянно винила себя за все то, что тебе приходится терпеть.

— Да, но Ч. Д. теперь не пожертвует фонду ни цента!

— Ты думаешь, я испугаюсь! Да он чуть ли не на коленях заставлял меня ползать за каждый цент. Не нужен мне такой отец. Никому из нас он не нужен.

Конечно, Бетси нужен был ее отец, всю свою жизнь она упорно пыталась заслужить его благоволение. И вот теперь — ради меня — она соглашалась отказаться от него. Я взглянул на Бетси почти с обожанием.

— И ты правильно поняла все, что я рассказал о себе и Анжелике? — спросил я.

Бетси взяла со столика мартини, отпила глоток и поставила бокал обратно.

— Поняла. Когда женщина так красива...

Голос у нее дрогнул. Я подбежал к ней и обнял.

— Не в том дело, Бетси! Ее красота тут ни при чем. Просто своего рода похмелье прошлого. Мне было неприятно, что она живет в такой нищете, и...

— Биль, не надо, прошу тебя!

Наши взгляды на мгновение встретились, но она тут же опустила глаза. Я прижал ее к себе и поцеловал. Я чувствовал, как в моих объятиях ослабевает, словно оттаивает, ее тело, скованное нервным напряжением. Все снова встало на свои места, я снова был безгранично счастлив.

Бетси осторожно высвободилась из моих рук.

— Но я все еще не понимаю одного. Разве после ареста Анжелика ничего не сказала полицейским?

— Ничего. Не хотела причинять мне неприятности.

— Не хотела причинять неприятности? Но теперь-то ее уже освободили?

— Пока нет. Сегодня, когда я все рассказал Трэнту, он мне не поверил.

— Не поверил?

— Я понимаю, это кажется абсурдным, но и сама Анжелика вначале все отрицала. Я привез Трэнта для беседы с Элин, однако она не захотела подтвердить мое заявление. Впрочем, ее можно понять, она опасалась, как бы Ч. Д. не отказался от своего обещания привезти сюда маленькую Глэдис. В свое время я посвятил Поля в эту историю, а теперь он заявляет, что знать ничего не знает. Во всяком случае, в разговоре с Трэнтом он все отрицал.

Бетси повернулась ко мне.

— И Поль отрицал?!

— Ты же его знаешь. Он хотел выручить меня, да к тому же боится Ч. Д. Поль решил, что старик придет в ярость, если он подтвердит мое заявление. Трэнт с самого начала отнесся скептически к моим словам, но после того, как Элин и Поль отказались их подтвердить, его и винить нельзя. По мнению Трэнта, я просто-напросто вбил себе в голову, что обязан спасти Анжелику, так как все еще ее люблю, и потому-то придумал эту версию о ее алиби. Лейтенант добавил, что ему нужны какие-то вполне определенные доказательства, только тогда он сможет начать действовать.

Если бы я не в такой степени упивался мыслью о вновь обретенном благополучии, мне бы, наверно, бросилась в глаза некоторая странность в поведении Бетси, пока она слушала мой рассказ. Но я, ничего не замечая, продолжал болтать:

— Однако все кончится хорошо. Я понял это, когда ты вошла и застала меня за беседой с Рикки. Свидетель все же нашелся! В тот вечер я привел Анжелику взглянуть на Рикки. Он накануне побывал у зубного врача, а когда мы с ним разговаривали, кукушка в часах прокуковала два раза. Рикки помнит это, помнит и Анжелику. Он назвал ее своей другой мамой, которая была у него до тех пор, пока...

— Биль! — Ее восклицание прозвучало в комнате, как выстрел. Я посмотрел на Бетси, и меня словно окатило ледяной водой. Она побелела, ее губы сжались в узенькую суровую полоску.— Надеюсь, ты не собираешься впутывать Рикки?

— Но, крошка моя...

— Ты что, совсем сошел с ума! Ему же только шесть лет! Таскать его в полицию, пугать, калечить душу...

— Бетси, но другой возможности спасти Анжелику нет.

— Спасти Анжелику... Вот что для тебя самое важное! А как это подействует на Рикки, тебе безразлично. Потом он всю жизнь будет помнить, что его мать сидела в тюрьме по обвинению в убийстве, это тебя не беспокоит? Ты побываешь с ним у следователя, и, если прокуратура все же найдет нужным продолжать дело, Рикки придется давать показания в суде. Он никогда этого не забудет!

Бетси кипела от негодования, я же буквально сжался, уловив в ее взгляде боль и признание своего окончательного поражения. Почему мне раньше не пришло в голову, что, заговорив о Рикки, я затрону самое ранимое место в душе Бетси? Заметив, что она может перенести п о ч т и все, я, глупец, решил, что она перенесет в с е.

Я протянул Бетси руку, но она резко отвернулась и опустилась на кушетку.

— Поступай, как знаешь,— бросила она.— Я не могу запретить. Он твой сын, а не мой. Твой и Анжелики.

Если бы здесь, в комнате, вместо Бетси была другая женщина — несдержанная и раздраженная, я бы не так страдал от ее пронзительного, почти истерического голоса. Но Бетси была права, проявляя такую тревогу о Рикки и последствиях его появления на суде. Вот о чем я и сам до сих пор не подумал.

— Прости, Бетси. Мне самому неприятно. Но что делать, если нет иного пути спасти невиновного человека? — заговорил я, чувствуя, как у меня запершило в горле.

— Невиновного? Откуда известно, что Анжелика невиновна?

— Родная, но я же рассказал тебе... Постой, ты тоже думаешь, что я сочиняю?

Бетси посмотрела на меня. Она уже овладела собой, но лицо ее оставалось холодным.

— Не знаю, сочиняешь или нет. Да и не столь это важно. Жаль, что ты лгал мне.

— Лгал?!

— Жаль, что распинался в своей любви ко

мне, и на мгновение я даже поверила тебе.— Она взяла со столика бокал с вином и уставилась в него.— Возможно, она невиновна, а возможно, виновна. Возможно, ты все-все придумал, а возможно, нет. Во всяком случае, несомненно одно, и эта мысль постоянно причиняла мне мучения. Правда, я пыталась обмануть себя, и иногда это мне удавалось. Да, ты восхищаешься мной, считаешь меня хорошей хозяйкой, хорошей женой, хорошей матерью. Но ты любишь только одну женщину — Анжелику.

С иронической улыбкой Бетси подняла бокал, давая понять, что произнесла свой ледяной тост в мою честь.

Я понимал, как плохо, что Бетси позволила себе такой жест, но во всем этом было еще нечто худшее. Теперь, когда между нами состоялся откровенный разговор, какой-то внутренний голос, в существование которого я бы никогда раньше не поверил, спросил меня: «Ну, а разве она не права, хотя бы отчасти? Да, ты восхищался ею, считал ее чудесной хозяйкой и матерью. Ты верил в ее преданность, пользовался благами жизни, созданной ее стараниями, а предав ее, испытал и стыд, и раскаяние, и сознание того, что не стоишь ее, и много других добродетельных чувств. Но любил ли ты ее? Любил ли так же страстно, безоговорочно и преданно, как Анжелику?»

Я прислушивался к этому голосу и с горечью признавал, что тут что ни слово, то правда.

Я стоял, смотрел на жену, и на память мне пришли слова, сказанные утром Анжеликой: «В одиночке я подумала, что опустилась на самое дно. Как бы не так! Только сейчас я начинаю туда опускаться». С полным правом она могла бы сказать то же самое обо мне. Я-то думал, что, если начну бить себя в грудь и кричать о своей вине, на этом все и кончится. Но оказалось, что признание еще не означает механического отпущения грехов.

«Пройдут годы,— подумал я,— прежде чем мне удастся выплатить Бетси свой долг».

В отвратительном настроении я сел на кушетку рядом с ней.

— Дорогая...

— Ничего, ничего! Я знаю, ты ни в чем не виноват. Пожалуйста, не думай, что я тебя в чем-то обвиняю. Со временем я привыкну.

— Но послушай, Бетси...

Дверь открылась, и кухарка сообщила, что обед готов.

— Спасибо, Мэри,— поблагодарила Бетси с преувеличенно любезной, светской улыбкой. Она поднялась, взяла свой бокал и с той же улыбкой предложила:

— Давай захватим с собой вино. Не возражаешь?

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

— Я так счастлив, никогда не забуду сегодняшний день: «Динамо» выиграло у ЦСКА!

Рисунок В. Воеводина.

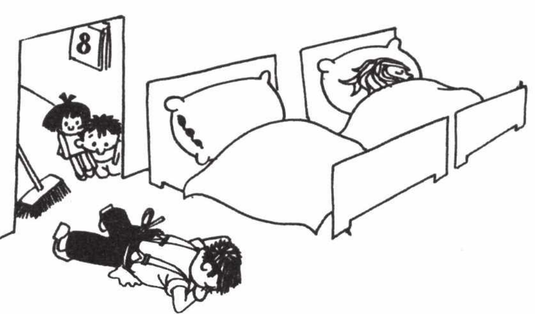

ПО СНЕГУ И ПО ВОЗДУХУ

На американских зимних курортах появилась новинка — «снегобиль», который спускается с гор со скоростью до пятидесяти километров в час, совершая большие прыжки на ухабах.

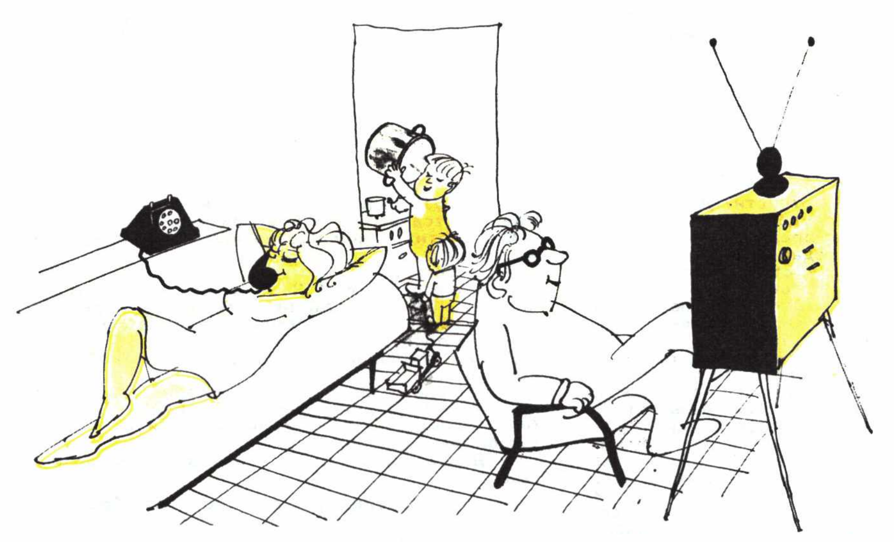

— Добавляется ложка уксуса...

— Бедный папа, после кухни у него даже не хватило сил добраться до постели...

Рисунки В. Тильмана.

— Переходим, Сережа, на самообслуживание: папа в хоккей уперся, мама на телефон легла.

Рисунок В. Воеводина.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Леонид ЛЕНЧ

Рассказ

Николай Петрович Пимушкин, кандидат технических наук, сидел в десятом ряду партера в одном столичном театре и смотрел современную пьесу.

Он именно смотрел пьесу, я подчеркиваю этот глагол потому, что уши кандидата в восприятии спектакля почти не участвовали — об этом позаботился режиссер. Действие спектакля он развернул в глубине сцены, свои короткие реплики актеры произносили скороговоркой и полушепотом, стараясь при этом встать или сесть спиной к зрительному залу.

Кое-как, с пятого на десятое улавливая смысл происходившего на сцене, Пимушкин делал вид, что его вполне устраивает этот невнятный и быстрый полутончик. Значит, так надо, такая мода сейчас в искусстве.

В театр Пимушкин пошел, собственно говоря, ради своей тетки Елизаветы Осиповны, пенсионерки, старой драматической актрисы. Она приехала к столичному племяннику погостить из маленького приволжского городка, где жила на покое, и попросила поводить ее по театрам, показать все новенькое.

Елизавета Осиповна сидела сейчас в соседнем кресле десятого ряда, вернее сказать, не сидела, а вертелась вьюном и, наклоняясь к племяннику, поминутно спрашивала его шепотом, чеканя в старой доброй актерской манере каждое слово:

— Коля, я ничего не могу разобрать! Что он ей сейчас сказал?

Племянник шептал в ответ:

— Я сам только одно слово разобрал, тетя Лиза: «голый». А кто голый и почему голый, не понял.

Бледная девица с длинным, унылым, как у больного гуся, носом, сидевшая впереди, вдруг обернулась к шептавшимся Пимушкиным и, в свою очередь, прошептала укоризненно:

— Не «голый», а «голубь», к вашему сведению.

В задних рядах на них тотчас зашикали:

— Тсс! Тише, граждане! Мешаете слушать!

А кто-то добавил:

— Господи, на сцене — шепотом, в зале — шепот! Массовая игра: кто кого перешепчет!

На некоторое время зрительный зал утих. Но вот на сцене молодой герой лег на банкетку, повернулся к публике упитанным рельефным лавсановым задом и завел длинный глухой разговор с героиней, стоявшей к нему спиной.

Зал опять зашелестел, как сад перед дождем под порывом ветра:

— Что он ей сказал?

— А она что ему сказала?

Елизавета Осиповна наклонилась к уху племянника, спросила шепотом:

— Они помирились или поссорились?

— Не разобрал, тетя Лиза. Сейчас, по-моему, стали ссориться, но очень тихо.

Бледная девица обернулась и сердито, совсем как гусыня, которую щелкнули по ее унылому клюву, прошипела:

— Сейчас он объясняется ей в любви, к вашему сведению!

— А почему он делает это лежа?

— Режиссерский прием, эмоциональное туше. Поражаюсь вашей эстетической неграмотности!

Кандидат технических наук обиделся и ответил не очень находчиво, но зато громко:

— Вы сами невежа и невежда!

Сзади снова зашикали:

— Тсс! Тиш-ше же! Мешаете же слушать же!

— Коля,—жалобно прошептала Елизавета Осиповна,—антракт скоро? У меня, кажется, давление подскочило!

Наступил антракт. Елизавета Осиповна рывком поднялась с кресла и решительно объявила, что идет домой.

Пимушкин сказал примирительно:

— А может быть, досмотрим, тетя Лиза? Репертуар у них так себе, но чай в буфете и пирожные хорошие, вы отдохнете, наберетесь сил...

— Нет, нет, я не могу так напрягаться! Ты заметил, что у актеров от этого шепота всякая дикция пропала, какая-то каша во рту, а не текст. Боже мой, если бы такое услышали Константин Сергеевич и Владимир Иванович!..

До метро решили пойти пешком — проветриться и остудиться. Повиснув на руке у Пимушкина, Елизавета Осиповна шла вприпрыжку и рассказывала, как в их город летом приезжала гастролерша, эстрадная певица, как во время концерта отказал микрофон, и тогда выяснилось, что уже в третьем ряду певицу не слышно.

— Объясни мне, Коля, может быть, я ничего не понимаю, отстала, заросла мохом,— говорила Елизавета Осиповна, волнуясь,— но почему так получается: живем в такое громкое время, а на сцене и на эстраде шепчем?!

— Знаете что, тетя Лиза,— сказал Пимушкин,— это вопрос серьезный, давайте зайдем в кафе, вот тут, на углу, посидим в спокойной обстановке и все обсудим.

Они постояли перед стеклянной стеной кафе и убедились в том, что свободных столиков много. Зашли. Разделись в гардеробе и заняли столик. Не прошло и трех минут, как Пимушкин понял, что посидеть со старой теткой в спокойной обстановке не удастся.

Посетителей было немного, и народ это был мирный и тихий, но за тонкой перегородкой, отделявшей помещение со столиками от кухни, громко ругались между собой официантки, и это как-то отвлекало от серьезного разговора за столиком. На все кафе разносились звучные реплики:

— Дурочка ты, дурочка набитая!

— На себя посмотри!

Пимушкину стало неловко: в театр привел любимую тетку — там шепчутся, зашли в кафе — здесь громко ругаются. И он решил: «Надо уходить!» — но, взглянув на Елизавету Осиповну, поразился: старая драматическая актриса вся светилась от неподдельного восхищения:

— Какая прелесть! Слышишь, Коля?! Ведь не актеры, а каждый слог доносят!

За перегородкой звонкое сопрано отчеканило:

— Плевать я хотела, Варька, на твои пошлые угрозы!

— Вот это дикция! — сказала Елизавета Осиповна и даже подпрыгнула на стуле.— С такой дикцией можно Шекспира играть!

Наконец из-за перегородки вышла официантка. Надутые полные губы, голубые глаза, круглые коленки, туго обтянутые узорными темно-багровыми чулками. Она подошла к Пимушкиным, молча бросила на столик карточку кушаний и напитков.

Елизавета Осиповна робко спросила:

— Душечка, это вы сейчас... на какую-то Варьку?..

— Ну, я! А что?

— Ничего. Я хочу только сказать... у вас есть дикция...

Официантка остановила на актрисе свои отсутствующие голубые очи и буркнула:

— Посмотрите сами в меню, если калькулятор не вычеркнул, значит, есть.

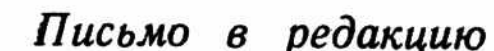
Женский календарь «Мечта».
Рисунок В. Тильмана.

Подарок.
Рисунок М. Вайсборда.

— Как думаешь, мама любит куриные котлеты?
Рисунок В. Тильмана.

Письмо в редакцию

Это волнует многих

Ваш журнал затрагивает ряд волнующих вопросов. Но, по-моему, нам надо говорить не только о кино, а обсуждать многие другие области искусства и быта. Особенно задумываешься над проблемой моды. Она вовсе не так маловажна, как может показаться на первый взгляд. Беспокоит в ней слепое подражание всему, что идет из-за границы.

Ну на что похожи мини-юбки, безобразно разлохмаченные волосы, загримированные лица! Почему мы позволяем уродовать молодежь, развращать молодежь, оголяя девушек и женщин? За границей, понятно, вкусы диктует бизнес: там женщина — вещь для прихотей мужчины, который ее покупает; кукла, вынужденная выставлять свое тело, как товар, напоказ.

Когда же у нас встречаются женщины и девушки, оголенные, с папиросной во рту, с распущенными, как у первобытных дикарок, волосами, то при виде такого зрелища невольно охватывает чувство стыда, возмущения. Наше человеческое достоинство оскорбляют подобные «моды»!

Молодежь наша умна, красива, здорова. Так надо ли нам, взрослым людям, учить ее распутству и легкомыслию? Пусть бы поклонники заграничных нравов и быта упивались всем этим у себя дома. Но, увы, изо всех сил стараясь подражать «заграничному», они диктуют свои вкусы другим.

Видимо, никто не думает о создании своего — советского — стиля как в искусстве, так и в быту, да и вообще во всей жизни. А советский стиль — это стиль разумный и светлый, полезный и радостный; он должен соответствовать героике наших дней, ее красоте.

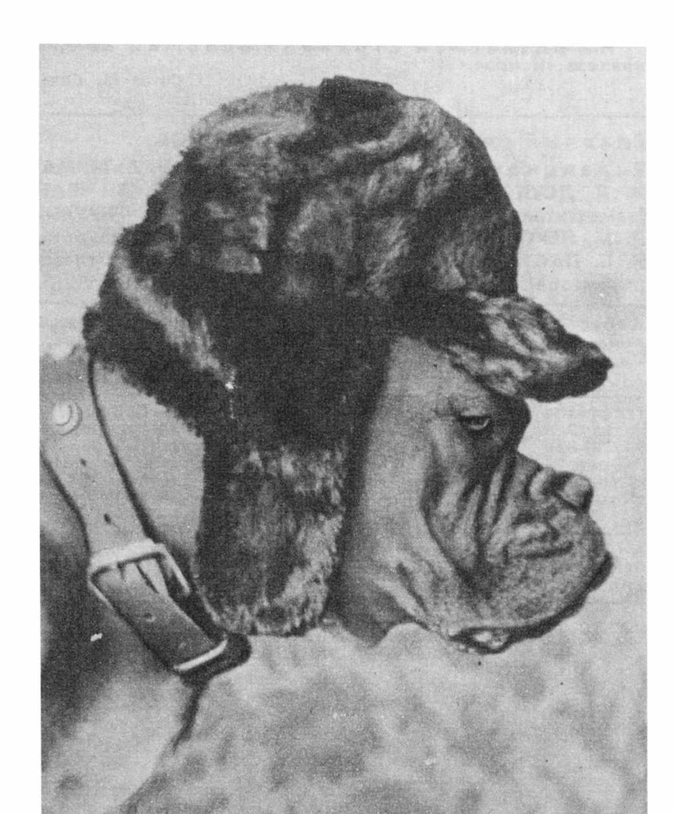
Мне кажется, что если то или иное произведение искусства — кинофильм, спектакль, музыка, мода — не помогает движению жизни вперед, а тянет ее назад или в сторону, то оно нам не нужно. Более того, вредно для нас.

Многие матери, многие женщины просят журнал «Огонек» выдвинуть эти вопросы на обсуждение.

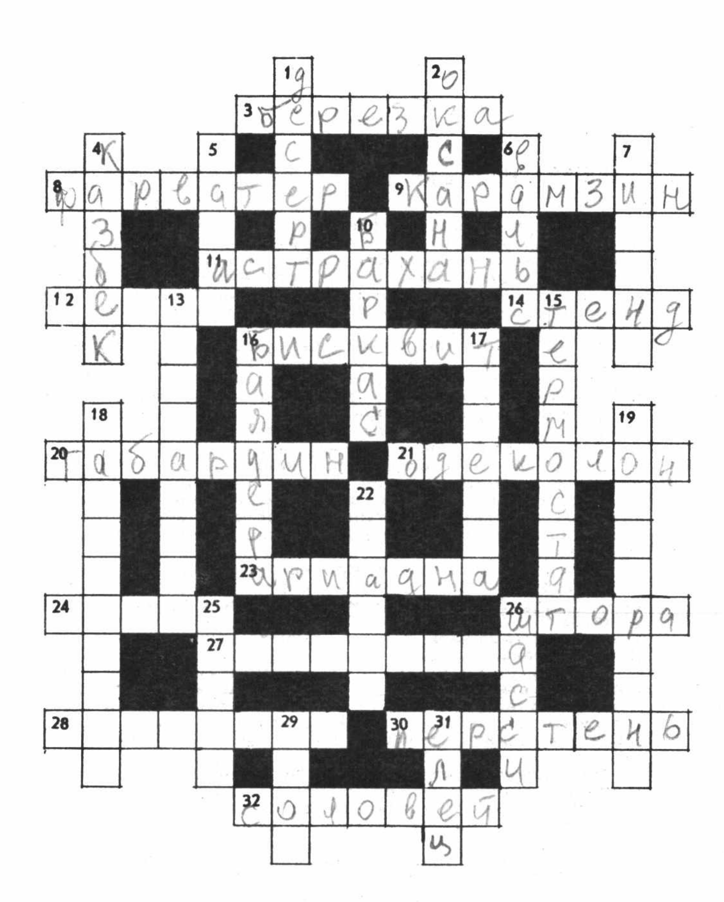
Нам всем вместе надо подумать о создании такого советского стиля, который украшал бы наших людей, новаторов мира.

Аршалуйс ДОВЛАТЯН, актриса

Ереван.

Вот так спасался пес Барбос, когда свирепствовал мороз.
Фото Л. Ермакова.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Хореографический ансамбль. 8. Путь для безопасного плавания судов. 9. Русский писатель и историк. 11. Областной центр в РСФСР. 12. Созвездие северного полушария неба. 14. Щит для экспонатов. 16. Сорт печенья. 20. Шерстяная ткань. 21. Парфюмерное изделие. 23. Рассказ А. П. Чехова. 24. Город в Эстонии. 26. Оконная занавеска. 27. Песня венецианских лодочников. 28. Остров у побережья Юго-Восточной Азии. 30. Кольцо с драгоценным камнем. 32. Романс А. А. Алябьева.

По вертикали: 1. Сладкое блюдо, фрукты. 2. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Черевички». 4. Одна из вершин Большого Кавказа. 5. Ковер. 6. Танец. 7. Кустарник, декоративное растение. 10. Гребная шлюпка. 13. Автор книги «Народные русские сказки». 15. Аппарат, в котором поддерживается постоянная температура. 16. Оперетта И. Кальмана. 17. Курорт в Ставропольском крае. 18. Легкий забор, изгородь. 19. Шестиугольная гармонь. 22. Вид изобразительного искусства. 25. Красная строка. 26. Часть самолета. 29. Птица с пестрым оперением. 31. Рыба семейства карповых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 5. Лексикография. 6. Ресторан. 7. Глиптика. 9. Ампир. 11. Брюллов. 12. Горка. 16. Актиний. 17. Буссоль. 18. Аспирантура. 21. «Варвары». 22. Европий. 25. Линде. 26. Барибал. 27. «Антар». 28. Бельэтаж. 29. Черкеска. 30. Перламутровка.

По вертикали: 1. Пластилин. 2. Литавра. 3. Аралсор. 4. Пятигорск. 8. Александрия. 10. Микиндани. 13. Коломбина. 14. Миссури. 15. Дубрава. 19. Гваделупа. 20. Горностай. 23. Карагач. 24. Кафедра.

●

На первой странице обложки: Надежда Васильева, обмотчица электроремонтного цеха Лениногорского полиметаллического комбината — кандидат в депутаты городского Совета (см. в номере очерк «Зеленый, красный, голубой»).

Фото А. Награльяна.

На последней странице обложки: Вечером в колхозе «Искра».

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.
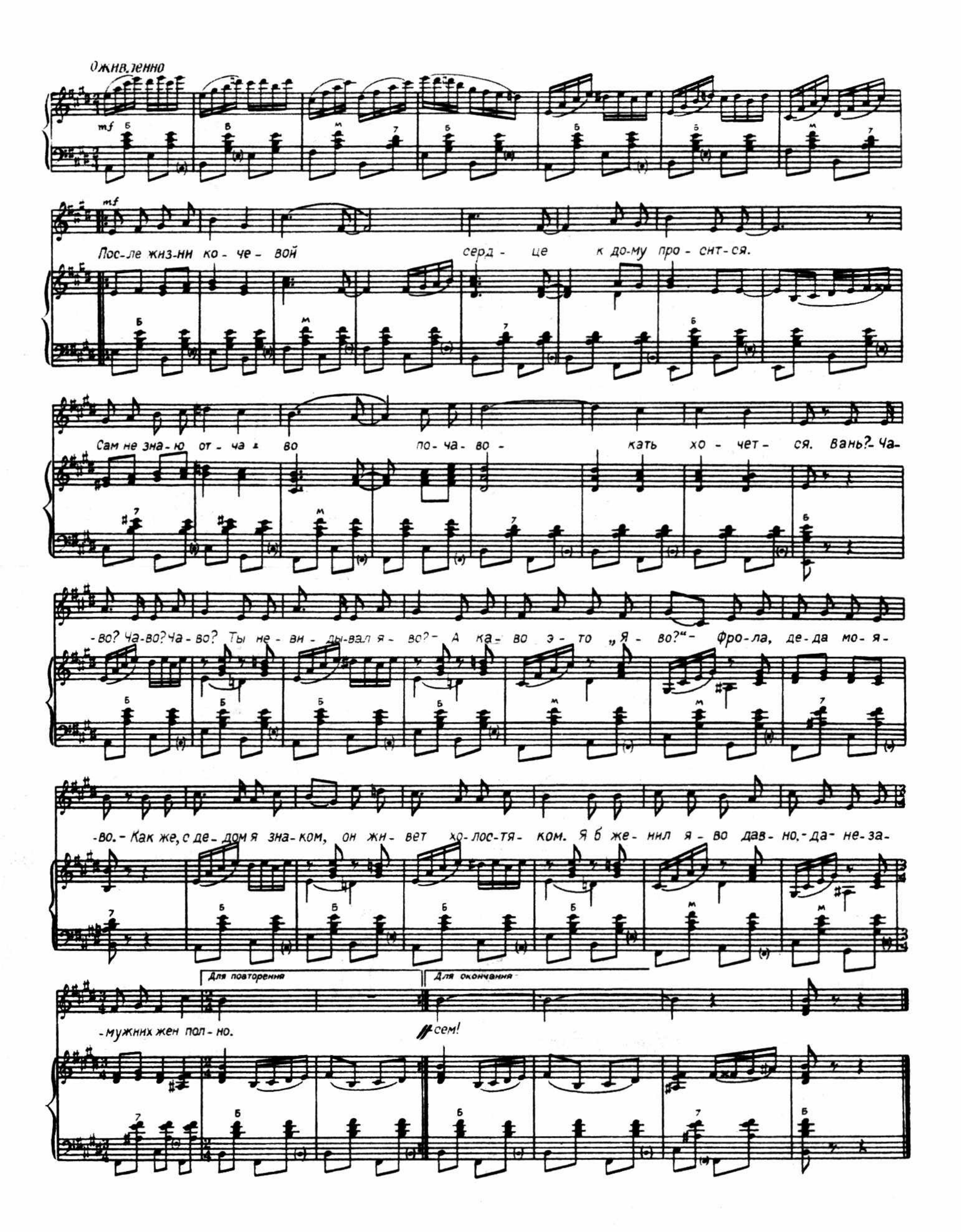
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00340. Сдано в набор 18/II-69 г. Подписано к печ. 4/III-69 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55
Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 405. Заказ № 483

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

„Почавочки"

Музыка А. АВЕРКИНА. *Шутка* **Слова В. ТУРКИНА.**

После жизни кочевой
Сердце к дому просится.
Сам не знаю отчаво,
Почавокать хочется.

— Вань? — Чаво? Чаво? Чаво?
— Ты не видывал яво?
— А каво это «яво»?
— Фрола, деда мояво.
— Как же, с дедом я знаком.
Он живет холостяком.
Я б женил яво давно,
Да незамужних жен полно.

Седина пошла в висок.
Юность не воротится.
Мне бы лапти на часок —
Почавокать хочется.

— Вань? — Чаво? Чаво? Чаво?
— Ты не видывал яво?
— А каво это «яво»?
— Нила, батьку мояво.
— Как же так не видывал?
— Нил ведь что повыдумал:
Взял он шило у меня
Да на мыло променял.

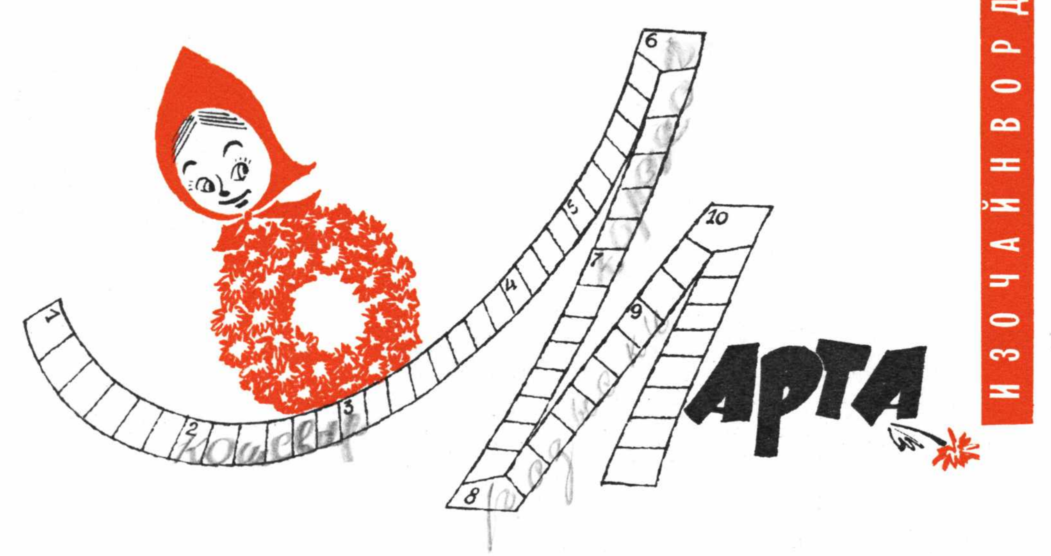
Деревенские года
Никогда не кончатся.
До чаво мне иногда
Почавокать хочется.

— Вань? — Чаво? Чаво? Чаво?
— Ты не видывал яво?
— А каво это «яво»?
— Митьку, брата мояво.
— А зачем табе яво?
— Да табак мой у няво!
— На понюхай мояво.
— Да у мня много свояво.

Вечер лампочки зажег.
Месяц в тучку котится.
Напоследочек разок
Мне чавокнуть хочется.

— Вань? — Чаво? Чаво? Чаво?
— Ты не видывал яво?
— А каво это «яво»?
— Да меня-то самово!
— Да тебя-то самово?
А ты это — не таво?!
Погляди-ка, видно всем —
Да зачавокался совсем!

ИЗОЧАЙНВОРД

Этот изочайнворд нарисовали художники В. Черников, В. Тильман, В. Жаринов, Е. Шабельник, А. Грунин, М. Вайсборд, Е. Горохов, О. Теслер.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Ответы на изочайнворд, напечатанный в № 1

1. Елка. 2. Антракт. 3. Тамада. 4. Автомат. 5. Трезвенник. 6. Карнавал. 7. Луна. 8. Ассистент. 9. Телеграмма. 10. Астроном. 11. Маскарад.

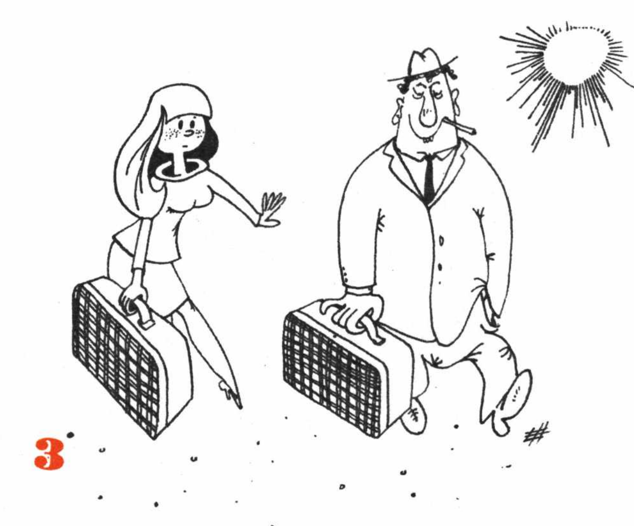
Первыми правильные ответы прислали: Т. Хоменкова, Ю. Б. Яворовский, К. Н. Неунылов, семья Стальмаховых, А. П. Стадникова, В. и М. Савины, В. А. и В. В. Колмаковы, Л. Зенишева, К. М. Воробьев, Р. А. Кузьмина, К. Н. Назаренко, Т. Н. Максимов, П. И. Харитонов, М. и А. Сушкины, семья Сейрановых, К. М. Симоненко, Л. М. Протасова, С. И. Монахов, А. М. Эммануэль, С. М. Мельников.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.